

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Коршенко Сергей Вадимович

**ОБРАЗ ЯПОНИИ И ЯПОНЦЕВ В СОВЕТСКОМ МАССОВОМ
СОЗНАНИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, профессор
Н.Д. Козлов

Санкт-Петербург – 2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Средства и способы формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны	33
1.1. Деятельность периодической печати в формировании представлений населения СССР о Японии и японцах.....	33
1.2. Влияние наглядной агитации и кинематографа на восприятия советских людей о Японии и японцах	54
1.3. Формирование представлений о Японии и японцах посредством радиовещания и устной пропаганды.....	82
Глава 2. Результаты формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании	100
2.1. Представления о Японии и японцах в сознании военного и политического руководства Советского Союза.....	100
2.2. Образ Японии в сознании советских военнослужащих... ..	123
2.3. Восприятие Японии тружениками тыла... ..	157
Заключение... ..	180
Список источников и литературы	185
Приложение.... ..	196

Введение

Актуальность. Вторая мировая война была величайшим испытанием для всех народов, и подвергла жесточайшей проверке человеческое сознание. Период с 1939 – 1945 гг. стал судьбоносным для советского народа, одержавшего победу в Великой Отечественной войне и внесшего решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Борьба с фашистами за существование собственной государственности, угроза полного физического уничтожения сформировали в советском массовом сознании мобилизационную готовность к отражению противника. В период, когда для советского народа высшими человеческими ценностями стали стойкость национального характера, взаимопомощь, готовность к самопожертвованию, невольное сопоставление «мы» и «они» позволило сформировать «образ врага» с его внешними и внутренними характеристиками. Процесс восприятия другой страны во время войны особенно усиливался, когда под влиянием внутрисполитических (к примеру, всеобщей мобилизации населения) или внешнеполитических факторов (как, международное сотрудничество или конфронтация) «образ врага» претерпевал изменения в массовом сознании.

Немаловажным фактором в годы войны стало территориальное соседство Советского Союза с государствами, которые накануне большой войны вступили в соперничество с нашей страной с целью усиления своего доминирующего положения на геополитической арене, в результате чего возрастала вероятность интенсивной межнациональной коммуникации, прежде всего, в виде локальных конфликтов. В период очередного «витка» колониальных захватов соперником СССР в дальневосточном регионе выступила Япония.

Как и сегодня, в 1930-е гг. восточные окраины Советского Союза стали ключевыми в азиатско-тихоокеанском регионе и представляли большой интерес для островного соседа. Период конфронтации в данном регионе в настоящее время сменяется процессом налаживания двухсторонних

отношений между Россией и Японией и решением проблемы т.н. «северных территорий». Во время двухдневного визита в Японию в декабре 2016 года Президент РФ В.В. Путин заявил следующее: «Япония жила без глубокого сотрудничества с Россией 70 лет, и мы жили... На наш взгляд, нужно прекратить этот исторический пинг-понг по этим территориям, нужно в конце концов как-то понять, что фундаментальные интересы и Японии и России требуют окончательного, долгосрочного урегулирования, эти острова вполне... могут стать не яблоком раздора между Россией и Японией, а наоборот, чем-то объединяющим и Россию, и Японию»¹. С такой позицией согласилось и нынешнее руководство Японии: «... Без взаимного доверия народов Японии и России невозможно найти взаимоприемлемые решения и достичь финишных ворот в виде заключения мирного договора» - заключил Премьер-министр Японии Синдзо Абэ.

Поэтому для отечественной науки сегодня, в условиях всемирной политической, экономической, культурной интеграции и унификации, является важным изучение взаимовосприятий различных народов на определенных этапах исторического развития. Сравнительно недавние работы, посвященные изучению других стран через сопоставление «себя» с внешним миром послужили началом новому направлению в исторической науке - имагологии. Будучи исторической дисциплиной, имагология позволила раскрыть представления различных категорий населения о внешнем мире как части картины мира. Анализ объективных и субъективных представлений народов о противнике позволил воссоздать более полную картину войны. Индивидуальное восприятие противника населением, и преобладание в нем субъективных характеристик, во многом осложнили процесс исследования, что сделало его еще более актуальным.

Изучение содержательных характеристик «образа врага», общественных настроений жителей СССР в годы войны позволили сформировать

¹ Статья в «Российской газете»: «Президент РФ призвал прекратить «исторический пинг-понг» по Курилам». URL: <https://rg.ru/2016/12/16/putin-prizval-prekratit-istoricheskij-ping-pong-po-kurilam.html>. Дата обращения: 23.01.2017.

следующую проблему – изучение образа Японии и японцев через призму представлений в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны.

Советско-японские конфликты и войны в конце 1930-х – 1940-х гг., несмотря на то, что были относительно непродолжительными, имели важное значение для последующих результатов Второй мировой войны и в послевоенный период. Однако без учета психологического и межкультурного факторов будет затруднительным осмысление уроков войны.

Научная новизна. Несмотря на то, что изучение образа Японии и японцев в советском массовом сознании прочно вошло в сферу интересов отечественных историков, в работе предпринимается попытка комплексного научного исследования данной проблемы именно в период Второй мировой войны, в период эволюции представлений о противнике на фронте и в тылу. Анализируются средства, способы и результаты представлений о Стране восходящего солнца различных категорий населения в центральных и отдаленных регионах СССР в годы войны. Помимо этого, при работе над исследованием в научный оборот были введены некоторые неопубликованные материалы о настроениях советского населения, связанных с военными кампаниями в центральной части СССР и на Дальнем Востоке.

Объектом исследования является советское массовое сознание периода Второй мировой войны, под которым в исследовании понимается совокупность настроений, переживаний, заблуждений, знаний, взглядов и психологических установок, присущих обществу указанного периода.

Предметом исследования является образ Японии и японцев в советском массовом сознании, нашедший отражение накануне и в годы Второй мировой войны в представлениях общественности и советского руководства.

Цель данной работы - проанализировать образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй Мировой войны. Данная цель достигалась через решение следующих задач:

- Рассмотреть роль периодической печати и устной пропаганды в формировании представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании.
- Дать характеристику наглядной агитации, фольклору, кинематографу и другим средствам и способам формирования представлений о Японии и японцах в советское общественное сознании.
- Проанализировать этапы складывания стереотипов об островном соседе в советском официальном сознании, изучив мнения и позиции военного и политического руководства Советского Союза в отношении Японии.
- Определить источники и характеризовать индивидуальное восприятие советского населения на фронте и в тылу о Японии и японцах накануне и в годы Второй мировой войны.

Хронологические рамки исследования очерчиваются преддверием и окончанием Второй Мировой войны. Нижней границей для этого послужил июль – август 1938 года – хасанские события, верхней – окончание Второй мировой войны 2 сентября 1945 года. Тем не менее, для более полного раскрытия темы возникла необходимость обратиться к более ранним периодам с целью обоснования средств, способов и причин восприятия Японии и японцев у различных категорий советского населения.

Территориальные рамки исследования охватывают территории советского Дальнего Востока (Приморья, Хабаровского края и Камчатки), а также некоторых центральных регионов Советского Союза, в том числе Москвы и Ленинграда.

Степень изученности темы исследования. Концептуальные основы отечественной историографии по проблеме советско-японских вооруженных конфликтов в конце 1930-х – 1940-х гг. были заложены уже непосредственно

накануне Второй мировой войны лидером страны И.В. Сталиным, а также видными учеными-японоведами, такими как Е.М. Жуков, В.Я. Аварин и др¹. В 1950 – 1980-е гг. советские историки не могли не учитывать взглядов «вождя народов» по указанной проблеме, зачастую прибегая к цитированию его выступлений в годы войны. Послевоенная историография единым фронтом стала акцентировать внимание на агрессивных и империалистических действиях японской «военщины» против Китая и СССР, подчеркивая вынужденный и необходимый характер участия Советского Союза в событиях на Хасане и Халкин-Голе, в Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 года². В стремлении подчеркнуть направляющую роль партии в разрешении конфликтов на Дальнем Востоке, тональность работ советских историков зачастую была крайне эмоциональна³.

Результаты научных изысканий 1930-х – 1960-х гг. легли в основу 6-томной «Истории Великой Отечественной войны»⁴. Несмотря на то, что масштабное издание было посвящено преимущественно военным действиям и героической борьбе советского народа с фашистской Германией, в частности, советско-японским противостояниям в годы войны были уделены отдельные главы 5-го тома. В них нашли отражение анализ дипломатических предпосылок войны с Японией в августе 1945 года, Ялтинская конференция в феврале того же года, бои на Маньчжурском

¹ Жуков Е.М. История Японии. – М., 1939.

Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. – М., 1947.

² Гельфонд Г.М. Советский флот в войне с Японией. – М., 1958.

Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М., 1962.

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке: Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. – М., 1971.

Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. – М., 1971.

Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939 – 1945 гг. – М., 1979.

³ Горбунов Е.А. Крах планов «Оцу», 10 августа 1938, 20 августа 1939. – Владивосток, 1988.

Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931 – 1945. – М., 1989.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. Т. 5. – М., 1963.

театре военных действий, на Сахалине и Курилах, раскрывалось военно-политическое значение победы Советского Союза.

В 1982 году комплексный подход при анализе новых научных разработок был применен в 12-томной «Истории Второй мировой войны»¹, в которой информация о Японии (о ее участии в войне, социально-экономическом потенциале и др.) содержалась уже в каждом томе, в том числе, отдельно отведенном, 11-м, где детально были проработаны вопросы финальных событий Второй мировой войны.

В постсоветский период историки стали уделять большое внимание, прежде всего, дипломатической истории советско-японских отношений в годы Второй мировой войны². Переосмысление событий на Хасане и Халкин-Голе, Маньчжурской стратегической наступательной операции привело в 1990-е гг. к дискуссии между сторонниками традиционных оценок, данных советскими историками с приверженцами т.н. «ревизионистской» школы.

В рамках устоявшейся концепции вновь подчеркивалось, что следствием локальных столкновений Японии с СССР стала оккупационная политика последней в условиях нестабильной геополитической обстановки на международной арене³. Однако в тот же период историки «ревизионистской школы» предприняли попытку пересмотреть причины столкновений на озере Хасан и реке Халкин-Гол, прежде всего, акцентируя внимание на слабой демаркации границ или ее отсутствии, возлагая ответственность за произошедшее, как на Японию, так и на Советский Союз. Кроме того, по мнению историков данного направления, именно советское руководство в

¹ История Второй мировой войны. 1939 – 1945. Т. 11. – М., 1980.

² Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941-1945. – М., 1995.

Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. – М., 1996.

³ Деревянко А.П. Пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. Материалы к 60-летию Хасанских событий. – Владивосток, 1998.

Зимонин В.П. Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. – М., 2010.

1938 – 1939 гг. попыталось «снять пробу» сил в дальневосточном регионе в преддверии надвигающейся войны¹.

Дискуссионным в отечественной историографии этого периода стал вопрос о положениях советско-японского Пакта о нейтралитете апреля 1941 года. Историки-ревизионисты, в лице Б.Н. Славинского, В.Э. Молодякова² и др., на основе ранее не изученных документов, пришли к выводу о нарушении советской стороной Пакта о нейтралитете, возложив ответственность на СССР за развязывание войны с Японией, а также выдвинули тезис об отсутствии необходимости вступления СССР в войну с Японией. Данная оценка была подвергнута критике историками традиционного направления А.А. Кошкиным, С.Л. Тихвинским³ и др., которые, в свою очередь, убедительно отстаивали свою позицию тезисами о выполнении Советским Союзом союзнического долга, о стремлении «потушить» последний очаг агрессии, искоренить идеологии японского милитаризма. Poleмика вокруг статуса южного Сахалина и Курильских островов также сегодня в центре внимания отечественных историков. Сторонники возвращения исконных территорий в лоно Японии вновь вступают в противостояние с теми, кто отказывается проводить «ревизию» итогов Второй мировой войны.

На данном этапе развития историографии в рамках советско-японских отношений в 1930 – 1940-е гг. раскрываются проблемы, которые, в свое время, не нашли должного отражения в советский и постсоветский период. К

¹ Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929 – 1948 гг.). – М., 2005.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. – М., 2004.

Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – М., 2003.

² Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941-1945. – М., 1995. – С. 19.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929 – 1948 гг.). – М., 2005. – С. 296.

³ Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. – М., 2010. – С. 179-316.

Зимонин В.П. Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. – М., 2010.

Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. – М., 1996. С. 25-26.

таким вопросам, к примеру, относятся проблемы японских военнопленных¹, феномена «камикадзе»², обыденного сознания и повседневности.

В современной российской историографии сегодня также значительное место уделено проблеме формирования «образа врага» в массовом сознании в период войны. Хотя научные разработки по данному вопросу стали появляться относительно недавно в отличие от других направлений исторических исследований. В советское время в рамках данной проблематики лишь некоторые работы отечественных и зарубежных исследователей были опубликованы и переведены на русский язык³. Причиной недостаточной разработки, по мнению профессора Е.С. Сенявской, была «деликатность» данной темы, которой зачастую занимались представители советских спецслужб⁴.

Постсоветский период в развитии историографии по данному направлению характеризовался более пристальным вниманием историков к проблеме формирования «образа врага» в массовом сознании в годы войны. Первые попытки комплексного исследования архивных документов, периодической печати и источников личного происхождения позволили обогатить историографию этого направления.

Первым подобным исследованием, отличающимся глубиной научных изысканий и выводов, стала работа профессора Е.С. Сенявской, посвященная

¹ Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия. (1945 – 1956 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 2007.

Карасев С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945-1956 годы). – Иркутск, 2006.

² Иванов Ю.Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. – Смоленск, 2003.

³ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. Пер. с польск. – М., 1981.

Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной. 1941 – 1945. – М., 1983.

Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941 – 1944 гг. – М., 1988.

Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. – М., 1985.

Вербицкий С.И. Формирование представлений о Японии в России и СССР // Япония: Ежегодник. – М., 1989. – С. 129-149.

⁴ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 5.

противникам России в истории XX века¹. Исследовательница отмечает, что формирование «образа врага» в российском (советском) обществе осуществлялось средствами пропаганды и агитации, средствами массовой информации и др., чему способствовало множество факторов. Так, существование довоенных стереотипов о противнике, которые не всегда соответствовали нуждам военного времени, сжатые сроки, массовый характер приобщения, различный образовательный и культурный уровень, жизненный опыт советского населения, а также «искусственность создаваемой конструкции», в значительной мере приводили к мифологизации «образа врага»². Однако Е.С. Сенявская отмечает наличие в обществе различных субъектов восприятия, на которых зачастую не могла оказать влияние агитационно-пропагандистская политика государства, имея в виду, непосредственных участников боевых действий и население оккупированных территорий. «Опыт такого взаимодействия различен у видов и родов войск, представителей различных военных профессий, да и у конкретных военнослужащих – считает профессор Е.С. Сенявская. – Однако в ходе войны формируется некий общеармейский коллективный опыт восприятия противника и соответствующий ему «образ врага», который может существенно отличаться и от представлений государственных аналитических служб высоких уровней, и от пропагандистского образа, внедряемого в общество, и от некоторых других образов, формируемых, например, у гражданского населения. В «армейском» образе значительно меньше пропагандистских штампов и идеологических клише, мало в нем и

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006.

Сенявская Е.С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. – М., 2006. – № 1. – С. 92-103.

Сенявская Е.С. Психология советского солдата в годы Великой Отечественной войны // Социология власти. – № 6. – 2004. – С. 5-22.

Сенявская Е.С. Духовный облик фронтового поколения: (Методологические и источниковедческие проблемы изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992.

Сенявская Е.С. Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1999.

² Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006. – С.14.

обобщающей «информационной аналитики». Зато доминирует непосредственный прагматический опыт, здравый смысл и связанные с ними эмоциональные компоненты»¹.

Появлению столь подробного исследования по данной проблематике способствовали разработки по историческому аспекту, которым сегодня занимаются не только историки², но и представители других отраслей науки. Кроме того, в ряде трудов, посвященных средствам, способам и результатам формирования представлений о противнике в массовом сознании, исследователи обратили внимание не только на «внешних врагов» СССР, но и на «внутренних»³. К примеру, в работе Б.Н. Арнаутова⁴ анализируются

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 17-18.

² Неvejeин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 – 1941 гг. – М., 1997.

Сенявский А.С. Проблема «свой» - «чужой» в историческом сознании: теоретико-методологический аспект // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Матер. Междунар. науч. конф. / Под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2001. – С. 13-15.

³ Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930 – 1940-х гг. // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 31-46.

Назаров А. Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофотодокументах июня – декабря 1941 года // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М., 2005. – С. 175-190.

Мельникова И.В. Музыка как символ русско-японского партнерства // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 116-142.

Сенявская Е.С. Русские и финны глазами друг друга: «образ врага» в кинематографе о Второй мировой войне // Вестник РУДН. Серия «История России». – М., 2005. – С. 14-19.

Дроздов Ф.Б. «Образ врага» в сознании рядового красноармейца в годы Великой Отечественной войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004.

Новые научные направления. – М., 2005. – С. 302-315.

Всеволодов В.А. «Образ врага» (к вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плена. – Красногорск, 1996. – С. 144-147.

Горяева Т. Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. – 2002. – № 10. – С. 41-44.

Козлов Н.Д. Образ врага в сознании народа и отношение к нему в годы Великой Отечественной войны // IX Царскосельские чтения. Т.1. Материалы всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2005. – С.169-178.

Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. – М., 1999.

Червякова А. О роли органов советской и германской пропаганды в формировании массового сознания населения СССР и советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – Ростов-на-Дону, 2001. – № 1 (57) – С. 13-17.

⁴ Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (дек. 1934 – нояб. 1938 гг.). – Новосибирск, 2012.

этапы становления «образа врага народа» в условиях еще формирующейся советской государственной системы в 1934 – 1938 гг. По мнению автора, в эти годы «образ врага народа» стал служить одним из существенных элементов «превращения страны в единый военно-трудовой лагерь». Проблему восприятия «внешних врагов» в разное время также поднимали А.В. Фатеев¹ и А.С. Белоконева², которые рассмотрели методы и средства формирования «образа врага послевоенного», когда сформированные враждебные представления внутри советского общества были направлены на бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции, которым, в свою очередь были посвящены исследования М.В. Кирпичниковой³ и И.О. Колдомасова⁴.

Значительные исследования были посвящены непосредственно восприятию Страны восходящего солнца на разных этапах ее взаимоотношений с Россией (Советским Союзом). В ряде современных работ рассматривается образ Японии в дореволюционной России и в период войны с ней в 1904 – 1905 гг.⁵ Расстановка геополитических сил на международной арене, и участие в них Японии и СССР в 1930-е гг. привлекли более пристальное внимание историков уже на современном этапе развития

¹ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954. – М., 1999.

² Белоконева А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала "холодной войны" (1946 - 1953 гг.): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004.

³ Кирпичникова М.В. Антигитлеровская коалиция в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны (на материалах северо-запада СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008.

⁴ Колдомасов И.О. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества (1941 – 1945): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010.

⁵ Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 341-356.
Молодяков В.Э. Япония в русском сознании и в русской культуре конца XIX – начала XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 325-340.

Сенявская Е.С. Япония как противник России в войнах XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 357-386.

Михайлова Ю.Д. Война длиною в целый век: лубок, литография, карикатура // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 38-67.

Вергасов Ф. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. – М., 1998.

отечественной историографии¹. Особо стоит отметить научные изыскания исследовательницы А.С. Ложкиной, в работах которой, на основе архивных документов и опубликованных материалов, приведены причины и источники формирования представлений в сознании высшего советского руководства об островном соседе Советского Союза в период напряженной обстановки в дальневосточном регионе в начале 1930-х гг. Обстоятельно рассмотрены результаты процессов восприятия образа Японии не только у партийных руководителей, но и у других социальных групп населения. Особое внимание проблеме восприятия Японии как противника СССР в период локальных конфликтов в конце 1930-х гг. и в период Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе – сентябре 1945 года уделено в работах профессора Е.С. Сеньявской².

В результате, новым для данного историографического периода является защита большого количества диссертационных исследований, раскрывающих различные объекты восприятия советского массового сознания в период Второй мировой войны³.

¹ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. Ежегодник. – М., 2008. № 37. – С. 259-284.
Ложкина А.С. Роль периодической печати СССР в формировании Образа Японии (исторический опыт 1930-х гг.) // Уральский исторический вестник. – 2009. – №1 (22). – С. 23-30.

Ложкина А.С. Источники формирования образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2008. – №4. – С. 85-100.

Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931-1939): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

² Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006. (Глава 1).

Сеньявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО Университета. – М., 2013. №4 (31). – С. 165-176.

³ Белоконева А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала "холодной войны" (1946 - 1953 гг.) : Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004.

Исаев А.А. Общество Дальнего Востока в условиях японской опасности (1930-е – середина 1940-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2006.

Колдомасов И.О. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества (1941 – 1945): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010.

Средствами формирования представлений о противнике в СССР, которыми зачастую были периодические издания, стали заниматься еще в советское время. Историки, занимавшиеся этой проблемой, ставили целью, прежде всего, изучение структуры, содержательной части и значения периодических изданий в военный период¹. Кроме того, на протяжении второй половины XX века активно изучалась роль пропагандистов и средств устной агитации в годы войны².

В виду того, что «образ врага» рассматривается как феномен массового сознания, на современном этапе отечественной историографии большое развитие получили исследования, посвященные особенностям менталитета, моральному потенциалу и массовому сознанию советского народа на разных этапах его развития.

В монографии «Официальное и быденное сознание в годы Великой Отечественной войны»³ профессор Козлов Н.Д. в соавторстве с

¹ Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М., 1960.

Широкоград И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – М., 2001.

Николаева М.Ф. Советский плакат (1917-1941): между искусством и медийной технологией // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – № 3. – 2012.

Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Русин. – №2 (40). – 2015.

Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов, 2013. № 3. – С. 123.

Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. – М., 1962. – С. 122-124.

² Кондакова Н. И. Война, государство, общество, 1941-1945. – М., 2002.

Мощанский И.Б. Информационная война: органы спецпропаганды Красной армии. – М., 2010.

³ Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и быденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2008.

Козлов Н.Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 1996.

Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – СПб.: ЛОИУУ, 1995.

Козлов Н.Д. Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 5. – С. 57-68.

Козлов Н.Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – С. 30-45.

исследовательницей Довжинец М.М. воссоздали общую картину духовной атмосферы советского народа в период Великой Отечественной войны, исследовали источники воздействия на формирование советского массового сознания в этот период. Комментируя различные формы внутреннего и внешнего поведения советских людей по отношению к противникам в Великой Отечественной войне, авторы работы приходят к выводу, что «образ врага» является характерным, даже очевидным историческим явлением для военного времени. По мнению Н.Д. Козлова, самые яркие формы выражения «образа врага» позволили держать население в состоянии полной боевой готовности, подавили вспышки предательства и инакомыслия.

Исследователь В.Ф. Зима в своей работе «Менталитет народов России в войне 1941 – 1945 гг.»¹ предприняла попытку найти истоки героических подвигов советских людей на фронте, и в тылу. Помимо, «двужильной крестьянской выносливости» и адаптации в условиях сурового морозного климата в работе также перечисляются «необходимость мести к врагу», однако, не без влияния государственных механизмов пропаганды и агитации и др. В работе исследователя О.В. Дружбы «Проблема войны в сознании советского общества 30 – 50-хх гг. XX в.»² раскрываются результаты мифологического восприятия действительности советским населением, в результате которого, по версии автора, формировалась «идеальная модель» на основе всеобщей покорности, когда советские люди принимали «картину войны», далекую от реальности.

По указанной проблеме необходимо выделить монографию профессора Ткачевой Г.А. «Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной

Козлов Н.Д. Союзники и противник о патриотизме советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 4. – С. 7-17.

Козлов Н.Д. Великая Отечественная война: свидетельства и оценки участников. – СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2015.

¹ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941 – 1945 гг. – М., 2000.

² Дружба О.В. Проблема войны в сознании советского общества 30 – 50-хх гг. XX в.: прогнозы, реальность, первый опыт исторического осмысления. – Ростов-на-Дону, 2006.

войны»¹, в которой нашли отражение тревоги, переживания и обращения жителей Дальнего Востока в условиях «японской опасности» в военное время. Автор исследует различные формы поведения людей в изменяющихся условиях, и на основании конкретных примеров формулирует доминанту общественных настроений жителей Приморья. Историк приходит к выводу, что наличие союзника фашистской Германии вблизи советской границы стало не только определяющим фактором для укрепления восточных рубежей СССР (даже в условиях заключенного Пакта о нейтралитете), но и позволило сохранить в массовом сознании стереотипы о Японии, известных еще со времен локальных конфликтов в конце 1930-х гг. К таким выводам Ткачева Г.А. приходит на основании изученных архивных материалов отделов пропаганды и агитации, протоколов агитационных собраний Хабаровского и Приморского краев.

«Образ врага» в СССР традиционно представлял комплексное, а в результате агитационно-пропагандистской работы собирательное представление о противнике, зачастую верное, необходимое и очевидное, но порой искаженное, иллюзорное в массовом сознании. С учетом того, что проблема носит междисциплинарный характер, не только историки сегодня занимаются исследованием восприятия и менталитета населения. Наиболее примечательной работой в этом направлении является труд «Манипуляция сознанием»², в которой ее автор, С.Г. Кара-Мурза проанализировав причины и сущность, основные доктрины, формы и методы воздействия на

¹ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). – Владивосток, 2010.

Ткачева Г.А. Особенности общественного сознания дальневосточников (1941 – 1945 гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятые Крушановские чтения. 2006. – Владивосток, 2008. Т. 1. С. 382 – 390.

Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Владивосток, 2012.

Исаев А.А. Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917 – 1960-е гг. XX века: сб. науч. ст. – Владивосток, 2005. Кн. 3. – С. 117-118.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000.

человеческое сознание, отдельно останавливается на манипуляции сознанием в условиях массовой культуры, в условиях существования различных общественных институтов и особо подчеркивает роль средств массовой информации, однако, не вдаваясь в конкретизацию исторических процессов.

Таким образом, многие исследователи сходятся в очевидности такого исторического явления, как «образ врага» и в схожести процессов его формирования. Отдельные историки полагают, что воплощение данного явления в жизнь является обоснованной реальией военного времени, видят коренные причины его формирования в работе государственных механизмов пропаганды и агитации. Важным в данных исследованиях стало изучение «образа врага» в динамике усиления или ослабления государственной пропагандистской работы с учетом личного опыта и настроений населения страны.

Обзор историографии показал, что аспекты, связанные с проблемами официального и обыденного сознания в мирное время и в годы войны, проблемы, посвященные объектам восприятия и вопросы о процессах формирования представлений о союзниках и противниках России (СССР) находят отражение все в большем количестве исследований. Однако данная проблематика до сих пор не изучена или не раскрыта более полно на различных этапах исторического развития российского (советского) общества.

Источниковая база исследования. В основе исследования лежит комплекс преимущественно письменных исторических источников, состоящий из опубликованных и неопубликованных материалов. Источниковая база состоит из архивных документов, хранящихся в пяти архивах (двух центральных и трех региональных): Центральном Городском архиве Москвы (ЦГА г. Москвы), Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном военно-морском архиве Министерства обороны в Гатчине (ЦВМА в г. Гатчина), Государственном архиве Приморского края (ГАПК), Центральном

Государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Документы из фонда И.В. Сталина (ф. 558) в РГАСПИ, несмотря на то, что продолжительное время используются исследователями советской истории, помогли выявить источники и разобраться в причинах формирования представлений о Японии и японцах в сознании высшего руководства СССР в предвоенный период. Материалы фонда Штаба Тихоокеанского флота (ф. 2450) в ЦВМА г. Гатчины помогли сверить разведывательные сведения Тихоокеанского флота с информацией в источниках личного происхождения, порой субъективных по своему содержанию.

Специфика работы с фондами ГАПК, ЦГАИПД СПб, ЦГА г. Москвы, в которых хранятся документы райкомов, горкомов и обкомов (крайкомов) ВКП(б), заключается в том, что в них собраны протоколы, информационные справки и бюллетени отделов пропаганды и агитации о морально-политической работе с советским населением в период боевых действий между Японией и СССР, что позволило, в свою очередь, провести сравнительно-сопоставительный анализ настроений жителей Советского Союза в Москве, Ленинграде и во Владивостоке. Ко всему прочему, архивы позволяют использовать возможности целого ряда единиц хранения, отражающих определенные аспекты обозначенной проблемы.

Так, при написании данной работы широко использовались документы следующих архивов. Материалы ГАПК, хранящиеся в фондах Владивостокского городского комитета КПСС (ф. П-3), Приморского краевого комитета КПСС (ф. П-68), Хасанского районного комитета КПСС (ф. П-89), Дальнегорского городского комитета КПСС (ф. П-92), Красноармейского районного комитета КПСС (ф. П-436), Партийного архива Приморского крайкома КПСС Владивостока (ф. П-3135), Приморского краевого комитета по радиовещанию и телевидению (ф. Р-84), Исполнительного комитета Приморского областного Совета рабочих,

крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-25), Исполнительного комитета Владивостокского городского Совета народных депутатов (ф. Р-85), Исполнительного комитета Владивостокского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-86), Владивостокской таможни Главного таможенного управления Министерства внешней торговли СССР (ф. Р-149), Документов, выявленных к сборнику «Партийная организация Приморья в годы Великой Отечественной войны» (ф. Р-261), Лесозаводского районного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета (ф. Р-813), Уссурийского областного управления по делам литературы и издательств г. Ворошилова (ф. Р-1027), Документов-воспоминаний «Революционное движение в Приморье» (ф. Р-1370), Кобыща Феодосия Гавриловича (фонд личного происхождения. Р-1544) способствовали воссозданию представлений жителей Приморья о Стране восходящего солнца в период локальных конфликтов в конце 1930-х гг. на Дальнем Востоке, «дальневосточного затишья» и Маньчжурской стратегической наступательной операции.

Материалы фондов Приморского краевого отдела культурно-просветительской работы исполнительного комитета Приморского краевого Совета депутатов трудящихся (ф. Р-470) и Комитета по телевидению и радиовещанию исполнительного комитета Приморского краевого Совета депутатов трудящихся (ф. Р-84) позволили определить способы и методы формирования представлений о Японии и японцах в сознании населения Приморья.

Материалы ЦГАИПД СПб, хранящиеся в фондах Ленинградского областного комитета ВКП (б) (ф. 24), Ленинградского городского комитета ВКП (б) (ф. 25) и материалы ЦГА г. Москвы, хранящиеся в фонде Московского городского комитета ВКП (б) (ф. 4) позволили проанализировать морально-психологическую обстановку в Москве и в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны, а также в период дальневосточной кампании в августе – сентябре 1945 года.

Немаловажное значение для данной работы имели опубликованные документы и материалы, касающиеся средств, способов и результатов формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании в предвоенные и военные годы, представленные, в частности перепиской, выступлениями и приказами советского руководства в 1938 – 1945 гг.¹, международными документами по проблеме советско-японских отношений конца 1930-х – 1945 гг.², письмами с фронта³, данными об участниках и потерях в период Второй мировой войны⁴, сборниками киносценариев и фольклора о Японии в 1930-х – 40-х гг.⁵ и др.

При исследовании аспектов, связанных с представлениями советского населения о Японии и японцах, проживавших в отдаленных и центральных регионах Советского Союза, о настроениях жителей СССР в период локальных конфликтов на Дальнем Востоке в конце 1930-х гг. и войны с Японией в августе – сентябре 1945 года, большой интерес представляют периодические издания, а именно: центральные газеты «Правда» и «Известия»⁶, региональные газеты, к примеру, «Ленинградская правда»¹,

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. Сталин. Политбюро в 30-е годы. Сб. док. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 1995. Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин и др. – М., 1999.

Приказы Народного комиссара обороны СССР: 22 июня 1941 – 1942 гг. / Сост. Барсуков А.И. и др. – М., 1997.

Приказы народного комиссара обороны СССР: 1943 – 1945 гг. / Сост. Барсуков А.И. и др. – М., 1997.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – СПб., 2010.

² Зиланов В.К., Кошкин А.А., Плотников А.Ю., Пономарев С.А. Русские Курилы: история и современность. Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. – М., 2015.

Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 – 1945 гг. – М., 1995.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Сб. док. Т. 4. – М., 1984.

³ Последние письма с фронта. 1945 год: Сб. Т. 5. – М., 1995.

⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993.

⁵ Довженко А.П. Думы у карты Родины: киноповести, рассказы, очерки, статьи. – Л., 1983. По военной дороге: Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском Флоте. – М., 1988.

⁶ Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). – М., 1938 – 1945.

«Тихоокеанская звезда»², «Курская правда»³, «Свердловская правда»⁴, «Красное знамя»⁵, «Гродненская правда»⁶, а также военные газеты «На страже Родины»⁷, «Красная звезда»⁸ и «Красноармейская иллюстрированная газета»⁹. Помимо перечисленного, немалый интерес представляют советские научные¹⁰ и сатирические журналы¹¹, а также киножурналы¹². Работа с периодической печатью осложнялась тем, что многие издания в годы Второй мировой войны перестали выходить (преимущественно на оккупированных территориях), а в некоторых городах, к примеру, в Ленинграде, выходили малым тиражом и публиковали самую насущную информацию. Дальневосточная печать выходила регулярно, но вследствие геополитической обстановки, не публиковала информацию об островном соседе, ограничиваясь сводками ТАСС. В условиях того, что газета оставалась одним из ведущих каналов получения актуальной информации, образ Японии и японцев претерпел небольшие изменения в сознании советского населения с 1938 года. Такие газеты как «Правда» или

Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – М., 1945.

¹ Ленинградская правда. Ленинградского областного и городского комитетов ВКП (б) и областного и городского совета трудящихся. – Л., 1938 – 1945.

² Тихоокеанская звезда. Орган Хабаровского краевого и городского комитетов ВКП (б) и краевого совета депутатов трудящихся. – Хабаровск, 1938 – 1945.

³ Курская правда. Орган Курского Обкома ВКП(б), Горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. – Курск, 1945.

⁴ Свердловская правда. Орган Свердловского райкома ВКП(б) и Исполкома райсовета депутатов трудящихся. – Свердловск, 1945.

⁵ Красное знамя. Орган Приморского краевого и Владивостокского городского комитетов ВКП(б) и Приморского краевого Совета депутатов трудящихся. – Владивосток, 1938 – 1939.

⁶ Гродненская правда. Орган гродненского областного и городского комитетов КП(б)Б, областного и городского советов депутатов трудящихся. – Гродно, 1945.

⁷ На страже Родины. Орган Ленинградского военного округа. – Л., 1945.

⁸ Красная звезда. Центральный орган народного комиссариата обороны СССР. – М., 1945.

⁹ Красноармейская иллюстрированная газета. Издание главного политического управления Красной Армии. – М., 1945.

¹⁰ Большевик. Теоретический и политический журнал ЦК ВКП (б). Издательство ЦК ВКП (б) «Правда». – М., 1939 – 1945.

Военно-исторический журнал. Государственное военное издательство наркомата обороны СССР. – М., 1940.

Пропагандист-агитатор. Орган Хабаровского крайкома ВКП (б). – Хабаровск, 1939 – 1940.

¹¹ Крокодил. Издание газеты «Правда». – М., 1938 – 1945.

¹² Искусство кино. Орган комитета по делам кинематографии при СНК СССР. – М., 1936 – 1939.

«Тихоокеанская звезда», просуществовавшие в период всей Второй мировой войны, дают исследователям необходимый материал об официальных представлениях жителей СССР о Стране восходящего солнца, а именно: воспоминания современников о непосредственных контактах с японцами, резолюции советских предприятий и организаций на вступление СССР в войну с Японией, статьи ученых-востоковедов, военных и политических экспертов, выступления высшего руководства СССР, международные советско-японские соглашения и сводки ТАСС. Кроме того, можно выделить советские журналы, к примеру, «Крокодил» и «Искусство кино», благодаря которым, историки могут воссоздать визуальные представления и фольклорные зарисовки о Японии и японцах в советском массовом сознании накануне и в годы войны.

Помимо этого, в период работы над исследованием был привлечен целый ряд источников личного происхождения, представленных дневниками и воспоминаниями рядовых военнослужащих и тружеников тыла, мемуарами советских военачальников и дипломатов. Несмотря на субъективный характер данного типа источников, воспоминания позволили определить многообразие точек зрения, обнаружить «казусы», выявить тенденции. Мемуары советского военного руководства¹, в которых зачастую дается характеристика фронтовой обстановки, технического и кадрового состояния японских войск, феномену «камикадзе» и мн. др., позволяют определить официальные оценки Советского государства в отношении островного соседа. Существенный интерес представляют воспоминания рядовых советских солдат и фронтовых корреспондентов², в которых, несмотря на

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 2002.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М., 2002.

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М., 1987.

Мерецков К.А. На службе народу. – М., 1988.

Плиев И.А. Через Гоби и Хинган. – М., 1965.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. – М., 1982.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М., 1985.

² Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. – М., 1973.

Волынкин И.Т. Над пятью морями. – М., 1964.

наличие цитат из мемуаров авторитетных военачальников, присутствует свое понимание происходящего на фронте, а также собственные представления о японцах (их менталитете, обычаях, поведении и психологии), зачастую отличных от официальных оценок. К примеру, уникальными по своему содержанию являются воспоминания сотрудника советской дипломатической миссии в Японии в годы войны М.И.Иванова¹, в которых представлена информация обо всех аспектах повседневной жизни населения внутри самой Японии: положении трудящегося населения, их быте, нравах, обычаях, дан анализ периодической печати, раскрываются замыслы официальных властей Японии и отношение к ним советских дипломатов.

Для более подробного раскрытия темы исследования среди электронных Интернет-ресурсов были обнаружены воспоминания участников боевых действий на Хасане, Халкин-Голе, а также Маньчжурской стратегической наступательной операции².

В основу **методологии** исследования были положены принципы объективности, конкретности, всесторонности и историзма, которые предполагают всестороннее рассмотрение объекта исследования. В процессе

Бирюков А.Д. Воспоминания о далеком прошлом, еще не забытом. Кубань. Красные и белые. На войне с Германией. В Маньчжурском походе. – М., 2006.

Бойко В.Р. Большой Хинган – Порт-Артур. – М., 1990.

Гулякин М.Ф. «Будет жить!...». Фомин А.И. На семи фронтах. – М., 1989.

Калашников К.Ф. Право вести за собой. – М., 1981.

Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985.

Кривель А.М. Слышишь, Халкин-Гол! – М., 1998.

Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. – М., 1969.

Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. – М., 2005.

Мельников П.И. На земле, в небесах и на море: Сб. 1-й. – М., 1979.

На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945. – М., 1974.

Рыжков А.Н. Бои за родные острова. Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. – Южно-Сахалинск, 1980.

Симонов К.М. Далеко на Востоке: Халхин-гольские записи. – М., 1969.

Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009.

Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987.

Успенский В.Д. Глазами матроса. – М., 1964.

Хейфиц И. Пойдем в кино! – СПб., 1996.

¹ Иванов М.И. Япония в годы войны (записки очевидца). – М., 1978.

² Режим доступа: <http://iremember.ru/>. Дата обращения: 01.2017.

Режим доступа: <http://militera.lib.ru/>. Дата обращения: 2016 – 2017.

изучения «образа врага» в советском массовом сознании в предвоенное и военные годы был проведен анализ и сопоставление исторических источников, выявлены причины их изменений, чему способствовал принцип объективности, во многом позволяющий абстрагироваться от субъективных представлений по исследуемой проблеме. Принцип историзма позволяет рассмотреть «образ врага» в советском массовом сознании в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии с другими историческими событиями. Принцип конкретности помогает комплексно рассмотреть образ Японии и японцев с учетом обстоятельств, места и времени. Принцип всесторонности помог определить различные представления о Японии и японцах в советском массовом сознании. Помимо данных методов в исследовании использовался принцип опоры на исторические источники, а также принцип историографической традиции.

В работе использовались специальные и общие методы работы с историческим исследованием. Использование проблемно-хронологического метода помогло рассмотреть образ Японии и японцев в советском массовом сознании в межвоенный и военный период в хронологической последовательности в данном исследовании. Метод сравнительного анализа способствовал сопоставлению различных представлений о Японии и японцах среди населения Советского Союза, позволил определить черты сходства и различия для определения последующей классификации. Использование метода классификации помогло систематизировать источники о средствах, способах и результатах формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании.

Историческую картину исследования дополняют специальные методы. В частности, метод контент-анализа использован для того, чтобы систематизировать имевшуюся цифровую информацию (количественные и качественные данные) для последующего определения некоторых закономерностей исследуемых процессов.

Теоретическая значимость исследования. Заключение в данной работе были сделаны на основании изложенного материала. Результаты исследования дополняют уже имеющиеся материалы о формировании представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании, так и сведения о появлении феномена «образа врага» в массовом сознании в периоды военного времени, а также создают предпосылки для дальнейшего исследования подобной проблематики. Помимо этого, проделанная работа отчасти помогает в изучении проблемы массового сознания отдельных групп населения в годы Второй мировой войны, а также массовых представлений о соседях Советского государства в военное время на разных исторических этапах его развития.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования, введенные в оборот опубликованные материалы, могут быть использованы при подготовке исследований по проблеме массового сознания в Советском Союзе в межвоенный и военный периоды, при работе над историей советско-японских отношений в указанный период. Отдельные результаты исследования могут быть применены для более подробного изучения тем, посвященных средствам и способам агитационно-пропагандистской политики государства в годы военного времени, морально-психологической подготовке советского общества в годы Второй мировой войны и в другие периоды советской истории. Некоторые материалы могут быть использованы для подготовки лекционных и практических курсов по истории советской России, при составлении олимпиадных заданий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С Хасанских событий лета 1938 года начинается процесс формирования образа Японии как «врага» Советского Союза, а внедрению официальных стереотипов способствуют действенные пропагандистские средства и приемы. Прежде всего, периодическая печать, содержащая публикации о действиях японцев в период дальневосточной интервенции, об

оккупационной политике японских властей в Китае, статьи о традициях и обычаях японских «самураев». Для подтверждения обвинительных материалов в газетах публиковалась информация от первых лиц, в первую очередь, военнослужащих – участников боевых действий, авторитетных военных и политических деятелей, по возможности, оригиналы документов.

2. После событий на Хасане и Халкин-Голе советская печать формировала выгодную для государства информационную реальность, но не преследовала цель изменить общественное мнение о Японии, а в большей степени временно отказалась от информационных провокаций в рамках заключенного 13 апреля 1941 года Пакта о нейтралитете, результаты которого были выгодны и для Японии, и для СССР. В условиях Великой Отечественной войны и разразившейся войны на Тихом океане в СССР была приостановлена агитационно-пропагандистская работа в отношении Японии, что, в свою очередь, привело к отсутствию отрицательных стереотипов об островном соседе на страницах советской официальной печати. Однако после Коренного перелома в советских газетах вновь стали затрагивать темы о роли СССР в дальневосточной политике, цитируя, преимущественно, зарубежные периодические издания, не оставляя каких-либо комментариев.

3. Агитационно-пропагандистская работа в СССР в отношении Японии являлась динамичным процессом. В период локальных конфликтов в конце 1930-х гг. в массовом сознании населения СССР японцы ассоциировались с «коварными самураями», «агрессивными противниками», с большими амбициями, но слабой военной подготовкой. Именно в данный период советскими средствами массовой информации была создана целая система пропагандистских приемов, языковых формул, позволивших вновь воссоздать «образ врага» в период Маньчжурской стратегической наступательной операции. С началом дальневосточной кампании в 1945 г. «нужные» стереотипы о Японии, имевшие место в советской печати в конце 1930-х гг., вновь закреплялись в массовом сознании при помощи повторения уже известных стереотипов.

4. Образ Японии как «врага» Советского Союза нашел отражение и в других средствах восприятия, к примеру, в сатирических и героических плакатах, где японцы зачастую изображались нарочито карикатурными существами с зооморфными характеристиками. В фольклоре военной поры важным являлось, в первую очередь, донести основную поучительную мысль, несмотря на преобладавший в нем сатирический жанр. Большинство фольклорных жанров, в отличие от международных документов или научно-популярных статей публикуемых в газете, были более доступны для усвоения массовой аудиторией, поскольку обладали эмоциональным восприятием, что позволяло отойти от декларированного характера методов и средств формирования представлений о Японии и японцах. Общие ключевые установки и отношение к островному соседу нашли отражение и в предвоенном кинематографе, который всегда сопутствовал внешнеполитическим событиям, происходящим в дальневосточном регионе. В репликах героев кинокартин, как и в журналах, газетах, проскальзывали уже известные в массовом сознании стереотипы о дальневосточном соседе: «Япония империалистическая», «японские интервенты», «японская военщина», «японские захватчики».

5. Агитационно-пропагандистская политика в СССР, посредством печати, радио и кино, действовала единым фронтом. Находясь под патронажем государства, в советском предвоенном и военном кинематографе образ Японии как противника преимущественно изображался в контексте военного противостояния с СССР, причем, необходимо подчеркнуть, что подобное отношение никогда не распространялось на японский народ. Пытаясь абстрагироваться от «феодалных перегибов» в образе японцев, в советском военном творчестве пытались создать сложный собирательный «образ врага».

6. В предвоенное время Япония в представлениях советского руководства и И.В. Сталина во многом ассоциировалась с патриархальным государством с «полным набором» неотживших средневековых традиций.

Изучение некоторых аспектов повседневной жизни Страны восходящего солнца позволило спроецировать всю информацию на Советский Союз и сравнить две соседствующие державы. Представления советского руководства о дальневосточном соседе стали официальными в СССР в годы Второй мировой войны. После локальных конфликтов конца 1930-х гг. в массовом сознании советского населения укоренился «образ врага». Хотя военное руководство СССР по большей части с уважением рассуждало о японской психологии ведения боя. Последовавший разгром во второй половине августа 1945 года Квантунской армии ознаменовал очередную несостоятельность дальнейшего сопротивления Японии. Наблюдая за японским военным руководством в состоянии их психологической покорности, надломленности, с новой силой возникали представления о Стране восходящего солнца, сформированные еще в конце 1930-х гг.

7. В сознании военнослужащих проецировалось восприятие советского руководства, однако, иногда, оно отличалось от официальных представлений. Непосредственные контакты с противником, эмоциональные компоненты восприятия позволяли абстрагироваться от пропагандистских «штампов», закономерно насаждаемых государством в условиях военного времени. Реалии фронтовой жизни на Дальнем Востоке, «шапкозакидательские» настроения или положительные стереотипы об островном соседе зачастую оставались на уровне индивидуального восприятия.

8. В условиях относительно непродолжительных военных кампаний с Японией, бесперебойной работы средств пропаганды и агитации, доминанта общественных настроений в тылу оставалась неизменной. Однако, в то же время стоит признать, что «война была для каждого своя», поскольку на уровне обыденного сознания у части населения порой ощущалось беспокойство и определенное недопонимание. Большинство жителей СССР, которые не имели возможности углубить представления на уровне индивидуального восприятия, формировали официальные

представления о дальневосточном соседе. При этом подобная практика затронула не только отдаленные регионы, но и пограничные с Японией, Маньчжурией и Кореей - Приморье, Северный Сахалин и Камчатку.

Апробация темы проходила в течение всего периода разработки проблемы. Отдельные положения и выводы обсуждались на заседаниях кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Апробация результатов данного исследования осуществлялась на следующих конференциях: Международная научная конференция «Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны)» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 14-16 марта 2014 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014 г.), Международная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война – героические и трагические страницы в истории советского народа» (Оренбург, ОГПУ, 14-15 июня 2015 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Модернизация в России: история, политика, образование» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 28 августа 2015 г.), Международная научная конференция «Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию Русской революции 1917 г.)» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 16-18 марта 2017 г.), II Региональная научная конференция с международным участием «Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации» (Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 21-22 ноября 2017 г.), Международная научная конференция «Великая Отечественная война в Российской истории» (Санкт-Петербург, Российский государственный гидрометеорологический университет, 21 февраля 2018 г.).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В ведущих, рецензируемых изданиях и журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Коршенко С.В. Настроения жителей Ленинграда в связи с объявлением советско-японской войны (август – сентябрь 1945 г.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Научный рецензируемый журнал. – 2016. – № 22 (243). – Вып. 40. – С. 167-172.
2. Коршенко С.В. Япония в обыденном сознании дальневосточников в 1938 – 1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Научный журнал. – 2017. – № 1 (39). – С. 22-29.
3. Коршенко С.В. Формирование представлений о Японии и японцах во время Советско-японской войны (август 1945 г.) средствами наглядной агитации // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2017. – № 7 (127). – С. 129-135.
4. Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском предвоенном и военном кинематографе (1935 – 1945 гг.) // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2017. – № 8 (128). – С. 140-146.
5. Коршенко С.В. Советско-японская война (август – сентябрь 1945 года) глазами советских воинов // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2018. – № 2 (134). – С. 199-208.

Публикации в других изданиях:

6. Коршенко С.В. Роль советских газет в формировании представлений о Японии и японцах в советском общественном сознании накануне и в период Второй мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России. XVII – XXI вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремenco. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 114-119.
7. Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в сознании советских военнослужащих-дальневосточников накануне и в период Второй

- мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участ. / отв. ред. В.В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 173-177.
8. Коршенко С.В. Проблема изучения «образа врага» в отечественной историографии на примере советско-японского противостояния накануне и в период Второй мировой войны // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 179-184.
9. Коршенко С.В. Образ Японии в сознании военного и политического руководства СССР в годы Второй мировой войны // Великая Отечественная война – героические и трагические страницы в истории советского народа. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 14 – 15 июня 2016 г.: сб. статей / ред. кол.: В.А. Лабузов [и др.]. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 185-189.
10. Коршенко С.В. Повседневность и политика Японии в представлении советского руководства в первой половине 1930-х гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16 – 18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 185-191.
11. Коршенко С.В. Деятельность советского радиовещания в формировании представлений о Японии и японцах в советском общественном сознании накануне и в период Второй мировой войны // Великая Отечественная война в Российской истории: материалы междунар. науч. конф., 21 февраля 2018 г. – СПб.: Российский государственный гидрометеорологический университет, 2018. – С. 132-135.

Глава 1. Средства и способы формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны

1.1. Роль периодической печати в формировании представлений населения СССР о Японии и японцах

Советская печать накануне и в период Второй мировой войны вместе с такими средствами агитации и пропаганды как радио, кинематограф и мн. др. сыграли одну из определяющих ролей в формировании представлений жителей СССР о Японии и японцах. Рассчитанная, как правило, на массового читателя советская печать в те годы ставила первоочередными задачами: во-первых, сформировать в представлениях мобилизованного населения «образ врага»¹, во-вторых, переломить психологию страха у советского народа, и, в-третьих, призвать к беспощадной борьбе с врагом². Новые задачи потребовали организационной перестройки газет, широкого развития массовой печати на фронте и создания новых органов печати и информации. По словам Н.М. Кононыхина, именно советская печать в годы войны стала «подлинным глашатаем всенародной борьбы с врагом»³.

В начале 1930-х гг. информационное воздействие средств массовой информации на советское население, так или иначе, было связано с геополитическими интересами СССР на международной арене, и непосредственно в дальневосточном регионе. Уже тогда, советское руководство сформировало четкую позицию в информационной политике по отношению к Японии, очевидно, после инцидента на Маньчжурской

¹ Широкоград И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – М., 2001. – С. 133.

² Там же. – С. 141.

³ Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М., 1960. – С. 4.

железной дороге в 1931 году, и с образованием в последующем марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 году¹.

Годом позже, 21 октября 1933 года, И.В. Сталин в переписке с В.М. Молотовым и Л.М. Кагановичем дал указание начать агитационно-пропагандистскую работу против дальневосточного соседа во всех средствах массовой информации, и, прежде всего, в советской печати: «По моему, пора начать широкую, осмысленную (некрикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в «Правде», отчасти в «Известиях». Надо использовать также Государственное издательство и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и положительными сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить отрицательные, империалистические, захватнически милитаристские стороны... надо начать длительную солидную подготовку читателя против мерзавцев из Японии...»².

Таким образом, будучи в середине 1930-х гг. основным «инструментом» пропаганды в руках политического руководства СССР, советской печати предстояло сформировать образ Японии как врага Советского Союза в советском массовом сознании, достаточно полно осветить начавшийся в середине 1938 года локальный конфликт на озере Хасан. Подобный опыт в практике советских средств массовой информации позволил определиться с методами и формами информационного воздействия, поскольку до конфликта с Японией СССР не вступал в вооруженное противостояние с каким-либо государством.

¹ Коршенко С.В. Роль советских газет в формировании представлений о Японии и японцах в советском общественном сознании накануне и в период Второй мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России. XVII – XXI вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб., 2014. – С. 114-119.

² Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. – С. 396-397.

Дальний Восток встал на военное положение уже в январе 1938 года. В пограничных районах Приморья было принято решение утвердить правила поведения населения во время воздушного нападения и проведения мероприятий по привлечению местных жителей к участию в противовоздушной обороне¹. Было принято решение установить круглосуточное дежурство в учреждениях и на предприятиях в связи с возможными провокациями японской военщины².

В период локальных конфликтов на Дальнем Востоке в конце 1930-х гг., к примеру, в хабаровской ежедневной газете «Тихоокеанская звезда» конструированный агитпропом «образа врага» претерпевал следующие изменения. В этот период основным средством обозначения японцев стали отрицательные коннотации³, к примеру, как «самурай» - «коварный», «подлый», «зарвавшийся» или «враг, противник, провокатор» (97 отрицательных стереотипов из 248 в период событий на Хасане, и 89 отрицательных стереотипов из 361 в период событий на Халкин-Голе)⁴. Внимание читателя, прежде всего, акцентировалось на национальной принадлежности противника, на его агрессивности, японцы уподоблялись «бандитам», «империалистам», «провокаторам», «захватчикам» и мн. др. На страницах газеты советская пропаганда использовала конструкции-клише, заявляя, к примеру, «о неправомерности притязаний японцев на соседние территории», или «о больших амбициях Японии наряду со слабой боевой подготовкой». В итоге во многом карикатурные, гротескные образы японцев советская пропаганда дополняла зооморфными характеристиками, используя такие языковые формы, как «гад», «мразь», «мерзавец», «изверг» и т.д. По мнению С.Г. Кара-Мурза истинное значение подобных терминов, которые воздействовали на сознание населения, «маскировалось» политическими

¹ Государственный архив Приморского края (далее ГАПК). Ф. Р-813. Оп. 6. Д. 77. – Л. 1, 2.

² ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 886. – Л. 9.

³ Коннотация - воздействие слова, т.е. те ассоциации, которые пробуждает произнесение или прочтение слова. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000. – С. 254.

⁴ См. Прил. – С. 196-197.

эвфемизмами - специальными словами, имеющими точный смысл¹. Вдобавок, территориальная близость того же Хабаровска или Владивостока с маньчжурской границей, очевидные, вследствие этого, непосредственные контакты с противником, позволяли «обогащать» местную печать наиболее актуальной информацией для жителей Дальнего Востока.

Не в меньшей степени локальные конфликты во второй половине 1930-х гг. освещались в центральных газетах и других регионах страны. В связи с началом японо-китайской войны в 1937 году на последних страницах советских газет появился одноименный раздел, в котором почти каждый день размещалась оперативная информация о военных действиях в восточном Китае. Как правило, сводки содержали фактический материал о месте и времени боевых столкновений, результатах проведенных операций и потерях с обеих сторон. Нейтральная позиция официальной пропаганды привела к тому, что в отношении Японии в гражданской и военной печати преимущественно «доминировали» нейтральные коннотации, как, к примеру, «японские войска», «военно-морские и военно-воздушные силы Японии», «японские военные объекты» и мн. др. (76 отрицательных стереотипов из 367 в период событий на Хасане, и 18 отрицательных стереотипов из 550 в период событий на Халкин-Голе)².

Доминирование в печати нейтральных стереотипов сменилось летом 1938 года в связи с провокационными действиями японцев в районе озера Хасан. В газетах стали осуждать неправомерные действия японских властей в Китае, создание ими «марионеточных» правительств, подотчетных Японии, о чем свидетельствовали заголовки статей: «японские планы порабощения Китая», «Шанхай под пятой захватчиков», «американская печать о японских провокациях» и др.³ Только в «Ленинградской правде» в начале августа 1938 года было опубликовано 15 статей, каждая из которых приблизительно следующего содержания: «Японские самураи... вновь и вновь делают

¹ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 255-256.

² См. Прил. – С. 196-197.

³ Ленинградская правда. – 1938. – 1, 7, 14, 21, 28 июля.

попытки посягнуть на неприкосновенные, нерушимые советские рубежи... Фашистские псы, осмелившиеся переступить наши рубежи, разгромлены. Такой удел постигнет впредь остервеневших самураев, если они посмеют сунуть свое свиное рыло на советскую землю!»¹.

Таким образом, в условиях первого для Советского Союза военного столкновения с Японией, по пути к общей цели средствами массовой информации важно было выполнить несколько первоочередных задач: продемонстрировать единый порыв и солидарность советского населения в деле по разгрому врага, напомнить историю непростых взаимоотношений Японии и СССР в первой четверти XX века, подчеркнуть в контексте излагаемого материала «звериный облик» японцев, и, заручится поддержкой зарубежных средств массовой информации.

Так, к примеру, в августе 1938 года в Ленинграде, на первых страницах «Правды» публиковались резолюции трудящихся Кировского завода, заводов «Большевик», «Скороход», «Красный треугольник» и других предприятий со словами поддержки и желанием встать на перевыполнение производственных планов. В газетах вспоминались события Русско-японской войны и дальневосточной интервенции 1918 – 1922 гг., размещались данные об отношении японцев к советским задержанным: «Особенно же бесчеловечно было обращение с арестованными членами экипажа В.Н. Лобановым, А.Н. Любым и Ф.О. Дратованным, этих лиц неоднократно, часто до потери сознания, избивали палками, кулаками и ногами, заставляя их часами стоять на коленях с поднятыми и связанными руками, выламывали им руки, ноги и пальцы, рвали волосы и пытали электрическим током. Установлено, что все эти меры применялись в целях понуждения советских граждан дать японской полиции сведения, касающиеся состояния

¹ Не позволим советским бандитам топтать нашу землю // Ленинградская правда. – 1938. – 8 авг. – С. 1.

вооруженных сил СССР и внутреннего положения советского государства...»¹.

Таким образом, именно с Хасанских событий начинается процесс формирования образа Японии как «врага» Советского Союза, и внедрение в советское общественное сознание отрицательных стереотипов о Стране восходящего солнца становится неотъемлемой составляющей советской пропаганды в годы Второй мировой войны. Более того, именно в этот период появились наиболее действенные пропагандистские приемы в отношении «враждебной» Японии. Таковыми, к примеру, стали публикации о событиях дальневосточной интервенции, об оккупационной политике японских властей в Китае, статьи о традициях и обычаях японских «самураев». Для подтверждения обвинительных материалов в газетах публиковалась информация от первых лиц, в первую очередь, военнослужащих – участников боевых действий, авторитетных военных и политических деятелей, по возможности, оригиналы документов.

После вторжения в мае 1939 года японцев на территорию Монголии в районе реки Халкин-Гол, Советский Союз, руководствуясь Соглашением о взаимопомощи 1936 года, отправил на помощь монгольской армии свои войска. Несмотря на то, что боевые действия продолжались с мая по сентябрь 1939 года, регулярно бои на Халкин-Голе советской печатью не освещались, даже, несмотря на то, что данный локальный конфликт угрожал советскому Забайкалью, и, прежде всего, Транссибирской железнодорожной магистрали, соединявшей Дальний Восток с остальной частью Советского Союза².

В той же «Ленинградской Правде» в июле 1939 года была напечатана статья под заголовком «Японо-маньчжурская провокация продолжается», в которой, не только приводилось описание происходящей на Халкин-Голе военной кампании, но, и, впервые, оценивался военный потенциал

¹ Применение пыток к задержанным в Японии советским морякам // Ленинградская правда. – 1938. – 21 авг. – С. 4.

² См. Прил. – С. 197.

противника: «... японская пехота дерется не плохо, хотя она могла бы драться много лучше, так как обе японские дивизии, как 23-я, так и 7-я, считаются лучшими дивизиями. Тот факт, что эти дивизии так легко терпят поражение, объясняется тем, что элементы разложения начинают глубоко проникать в японскую пехоту, ввиду чего японское командование вынуждено бросать эти части в атаку в пьяном виде. Более слабы, чем японская пехота, японская авиация и танковые части»¹. Тогда подобная характеристика «врага» была обнародована средствами массовой информации впервые, и в дальнейшем, подобные сюжеты о несостоятельности японской армии станут появляться в советской печати регулярно. Хотя периодически такие характеристики не совпадали с воспоминаниями некоторых советских бойцов, которые о японцах, в свою очередь, как о противниках, рассуждали с уважением².

После событий на Хасане и Халкин-Голе ситуация в советских средствах печати стала меняться. Отсутствие в газетах отрицательных коннотаций о Японии привело к смене агитационно-пропагандистской направленности советской печати, которая с началом Второй мировой войны сменило акценты в сторону Германии, и на информационной борьбе с ней и ее союзниками в Европе. Повсеместно стали появляться недостатки морально-политической работы на советских предприятиях и в организациях, в идеологической работе с населением отмечался «излишний оптимизм» в возможной борьбе с японцами, и к тому же, не раскрывалась «вся серьезность обстановки»³.

Формально с сентября 1939 года до апреля 1941 года (т.е. до подписания Пакта о нейтралитете между Японией и СССР) в условиях ослабленной

¹ Японо-маньчжурская провокация продолжается // Ленинградская правда. – 1939. – 21 июля. – С. 4.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М., 2002. – С. 173.

³ Исаев А.А. Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917 – 1960-е гг. XX века: сб. науч. ст. – Владивосток, 2005. Кн. 3. – С. 117-118.

антияпонской пропаганды тематика газетных статей поделилась на две группы. Первая, самая многочисленная группа, представленная более чем 50 статьями за указанный период, была посвящена международной обстановке в азиатско-тихоокеанском регионе и месте Японии в ней. Советская печать продолжила акцентировать внимание на военных действиях в Китае (в статьях: «Японский империализм после двух лет войны в Китае», «Японцы бомбардируют английские суда в Китае», «Концентрация японских сил в Южном Китае» и др.), на напряженной обстановке в Индо-Китае («Японские угрозы французскому Индо-Китаю», «Требования японской миссии во французском Индо-Китае», «Борьба за французский Индо-Китай» и др.), на конфликтах Японии с Англией и США в тихоокеанском регионе («Расторжение торгового договора между США и Японией», «Аресты англичан в Японии» и др.). В подобных статьях зачастую излагался цитируемый материал из различных зарубежных источников без оценок и комментариев советской стороны.

Статьи из второй группы играли важнейшую роль в развенчании представлений об «исключительности японской нации», поскольку в них отражались события внутри самой Японии, причем на основе материалов японской прессы, к примеру, разногласия в японском парламенте, недовольства японцев политикой правительства, рост цен и мн. др. Из статьи о снижении зарплаты в Японии: «Специальный комитет при министерстве здравоохранения по контролю над заработной платой рабочих вырабатывает меры по снижению заработной платы на 10 – 20 % по всей стране с целью «искусственно понизить спрос населения на товары»¹. Подобную функцию выполняли материалы о гонениях профессуры в Японии, в которых сообщалось, что по распоряжению профильного министерства около 5 тысяч японских преподавателей должны сдать «идеологический» экзамен. Кроме того, проверке подвергалась многочисленная литература, написанная

¹ Снижение зарплаты в Японии // Ленинградская правда. – 1939. – 1 июля. – С. 4.

профессорами японских колледже и университетов¹. Однако подобных статей было немного, поскольку в тот период информирование советских граждан о положении дел в Японии происходило в условиях, когда дальневосточный сосед не находился в зоне непосредственного внимания советских средств массовой информации.

К концу 1939 – началу 1940 гг. сведения о японо-китайской войне отступали на второй план, и визуально «исчезали» на страницах печати, в отличие, к примеру, от сведений о войне на Западе, событиям которой уделяли почти всю последнюю страницу. Однако в 1940 году, на страницах советских газет было опубликовано несколько заметок, характеризовавших внутреннее положение дел в Японии в условиях начавшейся Второй мировой войны. Целью агитпропа в этот период стало напоминание советскому населению не только уже известного «бедственного состояния островного соседа», но и возможность сравнить внутривосточную ситуацию двух стран.

Такую функцию, к примеру, выполняла заметка о положении трудящейся японской женщины: «...Японская деревня находится как бы в другом мире. Здесь нет никакой культуры. Японская крестьянка до позднего вечера, молча, трудится на полях и дома. Война, начатая японскими империалистами, крайне ухудшила положение женщин. Крестьянке приходится работать за себя и мужа, ушедшего на фронт. Редко в деревне можно встретить рис. Увеличилась продажа детей на фабрики в город... Японская работница самая несчастная в мире. Но молчаливости японской женщины приходит конец... она относится с симпатией к китайскому народу, учится у него борьбе за свое собственное раскрепощение»². Или, к примеру, заметка о распространении туберкулеза в Японии: «...по официальным данным в Японии 1,5 миллиона туберкулезных. Болезнь распространена, главным образом, среди молодежи 20 – 25 лет. Смертность

¹ Гонения против профессуры в Японии // Ленинградская правда. – 1939. – 1 июля. – С. 4.

² Положение трудящейся женщины в Японии // Тихоокеанская звезда. – 1940. – 9 марта. – С. 4.

от туберкулеза среди студентов 60 %...»¹. Без внимания в советской печати не остались и экономические трудности в Стране восходящего солнца: «... В Японии даже людям средних классов фактически невозможно купить детям костюм или ботинки. Никто не удивится, встретив человека в одежде из лоскутков... Правительство решило ввести карточки на рис и жесткую экономию в его потреблении. Древесного угля будет отпускаться мешок на зиму, тогда как обычная норма 6 мешков. В продажу поступают различные заменители продуктов и товаров»².

Коренным образом ситуация изменилась в апреле 1941 года, когда СССР и Япония подписали Пакта о нейтралитете. Соглашение послужило началом «дальневосточного затишья» в регионе, что привело к еще большему ослаблению антияпонской агитационной политики вплоть до начала Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 года. Лишь дважды в апреле 1941 года в центральных и региональных газетах было упомянуто о взаимоотношениях между Японией и СССР. В статьях «Отклики иностранной печати на заключение советско-японского пакта о нейтралитете» и «Советско-японский пакт в освещении иностранной прессы» была опубликована позиция отдельных государств, в целом, оценивавших Пакт о нейтралитете как «вклад в дело консолидации общего мира»³, за исключением позиций английской и американской печати, опасавшихся за свои интересы в Тихом океане⁴.

После заключения Пакта о ненападении 13 апреля 1941 года из средств массовой информации исчезли материалы, обличающие, прежде всего, захватническую политику Японии в Китае и юго-восточной Азии. Через два месяца, с началом Великой Отечественной войны, а спустя полгода, с началом войны на Тихом океане, в центральной и региональной печати

¹ Распространение туберкулеза в Японии // Тихоокеанская звезда. – 1940. – 13 окт. – С. 4.

² Экономические трудности в Японии // Там же. – 1940. – 13 окт. – С. 4.

³ Отклики иностранной печати на заключение советско-японского пакта о нейтралитете // Там же. – 1941. – 18 апр. – С. 4.

⁴ Советско-японский пакт в освещении иностранной прессы // Тихоокеанская звезда. – 1941. – 22 апр. – С. 2.

появляются сводки ТАСС под одноименным названием, в которых уже отсутствовали различные оценки и комментарии к происходящему на Дальнем Востоке. События тихоокеанской войны преимущественно излагались посредством цитирования мировой прессы, американских, английских и японских политиков и дипломатов. Даже провокационные действия японцев на советско-маньчжурской границе в период «дальневосточного затишья» не стали факторами усиления антияпонской пропаганды в советской печати. Отказ от проведения «информационной войны» с Японией в этот период во многом был обусловлен желанием советского руководства следовать всем пунктам Пакта о нейтралитете.

Таким образом, с учетом внешнеполитических мероприятий советская печать формировала выгодную для государства информационную реальность, но не преследовала цель изменить массовое мнение о Японии, временно отказавшись от антияпонской информационной политики. Результаты переговоров в апреле 1941 года стали выгодны для обеих сторон, а Советский Союз освобождался от войны на два фронта в грядущей Великой Отечественной войне.

Несмотря на все сложности, с которыми столкнулся Советский Союз, события 7 декабря 1941 года о внезапном нападении Японии на американскую военную базу Перл-Харбор нашли отражение на передовых страницах всех советских газет. В них детально проинформировали советское население не только о военных действиях на Гавайских островах, но и о японских операциях против Малайи и Сингапура, бомбардировках Филиппин, о вторжении японцев в Сиам, сообщили о позициях других зарубежных стран. В печати подчеркивалось: «...Япония действовала по методу хорошо известному советскому народу из опыта войны с кровавым Гитлером, который также вероломно, по-разбойничьи, напал на Советский Союз. Японский агрессор хотел сразу нанести удар по важнейшим стратегическим опорным пунктам США в Тихом океане, равно как и по

жизненно-важным стратегическим центрам Британской империи»¹. В целом нейтральной для советской печати манере действия Японии в Перл-Харборе были названы «агрессивными». Теперь информация о войне на Тихом океане печаталась в одноименной рубрике, параллельно с событиями войны в Китае.

Несмотря на то, что газета продолжала оставаться главным источником информации, с началом Великой Отечественной войны советская пропаганда стала прибегать к иным «инструментам» воздействия на советское население, заставила мобилизовать силы тех, кто, находился в глубоком тылу, прежде всего дальневосточников. Стало необходимым стимулировать жителей СССР на дисциплинированный труд, а во избежание паники следовало не публиковать информацию о пограничных провокациях островного соседа².

Согласно отчетам отделов пропаганды и агитации райкомов ВКП (б) на оккупированных территориях в начале войны получение информации об обстановке в дальневосточном регионе из той же «Правды» осложнялось из-за вполне объективных причин. К примеру, в блокадном Ленинграде и на оккупированной территории Ленинградской области, по причине периодического отсутствия транспорта, электроэнергии и мн. др. Несмотря на то, что газеты выходила регулярно, доставляли их с большим трудом: работники ходили за ними пешком по десятку километров и приносили газеты на себе³. Во-вторых, газеты, если и доставлялись, то выдавались исключительно только для рабочих отрядов, ремесленных училищ, в домохозяйства и для витрин на торговые точки. В частности, в тяжелую зиму 1941 – 1942 гг. в Ленинград смогли доставить только 200 экземпляров газеты «Ленинградская правда»⁴. Центральные печатные издания уступили по числу выделенных лимитов региональным газетам: «Ленинградская правда»

¹ Война на Тихом океане // Тихоокеанская звезда. – 1941. – 19 дек. – С. 1.

² Коршенко С.В. Япония в обыденном сознании дальневосточников в 1938 – 1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – № 1(39). – 2017. – С. 22-29.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 10. Д. 330. – Л. 11.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 330. – Л. 11.

выходила в три раза чаще центральной «Правды», и в 10 раз чаще «Известий»¹. Но после снятия блокады процесс информирования населения стал возобновляться с новой силой.

Таким образом, в условиях Великой Отечественной войны и разразившейся войны на Тихом океане в СССР была приостановлена агитационно-пропагандистская работа в отношении Японии, что, в свою очередь, способствовало снижению в советской печати динамики используемых нейтральных коннотаций (409 упоминаний о Японии в 1942 году, 274 – в 1943 году, 182 – в 1944 году, и 104 – с января по август 1945 года)².

Даже, несмотря на то, что Япония заняла выжидательную позицию, и, судя по имеющейся информации «с нетерпением» ожидала падения Москвы, а затем Сталинграда, в рамках заключенного Пакта о нейтралитете, дипломатические отношения между двумя государствами продолжались. В советских газетах можно было найти информацию о работе японского парламента и кабинета министров³, различные заявления английского и американского руководства в отношении Японии⁴ и др. В подобных статьях вновь прибегали к методам цитирования и не давали оценок или комментариев происходящим событиям, за исключением нескольких «дипломатических побед на советско-японском фронте», достигнутых СССР уже после Коренного перелома в Великой Отечественной войне. В апреле 1944 года Советский Союз добился ликвидации концессий на Северном Сахалине и пролонгации рыболовной конвенции с внесенными в нее изменениями. Впервые за три года статьи, посвященные советско-японским

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 330. – Л. 39-40.

² См. Прил. – С. 198-200. По материалам газет «Тихоокеанская звезда» и «Ленинградская правда».

³ Парламентские выборы в Японии // Там же. – 1942. – 7 мая. – С. 2.

83-я чрезвычайная сессия японского Парламента // Там же. – 1943. – 14 нояб. – С. 2.

Перемещения в составе японского кабинета // Там же. – 1943. – 21 апр. – С. 2.

Смена кабинета в Японии // Там же. – 1944. – 28 июля. – С. 2, 4.

⁴ Заявление Рузвельта о применении отравляющих веществ против Китая // Там же. – 1942. – 14 июня. – С. 2.

Выступление Черчилля на заседании Конгресса США // Там же. – 1943. – 21 мая. – С. 4.

отношениям, вышли на первых двух страницах «Правды». В них подчеркивался «нейтральный», взаимный характер соблюдения достигнутых договоренностей в рамках Пакта о нейтралитете¹.

Месяцем позже власти США попросили СССР выступить в роли посредника, в связи с решением вопроса о судьбе англо-американских военнопленных в Японии. В «Ленинградской правде» вышла одноименная статья следующего содержания: «После сообщения о том, что Иден заявил о согласии Советского Союза обратиться к Японии по вопросу об английских военнопленных, государственный департамент США, отвечая на вопросы представителей печати, указал, что по просьбе США, так и Англии, Советский Союз обратился к Японии по вопросу о ее отношении к военнопленным держав-союзниц»².

Таким образом, в 1944 году советская печать вновь стала затрагивать темы о роли СССР в дальневосточной политике, используя выдержанную, нейтральную манеру изложения материала. В таком же виде была обнародована информация о денонсации Пакта о нейтралитете 5 апреля 1945 года советской стороной³.

Позднее были опубликованы отзывы за границей, прежде всего, заявления союзных держав о поддержке действий СССР: « ...Вчера американские радиостанции прервали свои обычные передачи, чтобы сообщить об этом акте. В заявлениях многих членов конгресса... отмечается большое политическое значение этого факта и высказываются различные предположения о его возможных последствиях...», «Газета «Таймс» отметила, что при нынешних обстоятельствах пакт утратил свое значение и

¹ Советско-японские соглашения о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и о пролонгации Рыболовной конвенции между СССР и Японией с внесенными в конвенцию изменениями // Ленинградская правда. – 1944. – 1 апр. – С. 1.

² Заявление государственного департамента об обращении СССР к Японии по поводу англо-американских военнопленных // Там же. – 1944. – 28 мая. – С. 4.

³ Денонсация Пакта о нейтралитете // Там же. – 1945. – 5 апр. – С. 1.

более чем понятно, что его продление должно казаться России невозможным»¹.

Безусловно, в преддверии Маньчжурской стратегической наступательной операции официальная пропаганда не высказывала предположений и не цитировала заграничные догадки в отношении грядущей дальневосточной кампании. Однако, 4 августа 1945 года в советских газетах, был опубликован отрывок из доклада И.В. Сталина в честь 27-й годовщины Октябрьской революции, в котором, судя по всему, содержался скрытый подтекст «потушить последний очаг агрессии» и обеспечить в регионе прочный мир: «Выиграть войну еще не значит обеспечить народам надежную безопасность в будущем. Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то, по крайней мере, в течение длительного периода времени»².

Только с началом относительно непродолжительной советско-японской кампании советскому руководству пришлось сменить риторику в отношении Японии, бытовавшую на протяжении четырех лет. Таковым стало обращение И.В. Сталина к советскому народу 9 августа 1945 года.

Перед средствами массовой информации вновь встала задача формирования «образа врага». В советской печати сразу появилась откровенная враждебность к дальневосточному соседу. В газете «Тихоокеанская Звезда» спустя семь лет были вновь опубликованы воспоминания очевидцев Русско-японской войны и дальневосточной интервенции с призывами взять реванш за прошедшие события. Военкор С. Кузьменко так описывал события в селе Ивановка: «один японец подхватил ребенка на штык и вынес его в таком положении на улицу, потом заколол

¹ Отклики за границей на денонсацию советско-японского пакта о нейтралитете // Ленинградская правда. – 1945. – 7 апр. – С. 2.

² Из доклада о 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 4 авг. – С. 1.

мать. Не щадили ни стариков, ни детей...»¹. Из статьи «Наш счет»: «Звери! Они принесли охапки сена и разложили его на кровати, на скамьи – всюду. «Ваша гори, гори», - объяснили откровенно... у каждого окна, у двери – часовой загоразивает дорогу штыком. О, этот штык японского зверя! Я видела, как умирал старик, поднятый на штыках, брошенный и приколотый к земле. Я слышала, как стонал партизан, приползший к нам ночью в землянку. Он был исколот штыками так, что легкие торчали из ран, как лохмотья»². Из воспоминаний жителя Хабаровска, сумевшего сбежать из японского плена в 1920 году: «Меня втокнули в клетку. В каждой из них сидело 12 человек... Прижатые друг к другу, в ужасающей тесноте, босые, в одном нижнем белье, сидели еще живые товарищи... Избитые плетями места поливали кипятком и посыпали солью. Протыкали шомполами мягкие части тела и заставляли съедать человеческие испражнения»³.

Закреплению необходимых представлений о враге способствовало повторение тех стереотипов, которые использовались советским агитпропом в период конфликтов на Хасане и Халкин-Голе. Кара-Мурза С.Г. со ссылкой на французского психолога Сержа Московиси: «...Данные повторения, как второе условие пропаганды, придают утверждениям дополнительные убеждения и превращают их в навязчивые идеи... Слыша их вновь и вновь, в различных версиях и по самому разному поводу, в конце концов, начинаешь проникаться ими. Повторение блокирует противоположное убеждение с помощью возврата прежних слов, образов, позиций и заставляют принять их целиком»⁴.

В разгар войны в советской массовой печати такие отрицательные стереотипы как «хищники», «оккупанты», «разбойники», «бандиты», «японские фашисты» и др. вновь стали «доминировать» над нейтральными (1392 отрицательных коннотации за период августовских боевых действий

¹ Кузьменко С. Трагедия села Ивановка // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 10 авг. – С. 3.

² Шестакова Ю. Наш счет // Там же. – 1945. – 9 авг. – С. 2.

³ Из сборника «Красная Голгофа» // Там же. – 1945. – 10 авг. – С. 3.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 258.

1945 года против 340 нейтральных в «Тихоокеанской звезде», 455 отрицательных коннотаций за тот же период против 96 нейтральных в «Ленинградской правде»¹.

Регулярность употребления каждой отрицательной коннотации была различной, в зависимости от тематики статьи. К примеру, стереотипы о японце как об «агрессоре», «фашисте» или «противнике» встречались на порядок чаще остальных, поскольку нередко использовались в официальных заявлениях советских руководителей. Остальные стереотипы, к примеру, «захватчики», «оккупанты», «интервенты», употребленные в статьях, посвященных дальневосточной интервенции или событиям на Хасане и Халкин-Голе, встречались на порядок реже.

С целью усиления антияпонских настроений в обществе стало немаловажным публиковать и статьи, посвященные союзническим отношениям фашистской Германии и Японии, применяя уже «отработанные» стереотипы, к примеру, «японский фашист» или «дальневосточный сателлит Германии». Однако во второй половине августа 1945 года частота использования подобных ассоциаций снизилась по причине удачных боевых действий советской армии на трех дальневосточных фронтах, о чем свидетельствовала оперативная сводка Советского Информбюро, публикуемая почти в каждом выпуске.

С началом Маньчжурской стратегической наступательной операции важным фактором стала регулярность, с которой выходила «Правда», поскольку, не во всех уголках Советского Союза региональные газеты выпускались каждый день². Не менее существенным фактором стала и территориальная отдаленность от боевых действий на Дальнем Востоке. К примеру, в Ленинграде, несмотря на информированность населения о происходящих событиях на дальневосточных фронтах, в местных газетах

¹ См. Прил. – С. 201-202.

² Курская правда. Орган Курского Обкома ВКП(б), Горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. – Курск, 1945.
Свердловская правда. Орган Свердловского райкома ВКП(б) и Исполкома райсовета депутатов трудящихся. – Свердловск, 1945.

фиксировалось отсутствие статей, посвященных Русско-японской войны или дальневосточной интервенции, что в свою очередь, объясняло отсутствие таких отрицательных коннотаций как «интервенты», «звери», «разбойники».

Однако, несмотря на все трудности получения информации в послевоенное время, в целом советская газета вновь стала способствовать формированию общественных представлений, стала одним из наиболее доступных источников актуальных проблем в тот период, вовремя и подробно информировала о ситуации на Дальнем Востоке.

С целью развенчания мифа «о непобедимости императорской армии» в 1938 году советская печать стала также использовать средства политической сатиры, но большее распространение они получили в период Маньчжурской стратегической наступательной операции. Не только в «Правде», но и в региональных и военных газетах мастера сатирического жанра публиковали материалы, разоблачающие планы Японии в отношении Советского Союза. Газеты систематически печатали эпиграммы и солдатские анекдоты, высмеивая, преимущественно японское военное руководство. Из газеты «На страже Родины»:

« - Господин Окинако заказал на обед плавники акулы, вареные гнезда ласточки и салат из морской капусты. Но советский самолет-торпедоносец обнаружил японский корабль.

- И что стало с обедом?

- Господин Окинако сам попал на обед к крабам»¹.

За относительно непродолжительную войну с Японией в советской печати стало традиционным сравнивать японскую военщину с немецкой. Юморески стали сопровождать рисунками и карикатурами, под каждым из которых печатался комментарий приблизительно следующего содержания:

«О судьбе земного шара рассуждала эта пара:

- Мне кусок и вам кусок, Запад – мне, а вам – Восток!

¹ Кузин А. О японском обеде и советской торпедоносце // На страже Родины. 1945. – 19 авг. – С. 4.

Шар по-прежнему вертится, а в бараке те же лица:
 Делят кашу пополам: - Ложка мне и ложка – вам!»¹.

В военных газетах особой популярностью пользовались юморески бойца Ивана Мухи и других военнослужащих:

«Орал агрессор-немец «хох», мечтая властвовать над нами...
 От русского штыка он сдох, теперь лежит в помойной яме!
 А самурай кричал «банзай» и на Урал косил он взглядом.
 Теперь побитый самурай лежит с фашистом-немцем рядом.
 Удел агрессоров один, от свалки не спасло ни что их.
 Сюда их выкинул обоих наш русский воин исполин»².

В политической сатире большое место отводилось исторической тематике. В августе 1945 года обычным явлением стал экскурс в историю военных противостояний Японии с СССР на Хасане и Халкин-Голе, во времена дальневосточной интервенции и Русско-японской войны:

«Запомнит самурай советскую науку, которую ему пришлось изведать.
 Он выволочку получил от внука с сорокалетними процентами за деда.
 Об этом письма внуков каждый день уходят в сотни русских деревень»³.

В период Второй мировой войны не менее важную роль в формировании «образа врага» наряду с советской газетой сыграли журналы, авторы которых ставили перед собой это главной задачей. Хотя степень ознакомления советского населения с журналом была, не столь велика, сколько с газетой, в журналах военной поры печатались видные советские историки, философы, писатели, публицисты, военные специалисты, что нечасто можно было встретить на страницах военной или общественной печати⁴. Оценки и комментарии экспертов о ситуации в Японии все чаще стали появляться после 1934 года и к началу Второй мировой войны сформировали достаточно

¹ Маршак С. Заварили кашу – расхлебывайте! // Красноармейская иллюстрированная газета. – № 4 (113). – 1945. – Авг. – сент. – С. 4.

² Муха И. Конец агрессоров // На страже Родины. – 1945. – 5 сент. – С. 4.

³ Солодарь Ц. На деревню дедушке... (не по Чехову) // Красноармейская иллюстрированная газета. – № 4 (113). – 1945. – Авг. – сент. – С. 4.

⁴ Кононыхин Н.М. Указ. соч. – М., 1960. – С. 6.

полную картину представлений о ней. В 1939 – 1941 гг. выходило множество журналов с различной тематикой. Среди прочих: «Пропагандист-агитатор», «Военно-исторический журнал», журнал «Большевик», имевшие огромное политическое значение, не прекращали свою работу даже в период Великой Отечественной войны.

Материалы журналов позволили выявить некоторые особенности, способствовавшие формированию «образа врага». Во-первых, многообразие языковых формул, употребляемых авторами при описании обстановки в военной Японии. Видные советские историки В.Я. Аварин и Е.М. Жуков, периодически использовали конструкции «самурайские орды», «японское нашествие», проводя явную аналогию с монгольским игом. Или, к примеру, использовали коннотации «японские клеветники», «экспансионисты» и др. Японцев называли «поработителями», «азиатскими немцами», или «неумным соседом», сравнивая ее с фашистской Германией. Во-вторых, в журнале содержались экспертные оценки многих авторитетных историков и военных специалистов того времени, таких как, И.И. Минц, С.Н. Шишкин и мн. др.

Статей, посвященных Японии было немного, но прогнозы, сделанные в них еще до событий на Хасане и Халкин-Голе или дальневосточной кампании в 1945 году, не раз совпадали с реальным исходом событий. К примеру, полковник С.Н. Шишкин еще в 1940 году предположил, что Япония предпримет попытки захвата Дальнего Востока, с целью обеспечить свой тыл в случае столкновения на Тихом океане, и в случае удачного противостояния превратила бы Японское море в закрытую базу для японских военно-морских сил¹. В целях не допустить реализации планов захвата советского Дальнего Востока в период успешных военных действий Японии в юго-восточной Азии, советской пропаганде приходилось постоянно

¹ Шишкин С. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. – 1940. – № 7. – С. 139.

держат дальневосточное население в состоянии мобилизационной готовности, и советские журналы, среди прочих, способствовали этому¹.

Не осталось без внимания и нападение Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Многие советские специалисты заключили, что стратегия «сокрушения», выбранная японским командованием, была подобна «молниеносной гитлеровской стратегии», потерпевшей поражение в войне с Советским Союзом². Впрочем, на данную ошибку указывало и советское военное руководство.

Новые оценки экспертов появляются только после Коренного перелома в Великой Отечественной войне. В этот период будущую судьбу Японии предсказал авторитетный советский историк Е.М. Жуков, который на страницах журнала «Большевик» заявил о серьезном просчете, и попросту исторической ошибке островного соседа, связавшегося с «обреченным немецким фашизмом»³. Комментируя в июле 1944 года назначение нового правительства в Японии, В.Я. Аварин не заметил принципиальной перемены политического курса в Японии, и потому, также допускал угрозу перенесения военных операций к берегам Японии, о чем свидетельствовало решение нового японского кабинета, принятое 6 августа того же года: «Вооружить все население Японии в возможно кратчайший срок»⁴.

Таким образом, накануне и в период Второй мировой войны советская массовая печать была одним из самых эффективных «инструментов» пропаганды в руках советского руководства. Начатая в 1931 году агитационно-пропагандистская работа против Японии являлась во многом процессом динамичным. В связи с постоянным колебанием внешнеполитического курса Страны восходящего солнца, менялся образ Японии и японцев. Так, в период локальных конфликтов в конце 1930-х гг. в массовом сознании населения СССР японцы ассоциировались с «коварными

¹ Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦВМА МО РФ). Ф. 2450. Оп. 4. Д. 26. – Л. 122, 169.

² Ермашев И. Война на Тихом океане // Большевик. – 1941. – № 24. – С. 48.

³ Жуков Е. О японо-германских отношениях // Там же. – 1944. – № 7-8. – С. 45.

⁴ Аварин В. Война на Тихом океане // Там же. – 1944. – № 13-14. – С. 80.

самураями», «агрессивными противниками», с большими амбициями, но слабой военной подготовкой. В эти годы советскими средствами массовой информации была создана целая система пропагандистских приемов, языковых формул, позволивших воссоздать «образ врага» в период Маньчжурской стратегической наступательной операции. С заключением Пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 года активная агитационно-пропагандистская политика сменилась отсутствием идеологической работы с населением в отношении Японии и освещением событий на советско-германском фронте. С пониманием того, что помощь необходима именно там, советские газеты призывали дальневосточников к дисциплинированному труду, помощи фронту всевозможными способами и средствами. С началом дальневосточной кампании в 1945 году нужные стереотипы о Японии, имевшие место в советской печати в конце 1930-х гг., вновь закреплялись в массовом сознании при помощи повторения уже известных стереотипов. Таким образом, в годы войны «образ врага» сохранял свою функциональную значимость, служил объяснением трудностей в условиях военного времени, попыткой держать в состоянии мобилизационной готовности население страны, обеспечивал возможность не допустить попыток любого инакомыслия.

1.2. Влияние наглядной агитации и кинематографа на восприятия советских людей о Японии и японцах

Наглядная агитация времен Второй мировой войны преимущественно создавались современниками тех лет (участниками боевых действий и тружениками тыла) и укоренялись в массовом сознании посредством средств массовой информации (газет, радио, плакатов). В свою очередь агитационно-пропагандистская политика в СССР в годы войны преследовала цель поддерживать «образа врага» в массовом сознании, корректируя его в зависимости от геополитической обстановки. Образ дальневосточного соседа

СССР – Японии создавался поэтапно, и конкретные очертания приобрел накануне локальных столкновений в конце 1930-х гг., а затем, уже с новой силой, в период войны с Японией в 1945 году.

Действенным средством агитационно-пропагандистской политики в СССР были советские плакаты, адаптированные для массовой аудитории и имевшие воздействие на массовое сознание. Связь с массовым производством определила социальную значимость советского плаката, ставшую более важной, чем формальные характеристики отдельных произведений искусства¹. По сравнению с другими средствами пропаганды советский плакат имел ряд преимуществ: регулярность обращения к населению, краткий и доходчивый призыв, устойчивый и яркий визуальный образ², а потому, в условиях форсированной модернизации искусство агитационного плаката вышло на передний план и стало ведущим в системе пропагандистских жанров³. В 1920-е – 1930-е гг. советский плакат выполнял, прежде всего, информационную функцию, а также имиджевую, т.е. через призму сопоставления с «чужими»⁴, создавал благородный и величественный образ «своих»⁵.

Основной целью наглядной агитации в годы войны было создание определенного эмоционального фона, повышающего эффективность других форм пропаганды, распространяемых одновременно посредством печати⁶. Создавать подобный фон помогали тексты, дополняющие смысловую часть советского плаката. Некоторые надписи и лозунги в военных плакатах зачастую звучали достаточно ободряюще с целью мотивировать жителей

¹ Николаева М.Ф. Советский плакат (1917-1941): между искусством и медийной технологией // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – №3. – 2012. – С. 129.

² Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Русин. – №2 (40). – 2015. – С. 190.

³ Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – №3. – 2013. – С. 123.

⁴ Там же. – С. 123-124.

⁵ Там же.

⁶ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М., 1981. – С. 185.

СССР к действию в условиях всеобщей мобилизации¹. С учетом общего принципа «максимум содержания – минимум слов» различные формы наглядной агитации в период войны могли воздействовать на сознание населения многократно в течение определенного промежутка времени². Войтасик Л. отмечает, что при бережном и разумном подборе и сочетании слов плакатам можно вернуть агитационно-пропагандистскую силу: «Понятно стремление выдающихся политических деятелей передать массам мощный пропагандистский заряд в форме нескольких, соответствующим образом подобранных, слов»³.

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. художественное и тематическое разнообразие советского плаката раскрылось в новых смысловых контекстах и стилях⁴. Особое внимание советских читателей привлекала группа плакатов, в которых советские художники воплощали «образ врага», чьи персоналии могли меняться в зависимости от геополитической обстановки. Творческие коллективы плакатистов (Ю. Ганф, Б. Ефимов, К. Ротов, А. Каневский и мн. др.) сопровождали любой советский плакат сатирическими или юмористическими комментариями, анекдотами, частушками или юморесками, используя при написании комментариев нетрадиционные сатирические приемы: каламбур (игру слов), и более традиционные литературные средства выразительности – метафору, сравнения, антитезу и мн. др.

Таким образом, прежде всего, образ Японии как «врага» Советского Союза нашел отражение в сатирических плакатах⁵, представляющих в годы

¹ Лежень Е.Е. Указ. соч. – С. 123.

² Войтасик Л. Указ. соч. – С. 189.

³ Там же. – С. 192-193.

⁴ Федосов Е.А., Конев К.А. Указ. соч. – С. 191.

⁵ Белоусов Г., Лебедев Ю. Мы японских самураев / Били, били и добьем // Курская правда. правда. – 1945. – 12 авг. – С. 4.

Комаров П., Павчинский В. И суша, и вода – самураю беда! // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

Гай А., Павчинский В. Это – сказка небольшая, про кончину самурая // Там же. – 1945. – 12 авг. – С. 4.

войны смысловую противоположность плакатам «героическим». Японцы изображались нарочито карикатурными существами с присущими им зооморфными характеристиками¹.

В августе 1945 года разнообразие сатирических плакатов дополнилось темой союзнических отношений СССР со странами по антигитлеровской коалиции². Единство этих стран изображалось с помощью традиционного мотива: три руки, три приклада, три пушки или три лезвия, на каждой из которых – флаг страны-союзницы, наносили смертельный удар по Японии или, нередко, по Германии и ее дальневосточному сателлиту, памятуя о событиях трехмесячной давности и о связи этих двух событий.

Во время Маньчжурской стратегической наступательной операции на второй обложке журнала «Крокодил» художники изобразили человека с головой в виде земного шара (видимо, собирательным образом стран антифашистского блока), собирающегося сбрить со щеки значки свастики в виде японских островов. Изображение на карикатуре опасной бритвы, судя по всему, являлось демонстрацией поддержки Англии и США в борьбе с Японией. Из карикатуры: «За туалетом»:

«К чему скрывать! За шесть военных лет (Не до красот мне было в эти годы)

Гай А., Павчинский В. От Берлина до Харбина... // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 22 авг. – С. 4.

Ефимов Б. Японский милитаризм прибывает к месту своего назначения... // Известия. 1945. 12 авг. С. 4. // Красное знамя. – 1945. – 22 авг. – С. 4.

Кукрыниксы, Маршак С. Берлин и Токио // Правда. – 1945. – 11 авг. – С. 4.

Павчинский В. Срубить голову японскому гаду! // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 10 авг. – С. 4.

Павчинский В. Окончен путь... // Там же. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

Ефимов Б. Противопожарные мероприятия. К ликвидации двух очагов войны // Правда. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

Павчинский В. История самурайского «солнца» // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 17 авг. – С. 4.

¹ См. Прил. – С. 203.

² Кукрыниксы, Маршак С. Берлин и Токио // Правда. – 1945. – 11 авг. – С. 4.

Павчинский В. Срубить голову японскому гаду! // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 10 авг. – С. 4.

Павчинский В. Окончен путь... // Там же. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

Ефимов Б. Противопожарные мероприятия. К ликвидации двух очагов войны // Правда. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

Я запустил свой штатский туалет и вообще - отстал от мирной моды.

Я возмужал. Лицо мое - в пыли, в дыму боев. Шесть лет – сплошные битвы!

Я тороплюсь стереть с лица земли агрессоров – и действую в три бритвы
Сталь не дрожит в уверенной руке. Еще момент! Намылить Франко шею,
Японский прыщ (висит на волоске) убрать с лица – я и похорошею»¹.

К слову, общественно-политический журнал «Крокодил» занимал особое место в системе средств массовой информации, который в отличие от многих других изданий не только использовал наглядную агитацию и пропаганду, но и смог в годы войны сохранить относительно высокий тираж (в 1941 году – 271 тыс. экземпляров, в 1942 году – до 200 тыс. экземпляров)². Жанровое своеобразие журнала (сатирические и героические плакаты, лубки, рисунки, пародии, карикатуры, литературные фельетоны, памфлеты, анекдоты и частушки) не только имело эмоциональное воздействие на читателя, оно позволяло облегчить представления о «враге»³.

Образ Японии как врага Советского Союза нашел отражение в т.н. «героических» или агитационно-пропагандистских плакатах⁴. В стремлении показать, что ударный труд в тылу не менее важен героической борьбы на фронте, художники-плакатисты поочередно могли изобразить вооруженного красноармейца, колющего штыком японского генерала, или советского труженика, накалывающего японца на злоковую ость⁵. Образ советского труженика или военнослужащего в годы войны сохранял устойчивые черты, что, по всей вероятности было связано с использованием одних и тех же трафаретов. На страницах советских газет перед читателями представал

¹ Волгин И., Семенов И. За туалетом // Крокодил. – 1945. – № 28. – Вторая обложка. См. Прил. – С. 204.

² Широкопад И.И. Указ. соч. – С. 137.

³ Там же.

⁴ Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. – М., 1962. – С. 136.

Федосов Е.А., Конев К.А. Указ. соч. – С. 198.

⁵ Мальнев Ф. И колос, как штык, врага колет! // Красное Знамя. – 1945. – 22 авг. – С. 1.

Павчинский В. На сопках Маньчжурии // Там же. – 1945. – 25 авг. – С. 4.

Павчинский В. Смерть японским самураям! Ликвидируем очаг войны на Дальнем Востоке! // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 9 авг. – С. 2.

мужественный красноармеец, чаще всего вооруженный винтовкой или автоматом, облаченный в шинель или гимнастерку, с каской на голове, сосредоточенный на противнике в момент борьбы или победы на фоне фронтового знамени.

Как отмечает Г.Л. Демосфенова, ненависть к врагу и насмешка над ним, будучи главными темами в отношении фашистских завоевателей, определили в свою очередь две стороны развенчивания врага в сатирическом плакате¹. Если в годы Великой Отечественной войны, стремясь вызвать у читателя «священную ненависть» к немцам, художники-плакатысты создавали достаточно реалистичные «образы врага»², то в период войны с Японией только карикатурные, гротескные образы японцев дополнялись еще и зооморфными характеристиками³. В период советско-японской военной кампании 1945 года вновь прибегают к такому приему. Японец оказывается на краю пропасти, сидя на ободе одного колеса⁴, парит, сжатый в щипцы, над бочкой с водой⁵, удирает от советских танков и самолетов⁶, тонет в водах Тихого океана⁷, скатывается кубарем с сопки Маньчжурии⁸, и, всюду отправляется вдогонку за Гитлером, чья судьба уже решена.

Один из советских поэтов Кроткий Э., уже после окончания Великой Отечественной войны, предпринял смелую попытку «воскресить Гитлера» и оправить его в путешествие по Японии летом 1945 года в своей

¹ Демосфенова Г.Л. Указ. соч. – С. 161.

² Федосов Е.А., Конев К.А. Указ. соч. – С. 202-203.

³ Белоусов Г., Лебедев Ю. Мы японских самураев / Били, били и добьем // Курская правда. – 1945. – 12 авг. – С. 4.

Гай А., Павчинский В. Это – сказка небольшая, про кончину самурая // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 12 авг. – С. 4.

Павчинский В. Срубить голову японскому гаду! // Там же. – 1945. – 10 авг. – С. 4.

⁴ Ефимов Б. Японский милитаризм прибывает к месту своего назначения... // Известия. – 1945. – 12 авг. – С. 4. // Красное знамя. – 1945. – 22 авг. – С. 4.

⁵ Ефимов Б. Противопожарные мероприятия. К ликвидации двух очагов войны // Правда. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

⁶ Белоусов Г., Лебедев Ю. Мы японских самураев / Били, били и добьем // Курская правда. – 1945. – 12 авг. – С. 4.

⁷ Комаров П., Павчинский В. И суша, и вода – самурая беда! // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

⁸ Павчинский В. На сопках Маньчжурии // Красное знамя. – 1945. – 25 авг. – С. 4.

полуфантастической поэме «Гитлер в халате». Причем Гитлер приезжает уже в побежденную Японию. Его попытки возродить армию из «расы господ» оканчиваются неудачей, и он удирает на подводной лодке в неизвестном направлении:

«Он верит в себя, как когда-то, он видит «свой верный народ» -

Он снова среди расы Ямато, божественной «расы господ»...

Знаем все: и стиль, и метод, и финал. «Соавтор» этот

Все отдал и, налегке, удирая восвояси, закричал «капитуляси!» - на японском языке!..»¹.

В советских плакатах показывались плачевные для Японии результаты столкновений с Советским Союзом – паническое бегство, всевозможные испытания и увечья и, в конечном счете, неминуемая гибель. Подписи к данным изображениям раскрывали результаты политики «японской военщины»: «Японский милитаризм прибывает к месту своего назначения...»², «Окончен путь»³, «Солнце всходит... и заходит»⁴. Для идентификации врага маркеры «японец / японский» в период локальных конфликтов конца 1930-х гг. и «дальневосточного затишья» значительно превысили маркеры «фашист / фашистский», и, наоборот, в период Маньчжурской стратегической наступательной операции.

В условиях дальневосточной кампании в августе 1945 года происходила актуализация исторической памяти советского народа. Многие карикатуристы акцентировали внимание советского народа на устоявшихся стереотипах о дальневосточном соседе, известных еще со времен Русско-японской войны и событий дальневосточной интервенции. К примеру, в самый разгар войны с Японией на страницах «Курской правды» появляется серия карикатур на тему истории противостояния Советского Союза и Японии в 1920-х – 1940-х гг., где каждая сатирическая иллюстрация

¹ Крокодил. – М., 1945. – № 28. – С. 1.

² Ефимов Б. Японский милитаризм прибывает к месту своего назначения... // Известия. 1945. 12 авг. С. 4. // Красное знамя. – 1945. – 22 авг. – С. 4.

³ Павчинский В. Окончен путь... // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 16 авг. – С. 4.

⁴ Павчинский В. История самурайского «солнца» // Там же. – 1945. – 17 авг. – С. 4.

сопровождалась юмористичным четверостишием¹. С учетом официальных целей советской агитационной политики логично отсутствие в «перечне противостояний» Русско-японской войны. Важным являлось проиллюстрировать беспомощность японской армии перед советскими танками и авиацией, а также вспомнить об определяющей роли партизанского движения в период дальневосточной интервенции:

«1922 г. Грех забыть им о таком то: в девятьсот в двадцать втором

Было близкое знакомство с партизанским сапогом

1938 г. И по битой судя рожу, по затрещинам по ней

На Хасане было то же, только вдвое посильней.

1939 г. На монгольском Халкин-Голе та же выпала им доля.

Вдрызг избитый самурай вспоминает этот край.

1945 г. В золотом Приморском крае, на Востоке, на своем

Мы японских самураев били, били и добьем»².

В период Маньчжурской стратегической наступательной операции художниками-плакатистами осмысливалась тема неизбежного поражения японцев, символично подчеркивалась преимущество побед Советского Союза над фашистской Германией и фашистской Японией. На страницах «Правды» Кукрыниксы изобразили «поверженный тандем» - Берлин и Токио, схожий во внешнем образе, привычках и амбициях к мировому господству. Причем отсылкой к данной карикатуре послужила цитата в японской газете «Ниппон таймс» за декабрь 1944 года: «... Основные цели, которые заставили Японию и Германию взяться за оружие, были одни и те же...»³. В сопровождении сатирических строчек советского писателя С. Маршака на первом рисунке карикатуры улыбчивые Гитлер и японский генерал пытаются поделить между собой земной шар. Уже на втором рисунке, придавленный

¹ Белоусов Г., Лебедев Ю. Мы японских самураев / Били, били и добьем // Курская правда. – 1945. – 12 авг. – С. 4.

² Там же. См. Прил. – С. 204.

³ Кукрыниксы, Маршак С. Берлин и Токио // Правда. – 1945. – 11 авг. – С. 4.

прикладами союзных держав японец взирает в сторону «кляксы» и костлявой руки, оставшейся от Гитлера после «повторного сценария»:

«Они сознались, что имели одни намерения и цели:
Они свою ковали ось, чтоб шар земной проткнуть насквозь.
Но разлучилась эта пара... Один исчез не так давно
И на коре земного шара оставил грязное пятно.
Теперь другой узнал на деле, что грозный суд неотвратим,
Что одинаковые цели ведут к последствиям одним.
За преступления жестокие враги дадут ответ один
Приехал к финишу Берлин, за ним последует и Токио»¹.

Нередко сами военнослужащие писали небольшие стихотворения, рассказы, анекдоты и частушки. Создание подобных примеров военного фольклора свидетельствовало не только о боевом настроении советских солдат, но и о восприятии островного соседа, как противника, не представляющего серьезной угрозы. Подобная реакция красноармейцев, прибывших с советско-германского фронта, во многом объяснялась результатом их взаимодействия с солдатами-дальневосточниками, чьи настроения в период «дальневосточного затишья» порой переходили в «шапкозакидательские». С другой стороны, весь народный фольклор времен войны всегда оставался надежным источником поддержания стабильной морально-политической атмосферы в обществе, что являлось приоритетной целью советского агитпропа. В газете «На страже Родины» в начале августа 1945 года стали публиковать различные песни, карикатуры и частушки. В военных газетах регулярно публиковали сатирические стихотворения ленинградца Ивана Мухи, воевавшего в те дни в дальневосточном регионе:

«У агрессоров недавно в их разбойничьей стране
Были радужными явно рассужденья о войне.
Говорилось, что походы обещают лишь доходы,
Что Японии война обязательно нужна!

¹ Кукрыниксы, Маршак С. Берлин и Токио // Правда. – 1945. – 11 авг. – С. 4.

Пушки голосом могучим говорят на полный бас:

- Воевать мы вас отучим, навсегда отучим вас»¹.

В первые дни войны с Японией в советской печати выкладывалось множество карикатур дальневосточного соседа и сюжетов, посвященных войне с ним. В газетах пытались не просто обозначить схожие стереотипы, сравнивая милитаристскую Японию и фашистскую Германию, но и убедить жителей СССР в повторной победе. Так, на одной карикатуре в газете «На страже Родины» японский солдат и тень Гитлера ведут разговор под прицелом советских пушек. Наличие зализанной на бок челки, вытянутого носа и широких скул выдают внешние черты лица фюрера. Наличие у насупившегося японского офицера самурайского меча в одной руке и немецкого маузера в другой – очередная визуальная характеристика собирательного «образа врага». Под карикатурой приводятся следующие оригинальные строчки:

«Не трать усилий самурай, ложись ка в гроб и помирай! – ему тень Гитлера сказала, ведь исход известен наперед: капут постиг меня сначала, теперь приходит твой черед»².

Анекдоты военного времени, наряду с другими фольклорными жанрами, также отражали суть происходившего как на фронте, так и в тылу. Почти каждый из них содержал поучительный смысл для современников и будущего поколения. Средствами распространения анекдотов в указанный период, как правило, служили газеты, сатирические журналы которые доносили главный смысл находчивой и поучительной истории. За период существования двухсторонних отношений анекдоты о Японии и японцах обличали различные аспекты повседневной жизни Страны восходящего солнца, но в условиях военного времени центральным объектом шуток среди советского населения становится японская армия и ее командование.

¹ На страже Родины. – 1945. – 14 авг. – С. 4.

² Там же.

В анекдотах военной поры популярным становится каламбур - литературный прием, где похожие по звучанию слова и словосочетания используются в одном контексте. К примеру, в таком, когда иностранный журналист задает вопрос японскому генералу: «Вас разбили?». На что отвечал японский генерал: «Пожалуй, нас не раз били!»¹. Или, например, в анекдоте, в котором французский президент и японский генерал ведут следующий диалог: - У нас на Парижской выставке выступал краснознаменный ансамбль! - А на нас возле озера Хасан наступала краснознаменная Красная Армия!². Вместе с каламбуром, антитеза тоже становится одним из самых распространенных литературных приемов в советском военном фольклоре. В одном из таких анекдотов опубликованных на страницах журнала «Крокодил» приводится разговор двух японцев, где один задает другому следующий вопрос: «Кто это на нас напал? Регулярные или партизанские части? Не знаю точно, но бьют нас здесь регулярно»³.

Изобретательность в нахождении удачных и метких решений в обличии противника представлена также в следующем анекдоте: « - Готовится информация о победах 7-й и 23-й [японских – *К.С.*] дивизий. Надо, чтобы все об этом знали! - Так точно! Тогда придется сообщить о победах и солдатам этих дивизий»⁴. Многие анекдоты также сопровождались карикатурами: «Кажется СССР скоро превратит наш надводный флот в воздушный, а воздушный – в подводный»⁵.

Таким образом, в советском военном анекдоте дальневосточный сосед предстает перед советскими читателями (слушателями) наивным, слабым и глупым противником, склонным к всевозможным эпатажным поступкам. В этот период очень важным являлось, в первую очередь, донести основную поучительную мысль анекдота, а уже во вторую очередь юмор, который по определению является его самоцелью.

¹ Крокодил. – М., 1938. – № 21. – С. 16.

² Там же. – М., 1939. – № 4. – С. 5.

³ Там же. – М., 1938. – № 24. – С. 1.

⁴ Там же. – М., 1939. – № 22. – С. 1.

⁵ Там же. – М., 1938. – № 20. – С. 6.

С началом войны с Японией во всех советских газетах, появляются частушки. Будучи юмористическим фольклорным жанром, в них зачастую высмеивались крайне неразумные поступки японского правительства, к примеру, связать себя дружбой с фашистской Германией, или, не воплотившиеся в жизнь, притязания японцев на Сибирь и Дальний Восток, а также, беспомощность дальневосточного сателлита Германии против Советского Союза. Объектом высмеивания становится собирательный «образ врага», и прежде всего, по традиции, японского командования:

«Заяц снюхался с акулой – родился самурай.

Не успел разинуть скулы, завизжал уже «банзай»»¹.

В коротких четверостишьях вспоминались недавние победы СССР над японцами на Хасане и Халкин-Голе. Подобный «козырь» в руках агитпропа позволял поднять моральный настрой в советском обществе и армии, мобилизовать все имеющиеся силы народа для отпора врага:

«Мы японца на Хасане за три дня свели с ума:

Сразу плавать научился наподобие сома»².

Безграничный талант советского народа, падкого к созданию остроумной, задорной и поучительной фольклорной песни, позволял использовать уже имеющиеся «резервы» устного народного творчества, которые прижились в советском массовом сознании. В частности, знаменитый военный марш «По долинам, и по взморьям» с небольшими исправлениями лег в основу очередной частушки:

«Мы прогнали самурая до морских зеленых вод,

И на Тихом океане вновь закончили поход»³.

Таким образом, сбор и публикация произведений устного народного творчества на страницах советских газет и журналов в августе 1945 года, позволили расширить его географию. Тем самым у советских граждан, к примеру, проживающих в европейской части СССР, формировалось и

¹ Тихоокеанская звезда. – 1945. – 19 авг. – С. 3.

² Там же.

³ Там же.

укреплялось новое представление о японцах. Тем более такой источник информации, в отличие от международных документов или научно-популярных статей, был более доступен для усвоения в советском массовом сознании.

Песенный жанр в годы войны имел особое значение для советского народа. Написание самой знаменитой дальневосточной песни той поры совпало с событиями на Халкин-Голе. В период войны с Германией песня цитировалась в измененном виде, но к Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 года снова приобрела вновь антияпонский вариант. Песня повествует о трех танкистах из знаменитого фильма «Трактористы» конца 1930-х гг. Один из них, участник боев у озера Хасан, воевал против японцев, которых и разгромили «три танкиста, три веселых друга, - экипаж машины боевой»:

«...На траву легла роса густая, полегли туманы широки.

В эту ночь решили самураи перейти границу у реки.

Мчались танки, ветер подымая, наступала грозная броня.

И летели наземь самураи под напором стали и огня»¹.

Таким образом, устное народное творчество в годы военных столкновений с Японией являлось одним из ведущих источников в формировании «образа врага», однако всегда высокий уровень заинтересованности советского народа к анекдотам, песням, частушкам и т.д. ограничивался сокращением или отсутствием печатных средств массовой информации в годы войны. К тому же развернувшаяся война на Тихом океане не была в центре пристального внимания даже самих дальневосточников, которые внимательно следили за событиями на советско-германском фронте. Обличение фашисткой Германии стало первостепенной задачей на всем советском пространстве, хотя сами конфликты на Хасане и Халкин-Голе, и война с Японией 1945 года диктовали потребность в

¹ По военной дороге: Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском Флоте. – М., 1988. – С. 48-50.

обличительном фольклорном творчестве, но будучи относительно кратковременными, затрудняли его закрепление в массовом сознании. Многообразие форм фольклора, затруднение в контроле над устным народным творчеством позволяли отойти от декларированного характера методов и средств формирования представлений о Японии и японцах, но тематика произведений оставалась прежней и полностью соответствовала агитационно-пропагандистскому курсу страны¹.

Наряду с наглядной агитацией особую роль в пропагандистской политике советского государства стал играть кинематограф, формируя единый, взаимодополняемый «образ врага». Эффективность последнего, по мнению профессора Е.С. Сенявской, накануне Второй мировой войны заключалась в его нацеленности на массовую аудиторию, в возможности распознать, но не до конца осмыслить, визуальный образ в условиях полного доверия зрителя тому, что показывают, пишут².

Памятью о результатах Русско-японской войны и дальневосточной интервенции, советский кинематограф второй половины 1930-х гг. воспроизвел и актуализировал события на озере Хасан в июле – августе 1938 года и четырехмесячную войну на реке Халкин-Гол в 1939 году. Советские кинематографисты целенаправленно стали создавать «оборонные фильмы» о защите советских границ от шпионов и диверсантов³, в рамках подготовки к созданию подобных картин даже создали специальный «кинокурс для всеобщего военного обучения»⁴. Начиная с 1933 года, период относительно непродолжительных локальных столкновений с японцами на

¹ Коршенко С.В. Формирование представлений о Японии и японцах во время Советско-японской войны (август 1945 г.) средствами наглядной агитации // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2017. – № 7 (127). – С. 129-135.

² Сенявская Е.С. Русские и финны глазами друг друга: «образ врага» в кинематографе о Второй мировой войне // Вестник РУДН. Серия «История России». – № 4. – 2005. – С. 14-19.

³ Мельникова И.В. Музыка как символ русско-японского партнерства // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 116-142.

Ждан В. Военно-учебный фильм // Искусство кино. – Сент. – 1936. – С. 54-59.

⁴ Большаков И. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1950. – С. 163-164.

дальневосточной границе нашел отражение в нескольких советских кинолентах (в одной – документальной и четырех – художественных).

Так, в 1935 году на советские экраны вышел фильм А.П. Довженко «Аэроград», в котором режиссер, по всей видимости, преследовал цель осветить события дальневосточной интервенции¹. Сразу из титров советский зритель узнает о появлении «целой плеяды» отрицательных персонажей: так называемых староверов, сектантов, кулаков, изменников родины и «самураев», появляющихся в фильме наряду с остальными. Сюжет картины разворачивается в тайге, неподалеку от стройки аэрограда на побережье Тихого океана, где главным героям картины противостоит собирательный образ «врага советского народа». Образ «самурая» в работе А.П. Довженко содержит ярко выраженные национальные характеристики, присущие только ему: японец вооружен мечом (катана), на нем элементы традиционной японской одежды (кимоно). Диверсанты действуют небольшими группами, вступают в сговор с кулаками-староверами, и, потерпев поражение, даже пытаются совершить ритуальное самоубийство (харакири), однако останавливаются перед «неизбежным». Своеобразный авторский посыл в фильме заключался в высказываниях главных персонажей. К примеру, реплики главных героев картины «Пожалуйста, без провокаций» или «Жаль, что тебя не убили рабочие твоей страны», по всей видимости, были адресованы не только советскому зрителю, который смог бы задуматься о ситуации на Дальнем Востоке, но и японскому руководству и японским трудящимся в частности.

Таким образом, в середине 1930-х гг. А.П. Довженко стал одним из первых, кто продемонстрировал на советских экранах не только внутрисоюзных врагов Советского Союза, но и внешнеполитических в лице Японии.

¹ «Аэроград» стал первым сценарием А.П. Довженко, который пришел к читателям раньше, чем фильм к зрителям, литературная премьера которого состоялась в майских выпусках журналов «Знамя» и «Советское кино» в 1934 году. Довженко А.П. Думы у карты Родины: киноповести, рассказы, очерки, статьи. – Л., 1983. – С. 56-80, 457.

Картина была с восторгом встречена кинокритиками и последующие несколько лет не вызывала споров у них. В «Комсомольской правде» писали, что «картина производит чрезвычайно сильное впечатление»¹ и, в частности, ритуальный танец самураев, а в «Правде» Б. Резников оставил рецензию следующего содержания: «В простом рассказе [имеется в виду фильм А.П. Довженко – *К.С.*] о небольшой группе людей, о событиях, происходящих в одном крае, показана непоколебимая воля всей необъятной страны, выраженная в чеканном лозунге вождя: «Ни одно пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка, не отдадим никому»... ненависть к врагам трудящихся, к врага народа неотделима от подлинной всеобъемлющей любви к людям, и это показано в «Аэрограде» с предельной ясностью»².

Однако с изменением геополитической ситуации на Дальнем Востоке и с появлением новой киноленты братьев Васильевых, стали появляться кинокритики, поставившие под сомнение «выразительность образов» А.П. Довженко. Так, в частности, Н. Коварский призвал читателей журнала «Искусство кино» сравнить образы японцев в двух кинолентах: «... у Васильевых – умный, хищный и отвратительный враг, сквозь, все необычные жесты, повадки и азиатскую вежливость которого явственно видны черты, роднящие его с любым колонизатором из европейских стран. У Довженко – не образ, но самурайская маска, в которую вложены все более или менее элементарные ассоциации, связанные с наивными и неглубокими представлениями о Японии»³.

В 1937 году на киностудии «Ленфильм» братья Васильевы приступили к постановке картины «Волочаевские дни», вновь о событиях дальневосточной интервенции. При подготовке к съемкам картины режиссеры побывали на Дальнем Востоке, лично встретились с бойцами и командирами Особой

¹ Аэроград: Либретто к кинофильму (отрывок из статьи и заметка из «Правды» и «Комсомольской правды»). – Л., 1936. – С. 14.

² Там же. – С. 10-13.

³ Коварский Н. Фильм о народной войне // Искусство кино. – Февр. – 1938. – С. 19.

Краснознаменной Дальневосточной Армии, с пограничниками и бывшими партизанами¹, что, видимо, помогло авторам киноленты создать ключевой отрицательный образ японца в лице полковника Усжимы, с первых минут появившегося на экране. В советском массовом сознании персонаж, созданный актером Львом Свердлиным, внешне чем-то похожий на императора Маньчжоу-Го Пу И, безусловно олицетворял образ самого настоящего интервента, хитрого захватчика. Приехавший с целью «собирать по весне незабудки» в Дальневосточном крае, Усжима мечтает больше и лучше узнать о России, о русской культуре, хочет не менее трех часов в день изучать русский язык, и с непревзойденной точностью цитирует русских писателей, в том числе известные строчки из грибоедовской комедии «Горе от ума»: «Когда ж постранствуешь, воротисься домой, / И дым Отечества нам сладок и приятен!». Сами режиссеры отмечали большие трудности при работе над созданием образа врага: «...И в мировой литературе, и в искусстве еще не выражен с достаточной полнотой образ хитрого, коварного, жесткого, не останавливающегося ни перед чем для достижения своей цели, типичного представителя агрессивной японской военщины...»². Вставив сюжеты об убийстве «своего» же часовщика с целью ввести японский гарнизон во Владивосток, о поджоге таежной деревни, об унижительной эксплуатации приморских жителей в качестве гужевого транспорта, о попытках подписать выгодное для себя перемирие, о беспорядочном ведении боевых действий, наконец, о коллаборационизме в составе японской армии братья Васильевы преднамеренно обличали в лице Усжимы реальные действия японцев, и, скорее всего, создали образ, претендовавший во второй половине 1930-х гг. на символ «коварной и хищной Японии».

В не менее пропагандистских рецензиях советских кинокритиков в 1938 году стали появляться открытые призывы к жителям СССР соблюдать бдительность и быть готовыми к отпору врага. Из рецензии Г. Чахирьяна:

¹ Братья Васильевы. Люди нашего Дальнего Востока // Искусство кино. – Февр. – 1938. – С. 13.

² Там же. – С. 14.

«... Так образ полковника Усжимы является таким же значительным образом «Волочаевских дней», как образы Андрея, Егора или Бублика [положительных персонажей картины – К.С.]... Васильевы поставили перед собой задачу показать сильного, опасного врага, с которым нам еще придется столкнуться и которого мы должны победить. Образ Усжимы вошел твердо в советскую кинематографию как один из самых запоминающихся и самых выразительных образов врагов. Его сила не только в глубокой правдивости и художественной убедительности. Его сила в том, что он призывает к бдительности, напоминает о том, что враг ежечасно готов напасть на нашу территорию и единственное, что его может удержать, - это только одна сила – сила нашего оружия»¹.

Безусловно, создатели фильма преследовали другую (главную) идею, а именно, в первую очередь показать подвиг красных партизан, ведущих вооруженную борьбу в Приморской тайге не только с японцами, но и со своими «фронтowymi друзьями» - белогвардейцами. Братья Васильевы говорили о положительных персонажах картины следующее: «... Каждый из отдельных индивидуальных героев идет различными, своими путями к одной общественной цели, и цель эта – торжество над врагом...»². В этой связи размытым является образ православной таежной деревни, с одной стороны, жители которой хлебом-солью и с надписью «Добро пожаловать» встречают проходящий мимо них японский гарнизон, с другой стороны, расстрелянные из пулеметной очереди по приказу полковника Усжимы. Однако, несмотря на то, что в фильме в качестве отрицательных персонажей выступают белогвардейцы, предпочтение в обличении «нового и более опасного врага» все равно отдается японцам.

В те годы, преимущественно придираясь к деталям, немногие советские киноведы попробовали критиковать работу Васильевых в связи с отсутствием центрального положительного персонажа, в противовес

¹ Чахирьян Г. От «Чапаева» к «Волочаевским дням» // Искусство кино. – Февр. – 1938. – С. 21.

² Братья Васильевы. Люди нашего Дальнего Востока // Там же. – Февр. – 1938. – С. 14.

полковнику Усижиме – центральному отрицательному¹. Перед премьерным показом картины в журнале «Искусство кино» фильм был анонсирован советской аудитории, дан краткий сюжет и раскрыта главная идея².

Очередной фильм «Морской пост», снятый в 1938 году по сценарию Льва Линькова, режиссером Владимиром Гончуковым на Одесской киностудии, был посвящен уже подвигу советских пограничников, охранявших советско-маньчжурскую границу от посягательств островного соседа, но в конкретно не обозначенных условиях³. Главные герои картины – старший лейтенант Назаров и старшина Матвеев несут боевую вахту в условиях постоянной бдительности в связи с угрозой «японской опасности». В начале фильма «образ врага» достаточно абстрактен, поскольку только со слов местных старожилов складывается собирательный образ Японии. Краснофлотцы делятся с новичками впечатлениями о пограничной службе, в частности, рассказывая о деталях последнего случая диверсии, когда японцы попытались спалить креозотом береговую линию с целью «отвадить» морского котика. Высмеивая преимущественно японскую военщину, героями картины японец не воспринимается как враг серьезный, нередко сравнивается с представителями морской фауны, а реальные японские военные деятели, к примеру, военный министр Араки, цитируются в небольших сатирических юморесках: «Покажем Араки, где зимуют раки». В связи с эпизодическим появлением японского морского офицера, внешне чем-то вновь напоминающего императора Пу И, авторы фильма, прежде всего, сосредотачивают внимание зрителя на герое Бурове – члене троцкистской организации, который под предлогом встречи с родителями должен передать японцам зашифрованные сведения в день годовщины Октября и подорвать док.

¹ Чахирьян Г. От «Чапаева» к «Волочаевским дням» // Искусство кино. – Февр. – 1938. – С. 20.

² Красная Армия в кино // Там же. – Февр. – 1938. – С. 8.

³ Линьков Л. Морской пост // Там же. – Июнь. – 1938. – С. 15-35.

Таким образом, в данной картине «образ врага», как и в предыдущих фильмах, вновь получился многоликим, создатели фильма постарались актуализировать в сознании советских зрителей бои на озере Хасан и внутривосточную борьбу советской власти с последователями троцкизма в конце 1930-х гг.

Четвертая кинолента была создана по «горячим следам» хасанских боев, и как в «Волочаевских днях» в ней нашли отражение реальные события, в частности, бои на сопку Заозерная в августе 1938 года. Спустя некоторое время на советские экраны выходит фильм «На границе», снятый режиссером А.Г. Ивановым по материалам писателя П.А. Павленко на киностудии «Ленфильм». Сюжет картины разворачивается на советско-маньчжурской границе, где главные герои киноленты в лице советских пограничников, бывших красных партизан противопоставлены не только японским диверсантам, но и остаткам белого движения, а также бывшим участникам «троцкистско-зиновьевской банды». Собираемый «образ врага» олицетворяет капитан Нумата, который не просто действует «чужими руками», подкупает белогвардейцев с целью совершения диверсий, но и пытается применить жестокие пытки в период непосредственных боев за высоту Заозерная. Примечательно, что в отличие от других советских кинолент, сыгранный советским актером Ю.С. Лавровым персонаж Нумата, обладает типичной славянской внешностью, его образ фактически не прорисован и ограничивается несколькими батальными сценами. Следует предположить, что, не ставя перед собой задачу, добиться максимального правдоподобия отрицательных персонажей, А.Г. Иванов, в первую очередь, преследовал цель донести до советского зрителя ключевой пропагандистский посыл картины, содержащийся в финальном лозунге: «Если понадобится – мы пройдем».

Таким образом, все четыре фильма во второй половине 1930-х гг. имели общие ключевые установки и отношение к локальным конфликтам на

Дальнем Востоке: в целом становится понятно, что враг «хитер», «коварен», «жесток».

Успешный релиз кинолент в 1939 году прошел во многих странах Европы и Америки, а в обзоре иностранной печати советские картины «На границе», «Волочаевские дни» и «Если завтра война» получили высокую оценку ведущих зарубежных изданий: французской, нью-йоркской и голливудской прессы¹. Несмотря на это, с того же года производство фильмов о Японии в СССР на шесть лет полностью прекратилось. Причиной того, что в советском кинематографе отсутствовали фильмы о советско-японском противостоянии являлось, прежде всего, изменение геополитической обстановки в Европе и начало Второй мировой войны, а после заключения в апреле 1941 года Пакта и нейтралитете, объективное нежелание советского руководства ухудшать отношения с Японией напоминанием неудачных военных кампаний.

Только летом 1945 года, когда перед СССР и странами-союзницами встала задача устранить «последний очаг агрессии» на Дальнем Востоке, советский кинематограф вновь становится средством агитационно-пропагандистской политики против островного соседа. Обращение к уже «испытанным средствам» свидетельствовало о значимости кино для массового сознания, об актуальности затрагиваемых в нем сюжетов и идей. На сей раз, советское руководство поставило задачу снять документальную ленту о Стране восходящего солнца, причем, уже в самой Японии. И.Е. Хейфиц, ставший вместе с А.Г. Зархи, одним из двух режиссеров предстоящего фильма вспоминал о первых августовских днях 1945 года: «... работаем над сценарием «Во имя жизни». Неожиданный звонок Герасимова. Он, как директор студии кинохроники, предлагает нам возглавить группу кинооператоров и отправиться в Японию для съемок большого документального фильма о разгроме Японии. В ближайшие дни будет

¹ Советские оборонные фильмы за рубежом // Искусство кино. – № 8. – 1939. – С. 49-52, 61.

подписан акт о безоговорочной капитуляции, опоздать нельзя, это надо зафиксировать»¹.

Несмотря на то, что СССР шел на войну единым антифашистским фронтом, в состоянии полной боеготовности, И.Е. Хейфиц посчитал, что советскому зрителю опасно показать идиллическую Японию, чьей туристической рекламой станет Фудзияма, гейши, сакура, карликовые сады или бумажные фонарики. Отказавшись снимать видовой фильм, И.Е. Хейфиц и А.Г. Зархи поставили задачу показать населению СССР «другое лицо» Японии: «... Что же это за страна, которая десятилетиями готовила нашествие на нашу Родину, а ныне признала себя побежденной? Прекрасная красивая страна, прекрасный, трудолюбивый народ. Нам надо рассказать о нем. Но еще один лик мы должны увидеть – хищный. Раскрыть смысл разбойничьей философии, придуманной для доказательства божественного происхождения японской нации. Культ самурайства с его мистической моралью, школы, казармы, храмы. И, конечно же – быт, в котором причудливо сочетаются остатки феодальных отношений и американизированные нововведения. Задача нелегкая, но решить надо...»².

Документальная лента «Разгром Японии. 1945 год»³ создавалась на основе советской и японской хроники, имела четкую логику построения. Прежде всего, авторы фильма детально изучили процессы воспитания и образования будущего солдата японской армии и очевидные способы внедрения в массовое сознание японцев фашистской идеологии. Подробный анализ объективных причин агрессивной политики Японии в указанный период позволил создателям фильма вспомнить события русско-японского (советско-японского) противостояния в период 1904 – 1939 гг. Примечательно, что в фильм впервые были вмонтированы кадры хроники «маленькой победоносной войны» и дальневосточной интервенции, в

¹ Хейфиц И.Е. Пойдем в кино! – СПб., 1996. – С. 198.

Там же. – С. 205-206.

² Хейфиц И.Е. Указ. соч. – С. 200.

³ Советское кино в годы Великой Отечественной войны (1941- 1945). – М., 1999. – С. 17.

положительном ключе освещены подвиги жителей Порт-Артура, офицеров и матросов миноносца «Стерегающий», героическая деятельность красных партизан и трагическая судьба Сергея Лазо. Впервые демонстрировалась обстановка в «бутафорском Маньчжоу-Го» и результаты политики японского милитаризма: голодное порабощенное китайское население, разрушенные маньчжурские города, забитые «до отказа» тюрьмы, «процветающие» публичные дома. Вспоминая победную поступить советской армии в локальных конфликтах в конце 1930-х гг., убедительно доказывая желание японской военщины вступить в войну с СССР после падения Сталинграда, авторы фильма предприняли попытку убедить советского зрителя, что именно Япония готовилась в то время напасть на Советский Союз. Вторая половина картины всецело освещала советско-японскую кампанию в августе 1945 года, и, в частности, условия, в которых оказался советский солдат в Маньчжурии, где кадры труднопроходимой тайги Приморья и болотистой местности на востоке сменялись кадрами бездорожья Большого Хингана и пустынной местности на западе. Судя по всему, окончательно убедить советского зрителя в полной победе советской армии над «последним саттелитом Германии» позволили съемки радушного приема советских солдат освобожденными народами Китая и Кореи, пылающий и разрушенный Токио, арест императора Маньчжоу-Го Пу И, и, наконец, кадры от 3 сентября 1945 года, сделанные на борту линкора «Миссури».

Оказавшись свидетелем подписания пакта о капитуляции, И.Е. Хейфиц обратил внимание на последний «живой символ поверженной Японии»¹ хромого министра иностранных дел Японии Мамору Сигемицу: «... Он весь какой-то старомодный; его цилиндр, визитка и крахмальная манишка – все будто из костюмерной провинциальной оперетты... Интересно, о чем думает хромой министр-факельщик в эту бесконечно долгую минуту? Может быть, о том, как бессовестно соврал гороскоп, предвещавший победу? Или о том, как бесславно закончился военный поход японской армии по белым с солнцем

¹ Хейфиц И.Е. Указ. соч. – С. 203.

посредине знаменем?.. Не напрасно же он не раз, сложившись вдвое, как перочинный нож, кланялся этому знамени, обгабренному кровью Шанхая и Порт-Артура... Утирая белоснежным носовым платком пот, он снимает цилиндр, выдавший темную полосу на его желтом лбу, и так стоит, поправляя очки...»¹. Дав оценку происходящему на линкоре, И.Е. Хейфиц и А.Г. Зархи отразили в заключительных кадрах документальной ленты последний день Второй мировой войны. Примечательно, что именно Сигемицу стал объектом столь пристального внимания режиссера, по-видимому, олицетворявшего побежденный «образ врага» в советском кинематографе.

Советскому зрителю предлагали не только отечественную документалистику. Во второй половине 1930-х гг. стали очень популярными фильмы голландского режиссера Йориса Ивенса. В журнале «Искусство кино» советские кинокритики хвалили и рекомендовали его фильмы о войнах в Испании, Китае и др.² Положительные рецензии получали некоторые картины китайского производства зачастую с ярко выраженными антияпонскими мотивами, к примеру, фильм «Песня рыбака», где по сюжету нанятый в помощники к китайскому рыбопромышленнику японец обманом завладевает имуществом первого³.

В СССР рецензировались и зарубежные киноленты, которые получали немало и отрицательных отзывов, к примеру, фильм «Китай дает отпор» Гарри Донхема, который, по мнению советских экспертов, не сумел дать глубокого анализа происходящих событий в Китае в 1938 году: «События представлены очень поверхностно, как это свойственно американской хронике, часто рассчитывающей на вкусы среднего буржуа»⁴. Обстановка в Китае в работе Донхема была представлена кадрами с японской фабрики, где

¹ Хейфиц И.Е. Указ. соч. – С. 204.

² Фильмы Йориса Ивенса о войне в Китае // Искусство кино. – № 4. – 1939. – С. 61.

³ Рудман В. Кино в Китае // Там же. – Апр. – май. – 1938. – С. 79.

⁴ Копалин И. «Китай дает отпор» // Там же. – Апр. – май. – 1938. – С. 77.

малолетние китайки, судя по всему, проданные в рабство, размачивали коконы шелковичных червей.

На страницах журнала «Искусство кино» даже предлагался анализ сценариев антисоветских фильмов, такого как «Новая земля» совместного германско-японского производства, видимо, с целью демонстрации идейной солидарности «пресловутой оси» Берлин – Токио. Автор статьи Рудман В. заострил внимание читателей на разговоре главных героев картины (японского зажиточного крестьянина и немецкой корреспондентки), ведущих разговор о «северном ветре» [о СССР – *К.С.*], который беспокоит и Японию и Германию: «... Так передайте вашим друзьям, когда вернетесь на родину, что на Дальнем Востоке стоит на страже страна-скала, о которую разбиваются все ветры»¹.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. Советские фильмы о Японии в 1935 – 1945 гг. всегда сопутствовали внешнеполитическим событиям, происходящим в дальневосточном регионе, и создатели кинолент всегда делали недвусмысленные намеки советским зрителям об «угрозе с Востока». К слову, агитационно-пропагандистская политика в СССР, посредством печати, радио и кино, действовала единым фронтом. В репликах героев кинокартин, как и в журналах, газетах, проскальзывали уже известные в массовом сознании стереотипы о дальневосточном соседе: «Япония империалистическая», «японские интервенты», «японская военщина», «японские захватчики» и др. Находясь под патронажем государства, в советском предвоенном и военном кинематографе образ Японии как противника преимущественно изображался в контексте военного противостояния с СССР, причем, необходимо подчеркнуть, что подобное отношение никогда не распространялось на японский народ. Пытаясь абстрагироваться от «феодалных перегибов» в образе японцев, советские кинематографисты попытались создать сложный собирательный «образ врага», и прежде всего, японской военщины. В

¹ Рудман В. Кино в Китае // Искусство кино. – Апр. – май. – 1938. – С. 82.

обозначенный период советский кинематограф не только смог отразить происходящие на Востоке социально-политические изменения, но и сформировать стереотипы о них, а также внимание к ним советской аудитории¹.

В период военных столкновений с японцами информационное пространство СССР не ограничивалось исключительно официальными сообщениями. С одной стороны, жители Советского Союза в своем подавляющем большинстве демонстрировали единство мнений и настроений, с другой, неоднозначно относились к вступлению СССР в военные конфликты с Японией. Отсутствие понимания в необходимости данного политического решения соседствовало с беспокойством многих людей за своих родных и близких.

Однако, как отмечает профессор Н.Д. Козлов, повседневная военная действительность была многократно сложнее того «образа врага», который формировала пропаганда, нередко карикатурно, упрощенно изображая противника². В период Маньчжурской стратегической наступательной операции среди советских военнослужащих неоднозначно складывалось поведение и отношение к противнику: «Настроение у всех боевое. «Наконец-то, - говорят мои товарищи, - мы эту Квантунскую армию разнесем на куски!». Шапкозакидательство? Может быть. Надо поостеречься от такого отношения, война не будет легкой. С японцами, как учит история, шутить не приходится»³ - вспоминал журналист-международник А.М. Кривель. Согласно выводам историков Г.А. Ткачевой и А.А. Исаева, среди некоторых жителей Дальнего Востока в тот период ослабла бдительность и способность к мобилизации внимания к отпору врага. Из-за неизвестности и некоторой растерянности в начале войны распространялись всевозможные слухи и

¹ Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском предвоенном и военном кинематографе (1935 – 1945 гг.) // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2017. – № 8 (128). – С. 140-146.

² Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2008. – С. 221-265.

³ Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985. – С. 63.

пораженческие настроения, которые вносили неразбериху в общественное сознание, а немногие связывали решение своих бытовых проблем с изменением власти при помощи иностранной интервенции¹.

Уже после войны, многие фронтовики, участвовавшие в августе 1945 года в боях на Дальнем Востоке, оценивали японца как противника достаточно серьезного, воинственного, хорошо вооруженного и амунированного². Некоторые военнослужащие отмечали, что еще в период «дальневосточного затишья» готовились к войне с Японией, как и их островной сосед, усиливший в этот период северо-восток оккупированной Маньчжурии миллионным контингентом Квантунской армии³. В то же время упрощенное изображение врага в тылу советским агитпропом искажало реальные представления о нем на фронте. Пехотинец Филатов Г.К. вспоминал: «Больше всего запомнилось преодоление Хингана. Там ожидали пулю со всех сторон, а спрятаться было негде - помогали подниматься машинам. Боялись японских снайперов...»⁴. Из воспоминаний пехотинца Сапежникова А.А.: «А на то, что сделали японские фанатики с нашим захваченным госпиталем, нельзя было смотреть без содрогания. Возле сорванных палаток с красным крестом лежала замученная женщина - врач, капитан, с пучком соломы во вспоротом животе, кругом - окровавленные куски тел. Раненые были зверски изрублены, медперсонал с нечеловеческими

¹ Исаев А.А. Указ. соч. – С. 119-120.

Ткачева Г.А. Особенности общественного сознания дальневосточников (1941—1945 гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятое Крушановские чт. 2006 г.: в 2 т. – Владивосток, 2008. Т. 1. – С. 383.

Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, ДВО РАН. – Владивосток, 2010. – С. 207.

² Воспоминания Богодухова Н.Л. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/bogodukhov-nikolay-leontevich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

³ Воспоминания Вергун Ю.Г. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/letno-tekh-sostav/vergun-uriy-grigorevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

⁴ Воспоминания Филатова Г.К. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/filatov-georgiy-kuzmich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

издевательствами убит. Вся дивизия молча прошла мимо этого страшного места. Японцев настигли, в плен не брали»¹.

Маршал Мерецков К.А. указывал на тот факт, что во время войны с Японией техническое состояние японской армии стало намного лучше, чем в предыдущие годы. Если столкнувшись с советской армией на начальном этапе Второй мировой войны японская боевая техника была несовершенной (отсутствовали тяжелые танки, пистолеты-пулеметы, реактивная артиллерия, самолетный парк состоял из устаревших военных образцов, в войсках имелся ряд формирований, так называемых смертников, состоявших из наиболее фанатичных солдат и офицеров)², то к вооруженному противостоянию в августе 1945 года Япония предстала в полной боеготовности: стала использовать приспособленную к местным условиям боевую технику, располагала большими запасами боеприпасов и продовольствия, а также могла сражаться длительный период даже при нарушенной морской коммуникации, связывающей Маньчжурию с островной Японией³.

Таким образом, накануне и в период Второй мировой войны массовый охват советской аудитории, коллективный характер изготовления и тенденция отхода от искусства как досугового потребления выдвигают наглядную агитацию в лидеры в системе пропагандистских жанров⁴. Как отмечал советский искусствовед Сатирические плакаты военных лет зачастую выполнялись в традициях высмеивания врага путем его представления в неприглядном виде, психологическую заостренность которому добавлял лозунг, призывавший, в зависимости от ситуации, к многообразию национальных, исторических, гражданских и личностных чувств. Зачастую советские художники-плакатисты сочетали реалистичные

¹ Воспоминания Сапежникова А.А. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/sapezhnikov-aleksey-ananevich/>. Дата обращения: 26.01.2017.

² Бирюков А.Д. Воспоминания о далеком прошлом, еще не забытом. Кубань. Красные и белые. На войне с Германией. В Маньчжурском походе. – М., 2006. – С. 164.

³ Мерецков К.А. На службе народу. – М., 1988. – С. 405.

⁴ Николаева М.Ф. Указ. соч. – С. 132.

образы советских тружеников и военнослужащих и гротескные, гиперболизированные, карикатурные, но узнаваемые «образы врага»¹. Согласимся с выводами отечественных историков, что враг, показанный при помощи приемов сатиры, подавлялся присутствием реалистично подобранного «своего». «Образ врага» заполнял пространство карикатуры, что позволяло вызывать у читателя те или иные эмоции, которые было уже нельзя интерпретировать неверно. В период Маньчжурской стратегической наступательной операции наглядная агитация в центральной и региональной печати по тематике, композиции и образным решениям была практически идентична.

1.3. Формирование представлений о Японии и японцах посредством радиовещания и устной пропаганды

Особую роль накануне и в годы Второй мировой войны в формировании советского массового сознания сыграла устная пропаганда. Напряженная международная ситуация в преддверии войны и последующая непримиримая борьба с Германией обусловила необходимость непрерывной подготовки и повышения квалификации пропагандистов как на фронте, так и в тылу. В связи с возможным отсутствием радио и кино, перебоями печатания газет и других материалов, на агитаторов возлагалась большая ответственность по поддержанию морально-политического состояния советских солдат и тружеников тыла. Только за годы Великой Отечественной войны их было подготовлено около 240 тысяч человек².

В условиях нестабильной внешнеполитической обстановки, еще во второй половине 1930-х гг., отделы пропаганды и агитации старались оснастить соответствующими техническими средствами: звуковещательными станциями и аппаратурой, специальными

¹ Федосов Е.А., Конев К.А. Указ. соч. – С. 198.

² Кондакова Н. И. Война, государство, общество, 1941-1945. – М., 2002. – С. 123.

типографиями и рупорами. В рамках реализации целей устной пропаганды в годы войны была налажена учеба будущих агитаторов: проводился инструктаж молодых работников, в места боевых действий командировались высококвалифицированные пропагандисты, рецензировалась агитационная документация. К началу войны с Японией в 1945 году наиболее используемым видом устной агитации уже стали т.н. оперативные программы, содержавшие факты и события, связанные с боевой и оперативной обстановкой на фронте. Тысячи агитационных передач были проведены благодаря окопным громкоговорящим установкам, ставших ведущим средством устной пропаганды в военное время, несмотря на все трудности их передвижения¹.

Предавая большое значение вопросам патриотизма и мужества на фронте и в тылу, устная агитация периода советско-японских конфликтов конца 1930-х гг. и войны с Японией в августе 1945 года преимущественно была нацелена на определенную аудиторию². Для них организовывались просмотры документальных и художественных кинолент, а также выезды для организационной и методической помощи лекторским группам, устраивались выставки и беседы о бесчинствах агрессоров на оккупированных территориях³.

В годы Второй мировой войны посредством устной агитации предполагалось достигнуть как минимум две цели. Во-первых, объяснить советским военным служащим неблагоприятную ситуацию, в которой оказался противник, а, во-вторых, убедить солдат и офицеров в скорой победе. И в условиях военного времени устная пропаганда становилась самым оперативным средством распространения информации. Возросшая роль

¹ Мощанский И.Б. Информационная война: органы спецпропаганды Красной армии. – М., 2010. – С. 10.

² Кондакова Н. И. Указ. соч. – С. 86.

³ Исаев А.А. Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917 – 1960-е гг. XX века: сб. науч. ст. – Владивосток, 2005. Кн. 3. – С. 119.

командиров и политработников сводилась не только к разъяснению вопросов военно-патриотического воспитания, но и к ликвидации трусости, паникерства и «шапкозакидательских» настроений. Учитывая декабрьскую директиву Главного Политического Управления РККА 1941 года «О ликвидации запущенности в устной пропаганде и агитации», с новой силой возросла роль «живого слова» политработников Дальнего Востока. С самого начала пропагандистской работы против Японии ей был присущ классовый характер: на агитационных собраниях военную кампанию с Японией в большинстве случаев пропагандировали как войну против «правлящей клики Японии», «японской военщины».

Приморский край встал на военное положение еще 7 января 1938 года. Местным райисполкомам были поставлены следующие задачи: 1. утвердить правила поведения населения во время воздушного нападения и проведения мероприятий по привлечению населения к участию в противовоздушной обороне; 2. обязать всех руководителей учреждений, предприятий и организаций иметь, вывешенные в достаточном количестве, экземпляры правил поведения населения, движения транспорта, производства, торговли, работы учреждений и предприятий, учебных заведений и зрелищных предприятий при воздушных нападениях на видных местах, в рамках под стеклом каждого предприятия, кинотеатра, магазина в домах и на улицах¹.

В непосредственных местах боевых действий появилась необходимость кооптировать почти всех секретарей партийных организаций, а новых агитаторов объединить в коллективы. Ставилась задача с учетом достижений и ошибок предыдущей пропагандистской политики организовать политзанятия для начальствующего состава².

В период боевых действий работников клубов и домов РККА использовали абсолютно везде. Они могли быть как низовыми агитаторами, так и комиссарами по эвакуации раненых, исполняли обязанности

¹ ГАПК. Ф. П - 813. Оп. 6. Д. 77. – Л. 1, 2.

² Бои у Хасана: Партийно-политическая работа в боевой обстановке. – М., 1939. – С. 58.

организаторов похорон, создавали санитарные дружины и координировали деятельность комсомольской организации¹. Низовые агитаторы, беседчики и чтецы стали главным образом проводить индивидуальную работу с одним-двумя бойцами, разъясняли международную и внутреннюю обстановку, опасность грядущей войны и агрессивную политику японского империализма. Некоторые политработники вспоминали, что другой раз приходилось собираться прямо в окопах, во время боя, - призывали к победе, ободряли, сообщали новости².

Ежедневно в помощь пропагандисту выпускали боевые листки, порой написанные вручную³. В ходе боев у озера Хасан в одном из таких содержался призыв к боеготовности и классовой бдительности: «...Излюбленным методом японской армии являются ночные вылазки, чтоб измотать пр-ка [противника – К.С.] и напасть на него... Как никогда перед нами встает задача сбережения оружия, коня, техники, чтобы быть готовыми встретиться с врагом и уничтожить его»⁴.

Однако в связи с отсутствием в частях спецсредств пропаганды, значительную роль приобрела устная агитация. Многие военнослужащие отмечали, что лишились дивизионных газет, т.к. возвратили машины с редакцией и типографией к месту их расквартирования, поскольку полагали, что выпускать их им не разрешат. Хорошо оборудованные кинопередвижки не запускали вовсе, опасаясь во время боев демаскировки всей части. Поэтому нередко некоторые газеты, к примеру, как «Атака», выпущенная перед штурмом сопки Заозерная, создавались вручную. На тот момент в ней постарались отразить все имеющиеся стереотипы о Японии, главенствовавшие в официальной пропаганде: «Убрать фашистских гадов!», «Не бывать больше грязной самурайской ноге на прекрасной советской земле!», «Дадим врагу так, чтобы он помнил и больше свое свиное рыло не

¹ Янгузов З.Ш. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР. (1929-1938 гг.). – Благовещенск, 1970. – С. 216.

² Бои у Хасана... – М., 1939. – С. 105, 107.

³ Там же. – С. 65.

⁴ Там же. – С. 25, 301.

совал в наш советский огород!», «Мы не допустим фашистских наглых бандитов к нашему 170 миллионному народу!» и др¹. В некоторых боевых формированиях особой популярностью среди чтецов и беседчиков пользовалась газета «На защиту Родины», служившая материалом для политинформации².

Однако в конце июля – начале августа того же года, во время боев на озере Хасан, появилась особая потребность в устной пропаганде и в тылу с целью проведения массово-политической работы среди гражданского населения. 31 июля 1938 года на заседании бюро РК ВЛКСМ был разработан план мобилизационной готовности комсомольской организации, а именно: составили маршруты оповещения, установили дежурство комсомольцев на объектах учреждения. Была выделена группа агитаторов в составе 15 человек, закрепленная за определенными участками³, которые, свою очередь, за период с апреля по сентябрь 1938 года провели лекции и беседы на актуальные темы международной политики: «Внутренняя и внешняя политика фашистской Японии», «Внутренняя и внешняя политика Германии, Италии и Польши», «Английская политика попустительства агрессорам» и мн. др.⁴ На подобных мероприятиях организовывали коллективное чтение газетных сообщений о злодеяниях японцев в годы Дальневосточной интервенции, о зверствах японских военных на оккупированной территории соседней Маньчжурии.

Нерешенной проблемой, согласно протоколам заседаний бюро Уссурийского областного комитета ВКП (б), оставалось «кулачество», «белое движение» и «сектанты», которые позволяли себе высказывать следующее: «бросьте вы беспокоиться об уборке, все равно придет японец и все заберет», «началась война с японцами, скорее бы к нам пришли японцы,

¹ Бои у Хасана... – М., 1939. – С. 169.

² Там же. – С. 70, 126.

³ ГАПК. Ф. П - 89. Оп. 2. Д. 64. – Л. 22.

⁴ ГАПК. Ф. П - 6. Оп. 1. Д. 68. – Л. 144.

тогда бы стало жить лучше», «хотя бы скорее пришли японцы и освободили от нищеты»¹.

Таким образом, собирательный «образ врага» в советском массовом сознании на момент инцидента у озера Хасан был представлен не только «внешними врагами», но и «внутренними». Но официальные средства пропаганды и агитации делали акцент именно на Японии.

Поскольку организовать работу самодеятельных кружков, радио и кино было возможно лишь в дивизионных или корпусных тылах и весьма затруднительно в боевых условиях, агитаторы стали активно использовать газеты и книги. Тогда особой популярностью пользовались «Как закалялась сталь», «Поднятая целина», «Котовский», «Чапаев», «Спартак» и «Щорс». Внимательно следили за сообщениями ТАСС о встречах и беседах японского посла в СССР Сигемицу с наркомом иностранных дел Литвиновым². Порой в места боевых действий приезжали различные художественные коллективы, к примеру, ансамбль песни и пляски под управлением А.В. Александрова.

В период боев советские военнослужащие получали большое число подарков и писем³. Из письма рабочих и служащих Красноармейской МТС Хабаровского края: «Дорогие Товарищи!.. Зарвавшаяся японская военщина, пытающаяся втянуть Японию в войну с СССР, произвела подлое провокационное нападение на советскую территорию. Японские самураи получили сокрушительный отпор от доблестной Красной армии, оберегающей нерушимость границ Социалистического Отечества... Приложим все свои силы на успешное выполнение задач, поставленных перед нами партией и правительством, уборку урожая проведем в кратчайший срок и без потерь... Мы с великим восторгом и воодушевлением приняли предложение о посылке Вам, дорогие товарищи, подарков и от

¹ ГАПК. Ф. П - 85. Оп. 1. Д. 279. – Л. 87, 160, 173, 188, 256.

² Бои у Хасана... – М., 1939. – С. 59, 66.

³ Там же. – С. 134.

нашего коллектива мы посылаем Вам патефон, гармошку и другие подарки, чтобы Вы в свободное время культурно и весело отдыхали»¹.

Однако, несмотря на победу над японцами советских войск в первом дальневосточном конфликте, в период 1938 года в некоторых пограничных районах Приморского края члены бюро обкома могли констатировать «совершенно неудовлетворительное» состояние работы некоторых комсомольских организаций, что, по их мнению, было связано с отсутствием «необходимых практических мер» к ликвидации последствий вредительства в области мобилизационной готовности своих районов².

После конфликта с Японией, согласно очередному политдонесению, было принято решение не прекращать антияпонскую пропаганду, в связи с возможным повторением попыток «наглого вторжения» островного соседа. Предлагалось обратить внимание на приведение в порядок всех подразделений, наладить материальное обеспечение организациям, наградить отличившихся красноармейцев, в дальнейшем иметь в виду опыт подобной работы за прошедший период³.

На высшем партийном уровне комиссары и политработники, в свою очередь, получили следующие указания: распространить информацию о победе Красной Армии в боях у озера Хасан, больше принимать комсомольскую организацию и в партию, оказать помощь в отправке писем бойцов близким и родным, доукомплектовать политсостав частей, особенно молодежью, наладить ежедневный показ кинокартин и работу клубов, установить потери, сообщить семьям об убитых и раненых⁴.

Повсеместно в клубах Красной Армии в полной мере возобновилась красноармейская самодеятельность, вечера встреч, воспоминаний и

¹ Бои у Хасана... – М., 1939. – С. 68-69, 130-131, 190-191, 290.

² ГАПК. Ф. П – 3. Оп. 1. Д. 886. – Л. 9.

ГАПК. Ф. П – 85. Оп. 1. Д. 79. – Л. 32-33.

Там же. Д. 210. – Л. 119.

³ Бои у Хасана... – М., 1939. – С. 92, 97.

⁴ Там же. – С. 70, 102.

популяризация героев и т. д. В мирной обстановке появилась необходимость в подготовке низовых агитаторов, чтецов, книгонош и рассказчиков¹.

После боевых столкновений с японцами в конце 1930-х гг. отчеты о политико-просветительской работе среди местного населения представили и другие дальневосточные регионы. Международная обстановка в мире и место в ней СССР потеснила на второй план некогда популярную проблематику периода «культурной революции». В том числе, лекции и беседы на антирелигиозные темы или занятия по техническому образованию. Так, на Северном Сахалине в 1939 году доклады и беседы на вышеуказанные темы посетили в общей сложности 416 человек, в то время как лекции о международном и внутреннем положении СССР 3517 человек².

В 1940 году в постановлении бюро Сахалинского обкома ВКП (б) отмечалось качественное улучшение идейно-теоретического содержания проводимых лекций. В период с мая 1939 г. по май 1940 г. лекторской группой приморского обкома ВКП (б) было прочитано 689 лекций, на которых смогла побывать 61000 слушателей. 72 массовые лекции были прочитаны для «менее подготовленных» слушателей на различные темы, в том числе, о войнах «справедливых и несправедливых». Кроме того, 480 докладов о международном положении были заслушаны за отчетный период³. В Приморье работа Краевого Лекторского Бюро включала не только разработку тематических лекций, но также выезды в районы для организационной и методической помощи районным лекторским группам⁴.

Результатом формирования стереотипов о Японии и японцах накануне войны становились вопросы, задаваемые агитаторам после очередных политбесед и политинформаций. Так, к примеру, в январе 1941 года в редакцию журнала «Спутник агитатора» поступило письмо К.А. Гудок-Еремеева из г. Красный Луч (Донбасс), в котором был представлен перечень

¹ Бои у Хасана... – М., 1939. – С. 60.

² Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917-1941 гг.): Документы и материалы. – Владивосток, 1982. – С. 451.

³ Там же. – С. 461.

⁴ ГАПК. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 3. – Л. 95.

вопросов, в том числе, посвященных заключенному в 1936 году Антикоминтерновскому пакту: «Германия заключила договор с Японией и Италией, и не нападет ли Германия на СССР с запада, а Япония с востока весной 1941 года»¹. По словам автора письма, несмотря на то, что на многие вопросы он затруднялся ответить, все же ему удалось вывести слушателей рудоремонтного завода на откровенный разговор².

Уже в 1941 году, несмотря на начало Великой Отечественной войны, все еще большой популярностью у читателей Центральной библиотеки им. А.М. Горького во Владивостоке продолжали пользоваться карточки и альбомы, посвященные Китаю, Японии и Маньчжурии. Пользуясь ими, читатели, часто без помощи библиотекаря, могли подобрать для себя нужную литературу. Средняя посещаемость за день здесь могла достигать более 200 человек, а по итогам 1941 года библиотеку посетили около 68000 человек³. В этот период в библиотеках Приморского края на книжных выставках, в картотеках также была представлена международная тематика: «Япония», «Война на Тихом океане», «Герои боев на Хасане» и мн. др.⁴.

Массовая политико-воспитательная работа библиотек не ограничивалась только этим. Создавались плакаты «Если завтра война», «Знать и любить свою Родину»; изготавливались папки для газетных вырезок, в том числе, и по Японии⁵. Однако в годовых отчетах дальневосточных библиотек за 1943 год данная тематика уже не встречалась.

По мере улучшения качества устной пропаганды на заключительном этапе Великой Отечественной войны советский агитпроп, во многом отказавшийся от классовых принципов проведения войны, стал оперировать

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. – М., 2007. – С. 75.

² Там же. – С. 74-75.

³ ГАПК. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 70. – Л. 47, 47об.

⁴ Там же. – Л. 26.

⁵ Там же. Д. 3. – Л. 6-7.

национальными проблемами, затрагивая темы противоборства конкретных стран¹.

С началом войны с Японией в августе 1945 года в помощь политорганам фронтов в места боевых действий командировали оперативную группу 7-го управления Главного политического управления Красной армии. К началу августа советские войска были доукомплектованы спецсредствами для проведения пропаганды и агитации (мощными и окопными громкоговорящими установками, а также походными типографиями)².

К примеру, ленинградская аудитория, принимавшая участие в семинарах, была весьма внушительной. Даже после тяжелых блокадных дней с февраля по октябрь 1945 года в Василеостровском районе семинары были проведены для 270 агитаторов. На лекциях в Смольнинском районе города в 1945 году побывало около 14 тысяч человек³.

Приведенные материалы партийного архива ленинградского областного и городского комитетов ВКП (б) в большинстве случаев свидетельствуют о патриотических настроениях среди ленинградцев, выступавших на агитационных собраниях. Из выступления заместителя директора института истории ВКП (б): «Но пока существует фашистский агрессор. Мир не может быть спокоен. Сейчас мы можем выразить уверенность, что неминуем скорый разгром фашисткой Японии»⁴. На собраниях присутствовали даже участники Русско-японской войны. Один из них, рабочий Ленвинзавода Агафонов заявлял: «Я на себе испытал лютое зверство японских захватчиков, я видел огромные жертвы, которые японцы причинили в Порт-Артуре. Надо проучить этих хищников и положить конец их захватническим планам»⁵. Работники ночной смены 5-ой электростанции: «Наша Красная Армия уничтожила фашистского зверя в Европе, но еще жив зверь – союзник

¹ Мощанский И.Б. Указ. соч. – М., 2010. – С. 75.

² Там же. – С. 82.

³ ГАПК. Ф. Р-1027. Оп. 5. Д. 27. – Л. 8, 335.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 16.

⁵ Там же. – Л. 24.

Гитлеровской Германии – фашистская Япония, участь которой предрешена»¹.

Согласно отчетам отдела пропаганды и агитации о политико-массовой работе на предприятиях Москвы, подобные результаты умозаключений рабочих и служащих можно было наблюдать и в столице. Накануне Потсдамской конференции, в конце июля 1945 года, многих москвичей интересовала среди прочих вопросов и политика Советского Союза в отношении Японии². Агитатор и мастер Сысоев вспоминал: «Меня спрашивают - будет ли Черчилль на тройке. Недавно один рабочий говорит мне: «Много войска гонят на восток, и уже раненые с востока поступают. Откуда только народ берет. Думают, что на Берлинской конференции будут решать – воевать нам с Японией или нет»³.

Таким образом, в числе прочих факторов идейно-воспитательная работа политработников привела к многочисленным отказам дальневосточных военкоматов принять добровольцев на войну с Японией в августе 1945 года⁴. Для советских агитаторов Дальнего Востока работа по укреплению морального состояния местного населения, воспитания любви к Родине и ненависти к врагу, пожалуй, стала первым опытом военно-патриотического воспитания фронтовиков и тружеников тыла в преддверии Великой Отечественной войны. Ставшая штатной в этот период должность агитатора, предъявление соответствующих требований лицам ее занимающим, позволило в считанные дни начать «стандартную» работу в момент начала войны против Японии 9 августа 1945 года.

Не менее важную роль в формировании представлений о Японии и японцах имело советское радиовещание. Согласно постановлению СНК СССР от 31 января 1933 года «О Всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР» советское радио приобрело исключительное

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 27.

² Центральный государственный архив г. Москвы (далее ЦГА г. Москвы). Ф. 4. Оп. 39. Д. 82. – Л. 51-52.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 39. Д. 82. – Л. 52.

⁴ Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985. – С. 81.

значение для всех жителей СССР¹. В те годы задачи отраслевого ведомства сводились к организации, планированию и оперативному руководству всем радиовещанием в СССР, в том числе трансляционных низовых радиовещательных узлов в районных центрах, МТС и совхозах; к содействию развития радиосвязи, радиофикации и внедрению достижений радиотехники в важнейшие отрасли народного хозяйства и обороны СССР².

В предвоенные годы ежедневно радиопередачи слушали свыше 20 миллионов человек. Наряду с печатью в программах радиовещания особое внимание уделялось темам военно-патриотического воспитания, пропаганде марксистско-ленинской теории, укреплению обороноспособности страны³. По радио освещались не только текущие события, но и широко использовались материалы о героическом прошлом. Так, в условиях нестабильной международной обстановки в конце 1938 – начале 1939 гг., радиовещание подготовило для слушателей ряд специальных радиопостановок об Александре Невском, Куликовской битве, Иване Сусанине, Суворове и мн. др. В программу радиопередач системно включали песни и марши, классическую музыку, выступления художественной самодеятельности⁴. 22 февраля 1939 года Всесоюзное радио начало регулярно передавать «Военно-исторический календарь», а также репортажи из военно-исторических музеев и с мест исторических событий⁵.

С целью оперативного информирования отдаленных территорий СССР, в т.ч. Дальнего Востока, в 1939 году из Москвы стали передавать трех-, пятиминутные особые выпуски «Последних известий» с учетом поясной разницы во времени⁶. Согласно отчетам дальневосточных облисполкомов о работе радиокомитетов и состоянии радиофикации в конце 1930-х гг.

¹ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М., 1972. – С. 519.

² О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении... – С. 519-520.

³ Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. – М., 1972. – С. 216-217.

⁴ Там же. – С. 222-223.

⁵ Глейзер М.С. Радио и телевидение в СССР: Даты и факты (1917-1986) – М., 1989. – С. 55.

⁶ Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. – М., 1972. – С. 224.

радиотрансляция могла охватить даже самые удаленные районы. К примеру, в Приамурье за отчетный период сеть радиоузлов увеличилась: в МТС на 8, совхозах на 1 и в райцентрах на 4 единицы. С ростом их увеличения число радиотрансляционных точек с 1935 г. по 1939 г. возросло на 8690, в том числе в городах на 6461 и в сельской местности на 2229¹. На Камчатке к 1940 году были радиофицированы 11 райцентров из 15 возможных. В том же году количество радиоточек с 1937 года возросло с 3245 до 5387. Количество радиообслуживания возросло в четыре раза, а план по местному вещанию был выполнен на 110 процентов². Таким образом, накануне Великой Отечественной войны число радиоприемных точек по всему СССР уже составляло почти 7 миллионов штук, что позволяло обеспечить советское радиовещание многомиллионной аудиторией³.

События военного столкновения с японцами на озере Хасан в конце июля – начале августа 1938 года дополнили тематику военно-патриотических передач советского радио. Во время боев на озере Хасан и в последующие месяцы советское радиовещание рассказывало о мужестве и самоотверженности защитников дальневосточных границ⁴. Военные корреспонденты передавали текущую информацию о боевых действиях⁵.

В Приморье, годом позднее, Уссурийский радиокомитет объявил конкурс на лучшее литературное произведение, посвященное отпорным боям на озере Хасан. В результате в нем приняли участие не только трудящиеся Приморья, но и конкурсанты из других регионов СССР, прислав, в итоге, 116 произведений, в последствие собранных в один литературный сборник к годовщине событий на Хасане, растиражировав его в количестве 10 тысяч экземпляров⁶.

¹ Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917-1941 гг.)... – С. 445.

² Там же. – С. 460.

³ Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание: страницы истории. – М., 1976. – С. 153.

⁴ Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. – М., 1972. – С. 219.

⁵ Гуревич П.С., Ружников В.Н. Указ. соч. – М., 1976. – С. 159.

⁶ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 270. – Л. 48-49.

В сетке радиовещания появились литературные композиции – программы, построенные на литературном материале, объединенные сквозным конферансом ко всем передачам. Так, в частности, по центральному и местному радио в период с 1938 – 1940 гг. передавали радиокомпозицию «Хасановцы»¹. А в вышедшей в СССР в 1940 году передаче «Красная Армия – армия народных героев» содержались выступления, в т.ч. участников боев у озера Хасан².

Однако во время конфликта на реке Халкин-Гол, выяснилось, что японцы активно занимаются радиоразведкой и подслушивают переговоры. Тогда же было принято решение о дезинформации противника и разработке программ радио- и телефонных сообщений. Предусматривались проводить переговоры только на определенные темы, к примеру, о подготовке сбора урожая или строительстве оборонительных сооружений³. Впрочем, сообщения о необъявленном конфликте с японцами прозвучали по радио только 26 июня 1939 года: «ТАСС уполномочен заявить...»⁴.

С началом Великой Отечественной войны Всесоюзное радио начало регулярно передавать программу «Слушай, фронт!», в которую были включены различные статьи, заметки, интервью, выступления у микрофона и письма слушателей. В них стали рассказывать о положении в советском тылу, а в музыкальной части программы принимали участие профессиональные артисты⁵.

24 июня 1941 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли решение об организации Совинформбюро, сотрудникам которого вменили в обязанность освещать, в том числе и по радио, боевые действия как на советско-германском фронте, так и сводку о международных событиях⁶. В июле -

¹ Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. – М., 1972. – С. 234-235.

² Там же. – С. 229-230.

³ Мощанский И.Б. Указ. соч. – С. 264.

⁴ Шишов А.В. Россия и Япония: история военных конфликтов. – М., 2000. – С. 489.

⁵ Глейзер М.С. Указ. соч. – С. 58.

⁶ Там же.

августе Всесоюзное радио ввело ежедневные передачи «Письма на фронт» и «Письма с фронта», получив за время войны около двух миллионов писем¹.

В октябре того же года ЦК ВКП(б) постановил организовать на Дальнем Востоке радиовещание на английском и китайском языках о политической жизни в США, Японии и Китае в связи с эвакуацией в этот момент радиостанций из Москвы в восточные районы страны².

3 июня 1943 года ЦК ВКП (б) принял постановление о районном местном радиовещании. Всем районам, обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик предлагалось организовать передачу по радио, по телефонным проводам в сельсоветы и колхозы каждого очередного номера районной газеты не менее двух-трех раз в неделю. В дни, когда районная газета не выходила, надлежало использовать радио с целью передачи сообщений Совинформбюро, внутрисоюзную и международную информацию³.

8 августа 1945 года вечером по радио Москвы было передано заявление Советского Правительства о вступлении в войну с Японией. Для радиовещания и печати агитационных материалов на дальневосточных фронтах использовались стационарные базы в Хабаровске и Владивостоке⁴. В сообщении дублировалась информация с передовой страницы «Правды». Через два дня по тем же каналам анонсировали первую оперативную сводку с дальневосточных фронтов о пересечении советскими военнослужащими границы Маньчжурии и Приморья, в районах Хабаровска и Забайкалья⁵.

В эти дни в Приморском крае было принято ряд постановлений «об усилении революционной бдительности». Население стали ежедневно информировать о положении на фронте из сводок Совинформбюро, организовывать борьбу с паникерами и распространителями ложных слухов,

¹ Глейзер М.С. Указ. соч. – С. 58.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. – Л. 93.

Глейзер М.С. Указ. соч. – С. 59.

³ Глейзер М.С. Указ. соч. – С. 62.

⁴ Мощанский И.Б. Указ. соч. – С. 158.

⁵ Глейзер М.С. Указ. соч. – С. 65.

сообщая о них органам НКГБ и НКВД, устанавливали круглосуточное дежурство на всех радиотелефонных точках в целях обеспечения бесперебойной связи¹. Во многом, благодаря организованной массово-политической работе, объявление СССР войны Японии не стало неожиданностью для большинства дальневосточников и жителей Советского Союза в целом². Уже 3 сентября 1945 года в 21 час все радиостанции Советского Союза транслировали торжественный салют в честь победы над милитаристской Японией³.

Вдобавок Приморскому краевому радиокомитету принадлежало значительное место в музыкальном просвещении местного населения в годы военного лихолетья. В программах приморского музыкального вещания ведущее место уделялось просветительским радиопередачам. К примеру, в военное время очередной цикл передач «Песня о боевых походах» был посвящён подвигу и героизму советских солдат и способствовал развитию популярного на тот момент направления – военной музыки, в т.ч. красноармейского и краснофлотского марша и песни. Значительное место занимали специальные тематические концерты как, к примеру, «Песни Сталинской эпохи», «Советский Красный Флот», «Песни об армии и вождях». Ведущее место в репертуаре военной поры отводилось песне «Священная война», исполняемой Ансамблем песни и пляски Красной армии под руководством А.В. Александрова⁴.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны работе приморского музыкального радиовещания были присущи регулярность и

¹ ГАПК. Ф. П-436. Оп. 1. Д. 116. – Л. 63, 63об.

² Коршенко С.В. Япония в обыденном сознании дальневосточников в 1938 – 1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. - № 1(39). – 2017. С. 22-29.

Коршенко С.В. Настроения жителей Ленинграда в связи с объявлением советско-японской войны (август – сентябрь 1945 г.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Вып. 40. / отв. секр. И.Г. Оноприенко. – Белгород, 2016. – С. 167-172.

³ Глейзер М.С. Указ. соч. – С. 65.

⁴ Королева В.А. Музыканты Приморья в 1941-1945 гг. // Россия и АТР. – 2010. – №4. – С. 27-37.

продуманная программа музыкального репертуара, рассчитанного на разные возрастные категории населения, в т.ч. и детскую аудиторию. Появившаяся обратная связь с приморскими слушателями, на которых была направлена деятельность музыкального просвещения, позволяла оперативно реагировать на пожелания местных радиослушателей, грамотно развивать их предпочтения, среди которых постоянными были, прежде всего, военнослужащие-дальневосточники.

Сетка музыкального радиовещания включала программы сразу нескольких направлений, и ведущей, среди прочих, стала т.н. «Музыка о Великой Отечественной войне и героическом прошлом русского народа». С появлением в радиокомитетах записей литературно-музыкальных произведений и нотного материала о войне стали подготавливаться программы о защитниках Отечества, к примеру, «В бой, за Родину!», «О лётчиках», «Марш боевых походов». К микрофону нередко приглашались участники художественной самодеятельности РККА и РККФ с массовыми «мобилизующими» песнями о подвигах советских военнослужащих. Осуществив литературно-музыкальный монтаж в радиозфире опер «Иван Сусанин» М.И. Глинки, «Князь Игорь» А.П. Бородина, сотрудники приморского радио преследовали цель напомнить о героическом прошлом отечественной истории и внушить уверенность в будущей победе¹.

В этот период Приморский радиокомитет испытал определенные кадровые трудности, поскольку в связи с началом войны многие музыканты, в т.ч. и ведущие концертмейстеры, были призваны в ряды Красной Армии. С целью восполнить недостающее количество работников местного радио, решением данной проблемы послужила рассылка приглашений оркестрам и гастролировавшим в тот момент во Владивостоке художественным коллективам².

¹ Королева В.А. Музыканты Приморья в 1941-1945 гг. // Россия и АТР. – 2010. – №4. – С. 27-37.

² Там же. – С. 27-37.

В 1944 году в Доме Военно-морского флота с целью проведения просветительской работы среди военнослужащих-дальневосточников были образованы специальные выездные бригады. Ведущее место отводилось популярной на тот момент «Песне о трёх танкистах» из кинофильма «Трактористы», особое звучание которой придавал, прежде всего, региональный колорит¹.

Таким образом, устная пропаганда накануне и в годы войны занимала одно из ведущих мест в формировании представлений о Японии и японцах. Наряду с визуальными средствами пропаганды и агитации, уже в 1930-е годы советская власть определилась с устными средствами воздействия на массовое сознание. Так, во многом первоочередная задача пропагандистов, как на фронте, так и в тылу сводилась, прежде всего, к оперативному информированию бойцов или местного населения, в связи с периодическими перебоями или полным отсутствием других средств агитации: радио, кино и периодической печати. Их наличие в каждом воинском подразделении, на предприятиях и в учреждениях позволяло охватить наибольшее количество слушателей, снабдить аудиторию актуальной информацией и ответить на волновавшие жителей СССР вопросы. Тема Японии на политзанятиях за период с 1938 – 1945 гг. поднималась сравнительно редко, в период боев на Хасане и Маньчжурской наступательной операции в августе 1945 года. В этой связи значительная роль отводилась работе советского радиовещания, в программе которого, даже в период ослабления антияпонской пропаганды, встречались материалы, напоминавшие о восточном союзнике фашистской Германии.

¹ Королева В.А. Музыканты Приморья в 1941-1945 гг. // Россия и АТР. – 2010. – №4. – С. 35.

Глава 2. Результаты формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании

2.1. Представления о Японии и японцах в сознании военного и политического руководства Советского Союза

В период форсированной модернизации в СССР в начале 1930-х гг., одновременно нарастал кризис международной напряженности. В момент сопоставления себя с внешним миром одновременно происходил процесс самоидентификации СССР и идентификация соседних государств, в том числе Японии. На 1931 год проводившая агрессивную политику Япония имела на счету с Россией несколько военных столкновений по итогам первой четверти XX века, а также 3-й по величине флот в мире¹. В те годы советское население могло компенсировать недостаток информации о Японии за счет устоявшихся стереотипов, известных еще со времен русско-японской войны и дальневосточной интервенции.

После Маньчжурских событий на КВЖД осенью 1931 года последовала незамедлительная реакция советского руководства. В письме И.В. Сталина к В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу от 23 сентября 1931 года предлагалось: «Вероятнее всего, что интервенция Японии проводится по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае... Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое вмешательство сейчас не целесообразно, так как оно может объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»². В числе пособников японской интервенции в Китае назывались Лига Наций, «империалистические пацифисты Европы, Америки, Азии», а также некоторые милитаристские группы Китая; давались указания

¹ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 3. Д. 48. – С. 6.

² Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. – С. 116-117.

«Правде» оповестить население страны о планах западноевропейских держав и Японии поработить Китай, а «Известиям» вести ту же линию, но в более умеренном тоне¹.

Уже через два месяца, 27 ноября 1931 года, в письме к К.Е. Ворошилову И.В. Сталин предположил в ближайшей перспективе нападение Японии на советский Дальний Восток и Монголию в целях «уберечь Северный Китай от «большевистской заразы»», а также создание на этих территориях военной базы для грядущей войны с Америкой. Было предложено разработать план последовательных действий Советского Союза военного и невоенного характера, чтобы «kozyрнуть «нормальными» отношениями с Японией» перед другими странами².

Согласимся с выводами А.С. Ложкиной, что после инцидента на КВЖД, полученная информация из источников ОГПУ-НКВД изменила представления высшего политического руководства СССР о дальневосточном соседе, как о сильном геополитическом сопернике, имеющего план действий по завоеванию советского Дальнего Востока³.

В 1933 – 1934 гг., после арестов советских служащих на КВЖД, обстановка на Дальнем Востоке стала еще более напряженной. Об этом, в частности, свидетельствовал инцидент от 22 августа 1934 года в городе Харбин: «... конторщица материальной службы КВЖД тов. Головина была арестована и заключена в помещение жандармерии на Почтовой улице. Через некоторое время она была вызвана для допроса в другое помещение, где к ней были применены следующие бесчеловечные пытки: между пальцами рук ей были положены металлические бруски, причем пальцы связывались веревкой, которую сильно затягивали, так что Головина теряла сознание. Далее на допросах тов. Головиной избивали кулаками лицо и голову,

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. – С. 116-117.

² Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин и др. – М., 1999. – С. 161-163.

³ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. Ежегодник. – № 37. – 2008. – С. 259-284.

вырывали волосы и лили воду в рот и в нос. Все эти пытки производились японскими служащими... В настоящее время тов. Головина ввиду ее тяжелого состояния помещена при содействии генконсульства СССР в больницу... Советское Правительство ждет от Японского Правительства принятия решительных мер к прекращению всех указанных недопустимых действий...» - из письма Л.М. Кагановича, В.М. Молотова – И.В. Сталину от 1 сентября 1934 года¹. В очередном письме к Г.К. Орджоникидзе Л.М. Каганович заявил: «во всяком случае... нам нужно быть не только начеку, но и усиленно готовиться»². Последовавшее за этим увеличение дальневосточных группировки советских войск вблизи с границей Маньчжурии, создание военно-морских сил на Тихом океане свидетельствовало о готовности СССР дать отпор в случае возможной агрессии со стороны Японии³.

Одновременно с усилением обороноспособности Дальнего Востока советским руководством предпринимались попытки заключить Пакт о ненападении с островным соседом посредством лавирования внешней политики между Японией и Китаем с целью избежать в ближайшей перспективе конфронтации в этом регионе. Из письма И.В. Сталина к В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу от 20 июня 1932 года: «... Японцам нужна оговорка по пакту, чтобы люди не могли подумать, что они подписывают пакт под нашим давлением, продолжающимся более полугода. Если японцы действительно пойдут на пакт, то это, возможно, потому, что они хотят расстроить наши переговоры с китайцами о пакте, в который японцы, видимо, серьезно верят. Поэтому нам не следует обрывать переговоры с китайцами, а наоборот, надо их продолжить и затянуть, чтобы попугать

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. – С. 469-470.

² Сталин. Политбюро в 30-е годы. Сб. док. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 1995. – С. 136.

³ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. Ежегодник. – № 37. – 2008. – С. 265.

японцев перспективой нашего сближения с китайцами и тем самым заставить их поторопиться с подписанием пакта с СССР»¹.

Примечательно, но сами японцы были не против заключения Пакта о ненападении, об этом свидетельствует письмо И.В. Сталину от 19 июня 1932 года, где оговаривалось, что японская сторона готова заключить Пакт с Советским Союзом, с целью избежать претензии Китая. Но, сутки спустя, в очередном письме И.В. Сталину, Л.М. Каганович доложил об инциденте у берегов Камчатки, где японский пароход, шедший с советским грузом, потерпел крушение. Во избежание лишней паники охранник Гусаков ранил одного из членов экипажа зафрахтованного японского парохода. Японский консул в Петропавловске потребовал наказать стрелявшего и выплатить компенсацию пострадавшему за «материальные и душевные убытки». Советское Правительство выразило сожаление по поводу произошедшего инцидента, переговоры о заключении Пакта продолжились².

В условиях напряженной международной обстановки советское руководство использовало различные источники информации с целью обогащения представлений о Стране восходящего солнца. В частности, в те годы в личной библиотеке И.В. Сталина появилось три книги, в которых содержался подробный анализ различных аспектов жизни в Японии: внимание в них уделялось истории, традициям и особенностям повседневного быта японского народа, истокам и формам фашистских движений в Японии, давалась детальная характеристика военно-морских сил с учетом их угрозы для Советского Союза.

Первая книга английского профессора Т.О. Конроя «Японская угроза» 1934 года³, посвященная особенностям менталитета японцев в 1930-х гг. содержала пометки и комментарии И.В. Сталина, традиционно сделанные на полях красным карандашом. Уже в первой главе, посвященной японской

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. – С. 184.

² Там же. – С. 182-183.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 98.

психологии, руководителя советского государства возмущало расовое превосходство японцев и жестокие расправы над другими народами, дискриминация собственного населения и репрессии в отношении японских политзаключенных¹. Особое внимание обращалось на то обстоятельство, что японцы считают себя потомками богов, а другие народы они уподобляют животным: «Женщины на Западе носят меха потому, что они сами близки к животным, что носят шкуры своих близких на себе; животные – братья этих глупых иностранок»².

В главе о японской Конституции И.В. Сталин внимательно изучил состояние здоровья японского населения и уровень образования в условиях «интенсивной патриотической пропаганды»; обратился к проблеме налоговой политики японских властей и безработицы на периферии; к проблеме несоответствия статей Конституции с реальным ведением дел в стране: «... Несчастное население, потерявшее работу без всякой вины со своей стороны, оставлено на произвол судьбы - умирать с голоду или кончать жизнь самоубийством. Наши общественные места кишат нищими; многие падают в грязь на улицах и дорогах, истощенные голодом...»³. При исследовании шинтоизма, И.В. Сталин подчеркнул роль особую роль императора, представленного в книге «центральной фигурой шинто»: «Император – это божественная и неприкосновенная особа – предмет национального обожания и уважения... Он в то же время является предметом поклонения в различных церемониях как олицетворение всех божеств»⁴.

Изучив случай публичного избиения одного из учеников японской школы до состояния полусмерти, который выразил протест в школьном журнале о переброске японской армии в Сибирь, И.В. Сталин оставил комментарий, который в дальнейшем в книге будет встречаться все чаще:

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 98. – С. 14-34.

² Там же. – С. 19.

³ Там же. – С. 40.

⁴ Там же. – С. 50.

«Вот же сволочи!»¹. Подобные отзывы о японцах, наряду с такими, как «Вот мерзавцы!» или «Садизм» оставлены главой государства после прочтения раздела о положении японских детей и женщин, которых нередко в те годы продавали торговцам живым товаром или агентам публичных домов: «Япония считается раем для детей. Но здесь процветают скрытые от общественного контроля дома, где девочек воспитывают для того, чтобы они стали гейшами или зарегистрированными проститутками. Свыше 4 миллионов девочек моложе 15 лет занято в этой продуктивной отрасли национального труда»². И.В. Сталина особенно возмущало, что согласно японским законам суды не имели права вмешиваться в дела тех, кто продает своих детей в публичные дома, цирки и другие места; что мужчина имел право приводить в дом джоро (проститутку) или гейшу и развлекаться с ней в присутствии собственной жены: «... Во время его частых попок, девушка дрожала от страха, ибо в это время в нем разыгрывались его примитивные инстинкты, требовавшие во имя удовлетворения его чувственности проявлений поистине садистской жестокости»³.

Таким образом, судя по оставленным комментариям, Япония в представлениях И.В. Сталина ассоциировалась с патриархальным государством с полным набором неотживших средневековых традиций. Изучение некоторых аспектов повседневной жизни Страны восходящего солнца позволило спроецировать всю информацию на Советский Союз и сравнить две соседствующие державы. Стереотипы главы советского государства о дальневосточном соседе в дальнейшем отразились в массовом сознании советского народа.

Другая книга «Военно-фашистское движение в Японии» 1933 года⁴ была написана для ОКДВА⁵ и рекомендована для массового читателя. Из письма И.В. Сталина – Л.М. Кагановичу, В.М. Молотову от 21 октября 1933 года:

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 98. – С. 64.

² Там же. – С. 90.

³ Там же. – С. 85.

⁴ Там же. Д. 49.

⁵ ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия.

«Недавно вышла книжка «Военно-фашистское движение в Японии». Она выпущена для Дальвоста и только для избранных лиц. Почему такое ограничение? Эту брошюру надо издать открыто и для всех немедленно с предисловием и некоторыми исправлениями от Радека... Надо также напечатать в «Правде» «Путевые заметки по Японии и Корее» и вообще надо начать длительную, солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии...»¹.

Анализ пометок И.В. Сталина свидетельствует об интересе главы государства к обострению классовых противоречий внутри страны, связанных с Маньчжурскими событиями, а также к противоречиям в лагере господствующих классов, связанных с разделением общественного мнения о войне с Советским Союзом. Глава государства внимательно изучил доводы тех японских господствующих кругов, которые выступали за войну с СССР, старавшихся предотвратить «революционизирующее влияние» Советского Союза на Китай: «... Это влияние неизбежно, оно порождается самим фактом существования Советского Союза... Практически поэтому именно к войне против СССР и направлены основные военные приготовления Японии»². И.В. Сталин обратил внимание и на то обстоятельство, что японское законодательство совершенно освобождает армию и флот из под контроля и подчинения Правительству Японии³; изучил политическую программу японской военщины, в которой важнейшим противником Японии назывался Советский Союз⁴; акцентировал внимание на различных террористических организациях, появившихся после Маньчжурских событий и созданных без участия японской военной элиты. И.В. Сталин подробно изучил террористическое движение «крестьян-смертников», которые в свое время не

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. – С. 396.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 49. – С. 176.

³ Там же. – С. 182.

⁴ Для группы генерала Араки [военный деятель Японии - К.С.] в целях создания «Великой Японии» Манчжурия являлась первым звеном в цепи, следующими звеньями которой поэтапно становились Жехе и Чахар, затем Внешняя Монголия, Приморье, Амурская область, Забайкалье, «Сибирь». РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 49. – С. 204.

получили от Правительства Японии моратория по задолжности, а также субсидий на покупку сельскохозяйственных удобрений. Участники группы генерала Араки приступили к вербовке «крестьян-смертников», которым вбивали в голову, что единственными виновниками переживаемого деревней кризиса являются политические партии и стоящие за их спиной финансовые концерны. И для того, чтобы спасти деревню, нужно убить вождей этих партий и восстановить в «первоначальной чистоте» власть императора, который будет опираться только на армию и народ. В частности, в губернии Ибараки было создано 36 ячеек «крестьян-смертников» с 350 участниками¹.

Таким образом, именно японская военщина в представлениях советского руководства становилась «рассадником» реакционно-шовинистического и фашистского движения в Японии. В дальнейшем подобные стереотипы также укоренились в советском массовом сознании.

Еще одна книга «Военно-морские силы Японии» 1933 года², изданная Управлением Штаба РККА, особенно заинтересовала И.В. Сталина, поскольку почти каждая страница в ней содержала заметки, сделанные красным карандашом. И.В. Сталин уделил особое внимание организации японского командования на флоте, разграничению полномочий между высшим и младшим офицерским составом³; комплектованию и обучению рядового состава⁴; постройке и текущему состоянию подводных лодок, авианосцев, вспомогательных крейсеров⁵; наличию военно-морских баз на территории островной Японии и на Корейском полуострове⁶. Управление Штаба РККА высоко оценило готовность военно-морского флота Японии, и в условиях форсированной модернизации продолжило создание военно-морских сил на Дальнем Востоке, учитывая возможности и замыслы противника: «... В случае войны почти все они [японские корабли – *К.С.*], за

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 49. – С. 238-243.

² Там же. Д. 48.

³ Там же. – С. 17-30.

⁴ Там же. – С. 38-42.

⁵ Там же. – С. 70, 138.

⁶ Там же. – С. 106.

немногими исключениями, смогут вернуться в отечественные порты, примерно, через 6 – 7 дней после объявления войны или мобилизации... в отношении немедленного привлечения кораблей для десантных операций против Китая и СССР, и даже Филиппин, японское морское командование не встретит никаких затруднений»¹.

Более подробная информация о Японии, полученная в первой половине 1930-х гг. позволила советскому руководству определиться с направлением международной политики в отношении дальневосточного соседа. В условиях «осторожного» внешнеполитического курса с Японией, Советский Союз старался акцентировать внимание мировых держав на своей последовательной политике в разрешении насущных проблем, в частности, в сентябре 1934 года СССР вступил в Лигу Наций.

В эти же годы отправной точкой по созданию образа врага» в советском массовом сознании стало письмо главы советского государства к В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу от 21 октября 1933 года, в котором глава советского государства потребовал начать агитационно-пропагандистские мероприятия против Японии. Сам И.В. Сталин сконцентрировал внимание советских средств массовой информации на разграничении представлений о японской правящей элите и японском народе.

В 1933 – 1934 гг. проходили тяжелые переговоры о продаже КВЖД, И.В. Сталин отстаивая интересы СССР, предложил Л.М. Кагановичу не уступать в цене, а «на компанию японцев ответить контркомпанией в печати в духе того, что японцы не хотят покупать КВЖД, а хотят получить ее даром, либо захватить силой и объявить войну СССР, что японцы ведут агрессивную линию и ищут повода для войны и т.п.»². Уже в 1935 году с одновременным усилением обороноспособности Советского Союза наблюдалась эскалация напряженности в дальневосточном регионе. После продолжительных переговоров в марте 1935 года СССР уступил Маньчжоу-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 48. – С. 139.

² Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001. – С. 425-426.

Го КВЖД за 140 миллионов иен, что более чем в 4 раза меньше первоначально запрошенной Советским Союзом цены.

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. формирование представлений о Стране восходящего солнца в СССР носило сложный собирательный характер. В начале 1930-х гг. советское руководство использовало устоявшиеся стереотипы о Японии и японцах, известных еще со времен царской России. Целостные представления о Японии в сознании советского руководства формировались поэтапно и изменялись под воздействием внешних факторов. Согласимся с выводами А.С. Ложкиной¹, что 1-й этап формирования представлений (1931 – 1933 гг.) характеризовался накоплением информации, восприятием Японии как сильного военного соперника в дальневосточном регионе. На 2-м этапе (1933 – 1936 гг.) в процессе расширения представлений об островном соседе, информация о готовности японской армии вступить в войну с СССР, усиление позиций Советского Союза на международной арене, фокусировали внимание советского руководства на подписании Пакта о ненападении с Японией в ближайшей или долгосрочной перспективе. Учитывая исторический опыт взаимодействия двух стран и текущую международную обстановку, советским средствам массовой информации предстояло сформировать «образ врага» в советском массовом сознании. Негативные стереотипы о повседневной жизни в Японии, непонимание традиций и менталитета японского народа быстро укоренились².

На 3-м этапе, уже во второй половине 1930-х гг., в условиях заключенного Антикоминтерновского пакта, с началом «официальной» войны Японии с Китаем, в период локальных конфликтов между Японией и

¹ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. Ежегодник. – № 37. – 2008. – С. 282-283.

² Коршенко С.В. Повседневность и политика Японии в представлении советского руководства в первой половине 1930-х гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16 – 18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб., 2017. – С. 185-191.

СССР на Хасане и Халкин-Голе, после заключения советско-германского Пакта о ненападении, советское руководство, используя уже имеющиеся средства и способы формирования представлений об островном соседе, продолжило по намеченным с 1933 года ориентирам определять систему образов о Японии. Подобным в условиях военного времени занимались советские военачальники, пользовавшиеся непререкаемым авторитетом в обществе, и политические лидеры¹, официальная позиция которых получала широкое распространение среди населения: «Авторитет тем непререкаемее психологически, чем более соответствующее лицо фактически, социально несменяемо... Именно из-за несменяемости и незаменимости вытекает великая психологическая власть отца, матери»².

Г.К. Жукову довелось одному из первых сформировать представления о враге, будучи командиром 57 особого стрелкового корпуса Красной Армии. После «номон-ханского инцидента», в начале мая 1940 года, будущий Маршал Советского Союза проинформировал советское руководство о характерных для рядового японского солдата типичных характеристиках, в последствие укоренившихся в советском массовом сознании. Во-первых, комкор отметил фанатическое, упорное сопротивление японцев, в безвыходных ситуациях, не останавливавшихся перед «харакири», их хорошую подготовку, особенно в ближнем бою, во-вторых, отсутствие проблем с предателями, что во многом осложняло красноармейцам сбор сведений о противнике. Одновременно, Г.К. Жуков отмечал слабую подготовку японского офицерства, их склонность действовать по готовому шаблону, дал удовлетворительную оценку техническому состоянию японской армии в сравнении с более модернизированными образцами отечественной техники³.

¹ Вербицкий С.И. Формирование представлений о Японии в России и СССР // Япония: Ежегодник. – 1989. – С. 129-149.

² Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1979. – С. 167.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М., 2002. – С. 173, 183.

Свидетельства Г.К. Жукова совпадали с разведанными Штаба Тихоокеанского флота, согласно которым, уровень подготовки ВВС Японии, приобретенный во время войны с Китаем, соответствовал вызовам военного времени, а кадровый состав отвечал всем требованиям летной подготовки¹. Доклад также содержал информацию и о состоянии японской пропаганды, которая по свидетельствам Г.К. Жукова, искажала реальные факты «номонханского инцидента», а советскую армию изображала технически отсталой, проводила параллели с царской армией времен Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., для которой характерны «всевозможные пытки и истязания до полусмерти»².

Враждебность военной верхушки СССР к Японии появилась не вдруг и не случайно. Заключенный 25 ноября 1936 года Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией, а также развернувшаяся в июле 1937 года японо-китайская война ухудшили советско-японские отношения. Поэтому для Советского Союза стало принципиально важно выйти победителем в сражениях на Хасане и Халкин-Голе, взять реванш за проигранную Русско-японскую войну, а также события японской интервенции периода Гражданской войны³. После пограничных конфликтов с Японией нельзя было отрицать факта возможного нападения последней в ближайшей перспективе, а поэтому геополитические противоречия на Дальнем Востоке заставляли советское руководство искать пути решения данной проблемы.

Еще в марте 1939 года на XVIII съезде ВКП (б) И.В. Сталин подверг осуждению захват некоторых территорий Китая японскими войсками, пояснив вариант возможного столкновения СССР с Японией в недалеком

¹ ЦВМА МО РФ. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 259. – Л. 188.

² В этой связи, показателен пример с японским военнопленным, приведенным в один из дней августа 1939 года в наблюдательный пункт. Чтобы развязать ему язык, пока еще командующий округом, Г.К. Жуков приказал дать пленному полстакана водки. Советские солдаты были удивлены, когда японец попросил отпить первым товарища Жукова, посчитавший, что содержимое отравлено. Он обосновал это тем, что он единственный наследник отцовского галантерейного магазина, и последний наказал ему вернуться домой живым. Жуков Г.К. Указ. соч. – С. 174.

³ Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 2002. – С. 519.

будущем: «... войну нельзя скрыть никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами»... Война так и осталась войной, военный блок агрессоров – военным блоком, а агрессоры – агрессорами»¹. В октябре 1940 года И.В. Сталин отправил послание Чан Кайши, в котором говорилось, что заключение Тройственного союза ухудшит положение Китая и СССР на международной арене в ближайшее время².

Однако в советских средствах массовой информации публично признавалась нормализация международного сотрудничества с японцами после локальных конфликтов в конце 1930-х гг., о чем свидетельствовали выступления В.М. Молотова на заседаниях Верховного Совета СССР. Например, были достигнуты экономические соглашения по рыболовному вопросу, по уплате вноса Японией за Китайско-Восточную железную дорогу и уточнены территориальные границы в районе «номон-ханского инцидента»³.

Первым подобным дипломатическим шагом в сторону временного улучшения отношений в дальневосточном регионе стала встреча советского посла в Японии К.А. Сметанина с министром иностранных дел Мацуока у себя дома. Позже советский дипломат так вспоминал о приеме главы японского внешнеполитического ведомства накануне заключения советско-японского Пакта о нейтралитете: «Мацуока снова стал изливать «свою душу» в любви к России и русскому народу, подчеркнув при этом, что для него безразлично какая форма правления существует в России – царская или советская... он просто любит русский народ»⁴.

¹ В передовой статье «Тихоокеанской правды» за 9 августа 1945 г. сделана ссылка на выступление И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП (б), проходившим с 10 – 21 марта 1939 г. Японский агрессор будет разгромлен! // Тихоокеанская звезда. – 1945. – 9 авг. – С. 1.

² Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. – М., 2010. – С. 207.

³ О внешней политике Правительства (Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Наркомата Иностранных Дел товарища В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г.) // Военно-исторический журнал. – 1940. – № 3. – С. 3-14; ... (1 августа 1940 г.) // Там же. – 1940. – № 8. – С. 3-9.

⁴ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 – 1945 гг. – М., 1995. – С. 56-57.

Продемонстрировав свою мощь на Хасане и Халкин-Голе, Советский Союз дал понять Японии, что дальнейшая война будет для нее катастрофой. Потому, нельзя не согласиться с профессором Е.С. Сеньявской, что понимание данного факта оказалось для Японии основным препятствующим фактором в период Великой Отечественной войны¹. Заключенный Пакт о нейтралитете между Японией и СССР в апреле 1941 года завершил размещение сил на Дальнем Востоке и учитывал интересы обеих стран, так, Советский Союз избавлялся от войны на два фронта, а Япония, в свою очередь, приступила к реализации планов о «сфере сопроцветания в великой Восточной Азии».

После подписания Пакта о нейтралитете министр иностранных дел Японии Мацуока телеграфировал И.В. Сталину: «Я верю, что этот пакт окажется источником вдохновения для обеих наших наций, которая отныне будет характеризоваться взаимным доверием и дружбой»². Сам И.В. Сталин даже прибыл на Ярославский вокзал, чтобы проводить министра Мацуока. На данное событие обратили внимание все зарубежные средства массовой информации, поскольку еще никто не удостоивался подобной чести³.

По воспоминаниям К.А. Сметанина, в день нападения Германии на СССР, связанный с одной стороны Пактом о нейтралитете с СССР, а с другой Антикоминтерновским пактом и Тройственным договором с Германией и Италией, официальный Токио уклонился от прямого ответа, дословно заявив следующее: «...основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и Пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с Тройственным пактом, то Пакт о нейтралитете не будет иметь силы»⁴. На заседании Координационного совета,

¹ Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 295.

² Кривель А.М. Слышишь, Халкин-Гол! – М., 1998. – С. 93.

³ Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929 – 1948): историческое исследование. – М., 2005. – С. 243.

⁴ Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. – М., 2004. – С. 117.

Япония открыто поддержала Германию, уже 2 июля 1941 года на секретном совещании японского правительства в присутствии императора было принято решение основываться на духе «оси» трех держав, не вмешиваться и сохранять независимую позицию, секретно завершая военную подготовку против Советского Союза¹.

Действительно, согласно разведывательным данным, с 22 июня 1941 года, японское руководство стало реализовывать план очередных континентальных завоеваний. Осенью 1941 года на территорию Маньчжурии и Кореи японцы передислоцировали небывалое до этого количество войск². Противостояние СССР и Японии в последующие четыре года было сведено к бесконечным провокациям со стороны последней³. Целенаправленное утаивание советским правительством реальных событий на границе с Маньчжурией послужило началом т.н. «дальневосточному затишью», продлившемуся вплоть до Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 года.

Особое восприятие о Стране восходящего солнца сложилось у советских дипломатов, находившихся в Японии с 1939 – 1945 гг. Некоторые из них оставляли тщательные описания японского повседневного колорита в условиях военного времени. Так, в частности, прибывая в самом Токио или в провинциальных районах страны, они уделяли пристальное внимание условиям быта жителей всех сословий, особенностям национальной культуры, жизни в японской глубинке и на оккупированных территориях Китая, средствам массовой информации и мн. др.⁴

По воспоминаниям сотрудника советской дипломатической миссии М.И. Иванова, в условиях военного ритма жизни предусматривалось много работать и жить впроголодь. Японскому населению выдавали минимальный

¹ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М., 1987. – С. 445.

² ЦВМА МО РФ. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 259. – Л. 173, 175.

³ Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО Университета. – №4 (31). – 2013. – С. 165-176.

⁴ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне. 1941 – 1945 гг. – М., 2000. – С. 16.

«рисовый» паек в 150 – 200 г с примесью гаоляна, бобов, чумизы¹. Покрывая недостаток в жирах соевой и другими приправами, мясо, сахар и жиры не предназначались для выдачи, распределяясь в первую очередь по военным госпиталям.

В то время, когда во многих районах была отмечена цинга, а в ряде мест свирепствовала холера, японское правительство продолжало призывать население к выращиванию овощей, к т.н. «помощи трону» через сельское хозяйство². Данные дипломата о болезнях среди жителей Японии совпадали с советскими разведанными, согласно которым, к примеру, в поселениях острова Хоккайдо из-за большого скопления населения, широкое распространение получили холера, чума и проказа³.

Характеризуя японские средства массовой информации, М.И. Иванов отмечал, что японская печать официально признавала в развязывании Великой Отечественной войны не гитлеровскую Германию, а Советский Союз, освещение военной ситуации на фронтах советско-германской войны проводила в тенденциозно прогерманском тоне, параллельно рекламируя войну как «средство спасения нации», как «панацею от всех бед»⁴. В действительности, по словам М.И. Иванова, настроения японского народа были «скрыты мишурой показного благополучия». Большая часть японского населения не митинговала в поддержку войны, не принимала участия в демонстрациях и интеллигенция⁵. Иногда в Токио можно было увидеть, как многие японцы могли часами простаивать перед зданиями редакций, где на светлом табло сообщали о последних новостях с фронта⁶.

Сам менталитет японцев, их трудовой распорядок дня вызывал скрытое восхищение советской дипмиссии. Так, находясь в местечке Каруйдзава,

¹ Иванов М.И. Япония в годы войны (записки очевидца). – М., 1978. – С. 122-123.

² Там же.

³ В городах сильно свирепствовали такие болезни, как туберкулез, воспаление легких, рак, желудочные, корь и др. ЦВМА МО РФ. Д. 2450. Оп. 4. Д. 259. – Л. 41.

⁴ Иванов М.И. Указ. соч. М., 1978. – С. 42, 44, 135.

⁵ Там же. – С. 137.

⁶ Там же.

М.И. Иванов написал следующее: «Верные своим обычаям, японцы рано поднимались, в течение дня куда-то спешили, над чем-то хлопотали и только с наступлением вечерней темноты успокаивались»¹. Дипломат продолжал: «Мы поражались неугомонной энергии трудовых жителей городка, а что касается господ, они также не любили по-обломовски долго нежиться в постели, совершали предписанный врачами моцион и занимались приятными для них делами»².

Отношение к самим сотрудникам советского посольства в период войны более чем не соответствовало общепринятым нормам. В здании отсутствовало бомбоубежище, поставляемые продукты питания были низкого качества, которые иногда и вовсе не привозились. «Когда по токийским улицам проезжала дипломатическая машина с красным флажком на радиаторе, - вспоминал М.И. Иванов - японские солдаты, как по команде, демонстративно от нее отворачивались. То же самое они делали, проходя мимо советского посольства»³. Об этом знали и в СССР, поскольку, на заседании Верховного Совета еще в марте 1940 года В.М. Молотов уведомил о состоянии советского посольства в Токио⁴.

Таким образом, восприятие советских дипломатов в Японии строго разграничивало стереотипы собирательного «образа врага». Негативные представления складывались в отношении правящей военной элиты, нейтральные, а иногда положительные – в отношении трудящегося населения Японии, разделявшие вместе с ними тяготы повседневной обстановки в условиях войны.

¹ Иванов М.И. Указ. соч. – С. 176.

² Примечательно, что в условиях военного времени на памяти дипломата не было случаев грабежей среди мирного населения, редко можно было встретить город, где бы столь трепетно оберегали памятники культурного наследия. Иванов М.И. Указ. соч. – С. 176.

³ Иванов М.И. Указ. соч. – С. 51.

⁴ О внешней политике Правительства (Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров Комиссаров и Наркомата Иностранных Дел товарища В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г.) // Военно-исторический журнал. – 1940. – № 3. – С. 3-14.

Тем временем в преддверии подписания Пакта о нейтралитете 14 апреля 1942 года новый советский посол в Японии Я.А. Малик получил приглашение на обед к главе японского внешнеполитического ведомства в честь подписания будущего двухстороннего соглашения. На приеме также присутствовали представители Швеции, Франции, Афганистана, Турции, Ирана, Чили, Португалии и Аргентины. По мнению историка Б.Н. Славинского, наличие такого специально подобранного состава приглашенных было необходимо для того, чтобы убедить советскую сторону в нейтральной позиции Японии в решении геополитических вопросов¹.

В начале 1942 года Я.А. Малик телеграфировал в Москву информацию о недовольстве немцев действиями Японии, которая, пользуясь возможностью, расширяет свои территориальные владения и не проявляет большого энтузиазма в отношении реального сотрудничества со своими европейскими партнерами по агрессии, отделяясь лишь громкими фразами о «дружбе», «общности целей и сердечных отношений»².

Коренной перелом во Второй мировой войне и дальнейшие освободительные операции СССР повлияли на смену акцентов реализуемой Японией внешней политики. Официальный Токио вначале умолчал о победах советских войск на Волге, а вскоре и вовсе объявил трехдневный траур по погибшим немецким солдатам. С этого времени, как вспоминал А.Я. Малик, Япония всячески надеялась на возникновение противоречий между Советским Союзом, Англией и США, и больше всего боялась капитулировать перед странами-союзницами³.

С 1 апреля 1944 года в Японии началась всеобщая мобилизация населения. Согласно советским разведанным, работникам инженерно-технических учреждений надлежало оперативно пройти курсы подготовки с целью выполнения производственных заданий в военной промышленности. Тогда же была поставлена задача – приступить к военному обучению

¹ Славинский Б.Н. Указ. соч. – С. 157.

² Иванов М.И. Указ. соч. – С. 166.

³ Славинский Б.Н. Указ. соч. – С. 205.

молодежи для подготовки кадровых офицеров, а именно юношей 15 – 20 лет, уже имевших образование в объеме трех классов. Подготовленных офицеров было решено направлять в женские школы для обучения военному делу там¹. Военная обстановка внутри самой Японии еще больше обострилась осенью 1944 года, в связи с постоянными налетами американских ВВС на Токио. Советский дипломат М.И. Иванов вспоминал: «В воздухе стоял тошнотворный смрад. Обращаться к людям с вопросами было бессмысленно: обезумевшие от горя люди не были способны в те минуты контролировать поступки... По отзывам американской Комиссии стратегических бомбардировок, командование США придавало огромное значение массовым разрушениям японских городов и бомбардировкам мирного населения Японии, целью которого было подавление морального духа противника»².

В ноябре 1943 года на конференции в Тегеране главы СССР, США и Великобритании обсудили будущую военную кампанию в дальневосточном регионе. В свою очередь советская сторона согласилась вступить в войну с Японией только после разгрома фашистской Германии. Согласно секретному положению, уже на конференции в Ялте в феврале 1945 года Советский Союз подтвердил свое согласие вступить в войну с Японией при условии возвращения южного Сахалина и Курильских островов, аренды Порт-Артура и эксплуатации КВЖД³.

Согласно договоренностям с японской стороной, 5 апреля 1945 года советское правительство денонсировало в одностороннем порядке Пакт о нейтралитете, и по завершении Берлинской конференции очередной раз подтвердило вступление в войну с Японией⁴. Главнокомандующим

¹ ЦВМА МО РФ. Ф. 2451. Оп. 4. Д. 159. – Л.130, 306, 325.

² Иванов М.И. Указ. соч. – С. 172, 174.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Сб. док. Т. 4. – М., 1984. – С. 273-274.

⁴ Иванов М.И. Указ. соч. – С. 186.

Павлов А.А., Глебов В.П. и др. Дальневосточный финал. Историко-мемуарные и документальные материалы о разгроме империалистической Японии в 1945 г. – Самара, 2002. – С. 81.

дальневосточной группировкой советских войск был назначен Маршал А.М. Василевский.

Япония капитулировала спустя неделю после вступления в войну СССР. Но бои на Дальнем Востоке продолжались еще несколько недель. А.М. Василевский вспоминал: «...личный состав советских войск на Дальнем Востоке был полон стремления выступить против общего врага, уничтожить последний очаг Второй Мировой войны. Советские воины горели ненавистью к японским милитаристам»¹.

Анализ технического и кадровому состоянию японских войск еще в апреле 1945 года дал генерал армии С.М. Штеменко. Обобщив опыт исторического, вооруженного противостояния Японии с СССР, С.М. Штеменко пришел к выводу о привычке японцев нападать первыми, делая ставку на медленное наступление и робость врага. Впрочем, по утверждению советского военачальника, понимание японцами неизбежности войны с СССР после Коренного перелома во многом осложнило внезапное наступление Красной Армии². На тот момент Квантунская армия примерно насчитывала миллион человек, что было немногим меньше, чем советская дальневосточная группировка, тем более лучшей по оснащенности и боевой выучке личного состава³.

Во второй половине августа красноармейцы освободили некогда оккупированный японцами Харбин. С.М. Штеменко вспоминал, что в тот момент т.н. «распорядители Маньчжурии» были психологически надломлены, старались держаться покорно и униженно⁴. Присутствовавший на предъявлении ультиматума командующий 1-ым Дальневосточным фронтом К.А. Мерецков вспомнил после войны реакцию начальника штаба Квантунской группировки генерала Хата: «...Перед нами сидел бритоголовый человек с угрюмым взглядом. Ворот его рубашки был

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 2002. – С. 514.

² Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М., 1985. – С. 386, 387.

³ Там же. – С. 379.

⁴ Там же. – С. 519.

расстегнут, как будто ему было трудно дышать. Обрюзгшее лицо выражало усталость. Не о таком исходе событий он мечтал, конечно...»¹.

Социально-экономическое положение оккупированного Шанхая было не лучше, где с 1937 года управление городом было передано марионеточному китайскому правительству в связи с интернированием иностранных граждан². Жителей Шанхая принуждали высказываться только по-японски, не принимали на работу, ограничивали свободу передвижения и выбор места жительства.

В этой связи стереотипы советских дипломатов на уровне обыденного сознания совпадали с представлениями советских военачальников. При этом положительные и нейтральные стереотипы о японцах не изменялись, а в положении, в котором оказались жители Маньчжурии, обвинялась «японская правящая клика». В условиях оккупации северо-востока Китая в августе 1945 года, «образ врага» обогатился новыми представлениями, до этого не упомянутых советским военным руководством. Традиции и обычаи, манеры поведения и быт «восточного человека» значительно отличались от тех норм повседневности, к которым так привыкли читатели и слушатели Советского Союза. К примеру, в день капитуляции города Чанчуня 19 августа 1945 года С.М. Штеменко удивился следующему японскому обычаю: «... Дом, где расположился штаб полковника Артеменко, находился под охраной особого самурайского взвода. Но у входа встал часовым далеко не солдат, а совсем еще маленький внук командующего Квантунской армией. Как выяснилось позднее, по древнему японскому обычаю покой гостей оберегают самые близкие хозяину люди, и внук Ямады служил гарантией безопасности советских парламентариев...»³.

У многих советских военачальников сохранились воспоминания об императоре Маньчжоу-Го Пу И, который, согласно множеству свидетельств, в период капитуляции просил не выдавать его японцам, и, в свою очередь,

¹ Мерецков К.А. Указ. соч. – С. 424.

² ЦВМА МО РФ. Ф. 2451. Оп. 4. Д. 129. – Л. 8.

³ Штеменко С.М. Указ. соч. – С. 406.

отдал послание уполномоченному советской стороны, в котором выражал искреннее чувство благодарности главе советского государства и желал ему доброго здоровья¹.

Последовала незамедлительная реакция Кабинета Судзуки. Премьер-министр заявил о том, что вступление СССР в войну с Японией ставит последнюю в безвыходное положение и не оставляет надежд дальнейшему сопротивлению². Капитуляцию Японии подписали 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури». Специальные корреспонденты ТАСС Н. Богданов и И. Бочарников вспоминали: «Жалкий вид являет вся эта группа. Куда исчезли знаменитые японские улыбки?»³. По словам А.М. Кривеля, в тот день японцы по-разному отреагировали на капитуляцию, однако у большинства из них возник страх и неопределенность за будущее Японии: «... Их поведение в этих условиях может варьироваться от крайней апатии и физической протрации до безудержного неистовства, направленного против самих себя или любого объекта окружения»⁴.

Итак, стереотипы советского руководства в отношении Японии с начала 1930-х гг. становятся главенствующей в государстве накануне и в годы войны. Победы на Хасане и Халкин-Голе, и последовавшие после этого, публичные выступления политических лидеров взять реванш за поражение в Русско-японской войне и дальневосточную интервенцию, содействовали внедрению «образ врага» в советском массовом сознании. Даже подписав Пакт о нейтралитете в апреле 1941 года, который, безусловно, учитывал интересы обеих сторон, советское руководство не преследовало цели изменить систему стереотипов о дальневосточном соседе, а во многом отказалось от негативных коннотаций в средствах массовой информации на период войны. С начала 1930-х гг. советских лидеров регулярно информировали о внутреннем положении в Японии и на границах с СССР.

¹ Штеменко С.М. Указ. соч. – С. 406.

² Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985. – С. 124.

³ Богданов Н., Бочарников И. На борту линкора «Миссури» // Ленинградская правда. – 1945. – 3 сент. – С. 2.

⁴ Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985. – С. 137.

Отобранная информация попадала в газеты, освещалась на политсобраниях и на радио, посредством которых, уже формировались стереотипы о дальневосточном соседе в массовом сознании.

До Коренного перелома во Второй мировой войне, высшее руководство СССР, знало о наращивании военного потенциала Японии и было вынуждено держать вдоль дальневосточной границы в разное время от 15 до 30 % всего состава Красной Армии¹. В связи с вероятностью подобного столкновения после Великой Отечественной войны советское руководство дало обещание странам-союзникам вступить в войну с Японией после победы над фашистской Германией. Принимавший участие в работе Ялтинской конференции, бывший государственный секретарь США Стеттиниус писал, что перед Ялтинской конференцией американское военное руководство убеждало президента Ф. Рузвельта, что японцы смогут капитулировать спустя два года, а в результате затянувшейся войны это может стоить Америке миллионов солдат². Последовавший разгром во второй половине августа 1945 года Квантунской армии ознаменовал несостоятельность дальнейшего сопротивления Японии, поскольку была уничтожена основная ударная сила ее сухопутных войск. В тот момент советское военное руководство могло наблюдать за японским военным руководством в состоянии их психологической покорности, надломленности, и представления о них, сформированные сразу событий на Хасане и Халкин-Голе, были снова подкреплены³.

¹ Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО Университета. – М., 2013. – №4 (31). – С. 165.

² Василевский А.М. Указ. соч. – С. 500.

³ Коршенко С.В. Образ Японии в сознании военного и политического руководства СССР в годы Второй мировой войны // Великая Отечественная война – героические и трагические страницы в истории советского народа. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 14 – 15 июня 2016 г.: сб. статей / ред. кол.: В.А. Лабузов [и др.]. – Оренбург, 2016. – С. 185-189.

2.2. Образ Японии в сознании советских военнослужащих

В июле 1938 года Япония предъявила Советскому Союзу требование о выводе советских войск с территорий к западу от озера Хасан под предлогом выполнения «обязательств» перед Маньчжоу-Го. В конце месяца японские войска вторглись на советскую территорию с целью захвата стратегически важных высот (сопок Безымянная и Заозерная). Бои, которые длились с 29 июля по 11 августа 1938 года, закончились победой советских пограничных войск, несмотря на то, что со стороны Японии были задействованы 2 дивизии, пехотная бригада, отдельные танковые части и до 70 самолетов¹.

В условиях нерешенных территориальных вопросов в мае 1939 года японские войска вторглись в районе реки Халкин-Гол уже на территорию Монголии с целью установить контроль над территориями, граничащими с советским Забайкальем, в непосредственной близости к Транссибирской железнодорожной магистрали – единственному транспортному узлу, соединявшему советский Дальний Восток с европейской частью Советского Союза. Несмотря на то, что японцы вновь потерпели поражение от союзных советско-монгольских войск, конфликт на Халкин-Голе был намного масштабнее предыдущего и по продолжительности, и по числу потерь с обеих сторон².

В этот период образ японского военнослужащего только начинал складываться в сознании красноармейцев. Многие советские воины тогда впервые отметили яростное сопротивление японцев, не останавливавшихся перед «харакири» в случаях поражения, а также определили солидную подготовку японских солдат в ближнем бою³.

¹ Зиланов В.К., Кошкин А.А., Плотников А.Ю., Пономарев С.А. Русские Курилы: история и современность. Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. – М., 2015. – С. 95-96.

² Зиланов В.К., Кошкин А.А., Плотников А.Ю., Пономарев С.А. Русские Курилы... – С. 96-97.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М., 2002. – С. 173.

Индивидуальное восприятие о японских солдатах формировалось за счет личных наблюдений и переживаний красноармейцев, воевавших на Дальнем Востоке в конце 1930-х гг. К примеру, радисту Григорьеву В.В., еще до событий у озера Хасан, пришлось стать свидетелем, как японцы предприняли попытку отравить его целый гарнизон, поместив мышьяк в столовые котлы. К счастью рядового и младшего состава из-за малой дозы мышьяка большинство отделалось расстройством желудков¹.

Еще в 1934 году японская сторона попыталась заразить источники Сунгари, Суйфуны и Амура, скидывая в реки трупы солдат, погибших от тифа². О подобных диверсиях в 1938 году со стороны Японии знали немногие, они были не редки, японцы их проводили регулярно на границе с Маньчжурией³. В материалах средств массовой информации, посвященных дальневосточному соседу, стали появляться стереотипы, в дальнейшем, укоренившиеся в массовом сознании. В тот период на страницах советских газет японцев нередко называли «бандитами», «провокаторами» и «гадами».

С другой стороны, несмотря на все ужасы войны, иные стороны фронтового быта в сознании советских военнослужащих также не остались незамеченными. О них, в частности поделился К.М. Симонов, который, по воспоминаниям современников, лучше других осветил события на Халкин-Голе. Детально проанализировав все аспекты военно-полевой жизни, писатель, одним из первых дал оценку противнику на уровне индивидуального восприятия. Из путевых заметок К. Симонова об очередном этапе переговоров с японской стороной: «Основным переводчиком на переговорах стал японский майор со штабными аксельбантами: маленький, юркий, хихикающий, скалящий зубы, словом, совершенно похожий на тех японцев, каких любили изображать в кино наши актеры... Что же касается японских крестьян, то я, немного поживя в японской деревне, могу утверждать, что трудно представить себе более естественное, простое, без

¹ ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 207. – Л. 2.

² Там же. Д. 192. – Л. 1.

³ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 210. – Л. 72.

малейших элементов фальши человеческое поведение, чем у них. Но это, между прочим...»¹.

После локальных конфликтов в конце 1930-х гг., несмотря на заключение Пакта о нейтралитете, в период «дальневосточного затишья» провокационная деятельность со стороны Японии не прекращалась. Советской разведкой, начиная с 1941 года, было зафиксировано подтопление как минимум 18 советских кораблей и задержание с конфискацией груза 178 судов, отмечено 779 нарушений сухопутной границы и 433 случая вторжения в воздушное пространство СССР². Только в первые несколько месяцев, после заключения Пакта, в мае-июне 1941 года японские военные совершили 15 подобных нарушений³.

С учетом напряженной обстановки в тот период, мало кто среди дальневосточников мог исключить в планах кабинета Годзио нападение на СССР, которое, судя по имеющимся данным планировалось весной 1942 года, безусловно, под давлением Германии, но с учетом обстановки на советско-германском фронте⁴. Пехотинец Филатов Г.К. вспоминал, что несмотря на доминирующей боевой настрой, ожидания некоторых жителей Приморья граничили с паническими настроениями в разгар решающих сражений под Москвой⁵. Корреспондент ТАСС Владимиров П.П. отмечал, что если в марте 1942 года группировка японских войск на северо-востоке Китая увеличилась только на три дивизии⁶, то в мае она уже превышала тридцать, т.е. около миллиона солдат и офицеров. В данных подсчетах не учитывалась 250-тысячная армия Маньчжоу-Го, которая, по мнению журналиста, могла бы быть использована на дополнительных направлениях в войне против Советского Союза⁷. По воспоминаниям комиссара 35

¹ Симонов К.М. Далеко на Востоке: Халхин-гольские записи. – М., 1969.

² Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 317.

³ Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942 - 1945 гг. – М., 1973. – С. 67.

⁴ Владимиров П.П. Указ. соч. – С. 43.

⁵ Воспоминания Филатова Г.К. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/filatov-georgiy-kuzmich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

⁶ Владимиров П.П. Указ. соч. – С. 20.

⁷ Там же. – С. 33.

истребительного батальона Екатериничева А.И., всего на границах с Приморьем в период Великой Отечественной войны японское командование сосредоточило 17 дивизий, а на границах Дальнего Востока – 29¹. По мнению же большинства дальневосточников, японцы в 1942-м году ждали, когда падет Сталинград. Вот что рассказывал о тех днях ожидания зенитчик Осинцев Н.Н.: «... Противник подготовил в своем укрепрайоне страшные дзоты... Наши солдаты пели: «А не то святой микадо землю всю до Ленинграда, всю до Ленинграда заберет!»»².

Уже в 1943 году, после победы советских войск под Сталинградом, несмотря на то, что воинами-дальневосточниками повсеместно отмечалось снижение диверсионных вылазок со стороны Японии³, по разным подсчетам, подсчетам, было отмечено 144 случая нарушения советско-маньчжурской границы и 39 случаев обстрела советской территории⁴. Любопытная деталь, что японцы в этот период стали использовать т.н. «ходули», заматывая ими за собой следы. Многие советские солдаты прекрасно понимали, что будут иметь дело с заранее подготовленными профессионалами. Линию фронта в т.ч. поддерживали японские солдаты из числа резервистов. Для дальневосточников-сидельцев становилось более ясным положение дел на границе, а именно подготовка японцев к войне с Советским Союзом⁵.

Прохождение советских судов в период войны Японии с Англией и США также сопровождалось постоянными провокациями со стороны японцев, контролировавших выходы в Тихий океан. Гидроакустик Василий Воробьев стал очевидцем очередного досмотра советского каравана в проливе Лаперуза в декабре 1944 года, державшего курс на Камчатку:

¹ ГАПК. Ф. Р-1370. Оп. 5. Д. 5. – Л. 1-2.

² Воспоминания Осинцева Н.Н. URL: <http://iremember.ru/memoirs/zenitchiki/osintsev-nikolay-nikolaevich/>. Дата обращения: 22.01.2017.

³ Воспоминания Богодухова Н.Л. URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/bogodukhov-nikolay-leontevich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

Воспоминания Лештаева Ф.М. URL: <http://iremember.ru/memoirs/krasnoflotts/leshtaevefedor-mikhaevich/>. Дата обращения: 23.01.2017.

⁴ Калашников К.Ф. Право вести за собой. – М., 1981. – С. 201.

⁵ Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987. – С. 225.

«Досматривать суда японцы не стали, но у капитанов поинтересовались, что в трюмах. «Идем на Камчатку, везем муку, сахар и другие продукты питания», — ответили они. Только потом я осознал, какая опасность нам угрожала, узнай японцы об истинном грузе наших судов. Они легко могли отправить наш караван на дно. Японские подводные лодки сопровождали нас еще несколько дней, и мы не покидали трюмов»¹.

В одном интервью бывший летчик Василенко Ф.П., служивший в те годы во Владивостоке, после войны рассказал об одном случае с японским истребителем-разведчиком. Вражеский самолет, пролетая над городом, был ослеплен прожекторами, потерял ориентировку в пространстве и упал в воду. Этот случай, по мнению Ф.П. Василенко, однозначно доказывал желание японцев создать небольшой плацдарм для дальнейшего наступления, а затем расширить свою территорию, учитывая текущую обстановку².

Незадолго до победы на Германией Советский Союз 5 апреля 1945 года объявил о денонсации Пакта о нейтралитете, а уже 9 августа того же года вступил в войну с Японией³.

В послевоенном интервью В.М. Молотов припомнил послевоенную встречу с командующим 25-й армией 1-го Дальневосточного фронта генералом И.М. Чистяковым, который рассказал бывшему главе НКВД о беседе с главой государства на другой день после капитуляции Германии: «... Сталин вызвал Чистякова в ЦК. «Зачем я ему понадобился? – думал Иван Михайлович. — Только вчера все кончилось». Приехал.

– Вы Дальний Восток знаете?

Чистяков прекрасно понимал, что Сталину все про него известно.

– Знаю, товарищ Сталин.

¹ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 390.

Воспоминания Лештаева Ф.М. URL: <http://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsileshtaev-fedor-mikhailovich/>. Дата обращения: 23.01.2017.

² Воспоминания Василенко Ф.П. URL: <http://iremember.ru/memoirs/letchiki-bombardirov-vasilenko-fedor-pavlovich/>. Дата обращения: 23.01.2017.

Воспоминания Виноградова А.И. URL: <http://iremember.ru/memoirs/letchiki-bombardirov-vinogradov-aleksandr-ivanovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

³ Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987. – С. 224-225.

– Придется ехать с японцами воевать.

– А я-то думал, война кончилась, отвоевал.

– Ну что, пошлем туда другого генерала, – говорит Сталин, – который не знает условий Дальнего Востока, Маньчжурии, Японии, – он там дров наломает! Принимайте армию...»¹.

Известие о начавшейся войне не стало для многих военнослужащих неожиданным. Одни, к примеру, как летчик И.Т. Волынкин, полагали, что Япония начнет войну с СССР еще в 1941 году, и были уверены, что война с островным соседом долго не протянется, но последующие события убеждали в обратном². Другие, по их собственным убеждениям, «засиделись» в глубоком тылу и были готовы отправиться на советско-германский фронт. Из воспоминаний журналиста-международника А.М. Кривеля: «Нам было стыдно, что мы в такое тяжелое время не воюем с фашистами. По несколько раз почти каждый из нас писал заявление с просьбой отправить на Запад. Нам отвечали стандартно: «Понадобится – отправят»... Вот и 1945-ый. Война кончается, а мы все сидим в Забайкалье. Сопки осточертели...»³.

Радист В.Д. Успенский, служивший на сторожевом корабле «Вьюга» и участвовавший в освобождении городов Сейсин и Гензан вспоминал, что о войне с Японией никто из членов экипажа старался не говорить вслух в связи с отсутствием официальных заявлений, но считали ее неизбежной, поскольку сама логика событий заставляла делать такой вывод⁴. Более того, со слов В.Д. Успенского, многие его товарищи не только предполагали, что война будет, но и с нетерпением ждали ее начала, в том числе старослужащие, мечтавшие о скорейшей демобилизации и возвращении домой⁵. К таким же умозаключениям пришел и командир танковой роты А. Фадин. По его

¹ Чуев Ф.И. Полудержавный властелин. – М., 1999. – С. 71-72.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. – М., 1982. – С. 190-191.

² Волынкин И.Т. Над пятью морями. – М., 1964. – С. 7.

³ Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985. – С. 81.

⁴ Успенский В.Д. Глазами матроса. – М., 1964. – С. 11.

⁵ Там же.

словам, вывод тогда напрашивался сам собой, что грядущий конфликт будет скоро, но никто не говорил об этом во всеуслышание¹.

Некоторые военнослужащие задумывались о характере и продолжительности грядущего противостояния с японцами: «... Гадали, какая предстоит война: большая или малая, длительная или короткая? Сошлись на том, что мы их, самурайских гадов, в порошок сотрем недели за четыре – то есть почти угадали. Но я, помню, подумал (да и не только я, наверно): до чего же обидно будет, уцелев на большой войне, погибнуть на малой»².

Таким образом, некоторых советских военнослужащих новость о войне с Японией не застала врасплох, некоторых застала сразу после дня Победы³. Были и такие, у кого приближающаяся война вызывала «шапкозакидательские настроения»⁴, Япония, после поражений на Хасане и Халкин-Голе, и тем более, после победы над Германией, не воспринималась как враг опасный, что, по мнению профессора Сенявской Е.С., послужило фактором лишних жертв в рядах Красной Армии.

Просьбы дальневосточников о добровольном зачислении в ряды Красной Армии преимущественно удовлетворялись, но, в то же время, обычной практикой в эти дни стало и получение отказов с формулировкой о том, что сил на фронте и так хватает⁵. Из писем работников Дальзавода⁶: «Прошу, товарищ комиссар, зачислить меня в ту часть, которая стоит в самом тревожном участке» - писал электромастер завода им. К.Е. Ворошилова Могилев.

¹ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 301.

² Там же. – С. 322-323.

³ Там же. – С. 355.

⁴ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 322-323.

Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО Университета. – № 4 (31). – 2013. – С. 167.

⁵ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 312.

⁶ Илюшина С.С., Слободенюк Л.П. Дальзаводцы (1887 – 1987). – Владивосток, 1987. – С. 129.

В один из районов Приморья в первый день войны поступило 260 писем с просьбой о зачислении в армию, 150 из которых принадлежали женщинам: «Просим Вас зачислить нас в действующую армию, чтобы непосредственно иметь дело с японским агрессором. С военным делом мы знакомы хорошо... Мы по специальности радисты, учились 2 года. Хорошо знакомы с военно-морским флотом, т.к. учеба наша в основном проходила на военных кораблях...»¹.

Судя по всему, лишь для немногих красноармейцев новость о войне стала действительно неожиданной². Из воспоминаний сотрудника дивизионной газеты О. Смирнова, отправившегося из Кёнигсберга сразу на дальневосточный фронт: «Когда пересекли советскую границу, нам объявили, что направляемся мы вовсе не домой, а на Дальний Восток – воевать с Японией. Конечный пункт маршрута не уточнялся из соображений секретности»³.

Для сахалинцев, проживавших на севере острова, грядущая война была тем более актуальной. Сахалинский военный журналист А.Н. Рыжков после войны воспроизвел разговор с библиотекарем Дома Красной Армии, ефрейтором Д. Палтусовым в преддверии Победы над Германией, в котором последний с желанием заявлял, что хоть сейчас готов разгромить империалистов с Дальнего Востока⁴.

К августу 1945 года из Германии на Дальний Восток были переброшены стрелковые части, солдаты которых называли себя «бойцами Рокоссовского», что для местных военных, очевидно, служило доказательством начала войны с Японией⁵. Бойцам, воевавшим на советско-германском фронте, было приказано снять имеющиеся медали, а всю технику перекрасить в целях

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. – Л. 42.

² Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 321.

³ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 321.

⁴ Рыжков А.Н. Бои за родные острова. Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. – Южно-Сахалинск, 1980. – С. 14.

⁵ Воспоминания Герасимова Г.Г. URL: <http://iremember.ru/memoirs/krasnoflotts/gerasimov-gennadiy-gavrilovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

сокрытия от японцев патриотических лозунгов Великой Отечественной войны¹. В Приморье, еще 1 августа 1945 года, когда о войне еще не было объявлено официально, начальнику управления контрразведки «Смерш» приморской группы войск поступило распоряжение ввести проверку документов как у военных, так и гражданских лиц в целях облегчения борьбы со шпионами, диверсантами и другими пособниками врага².

Примечательно, что к началу дальневосточной кампании 1945 года технические показатели японской армии стали намного лучше, чем в предыдущие годы. Если столкнувшись с советской армией на Хасане и Халкин-Голе состояние боевой техники было несовершенным³, то к вооруженному противостоянию в августе 1945 года Япония предстала в полной боеготовности, а именно, стала использовать приспособленную к местным условиям боевую технику, располагала большими запасами боеприпасов и продовольствия, а также могла сражаться длительный период даже при нарушенной морской коммуникации, связывающей Маньчжурию с островной Японией⁴. За лето 1945 года Квантунская армия удвоила свои силы. В результате к началу августа общая численность ее стратегической группировки превышала 1 миллион человек с 1215 танками, 6640 орудиями и минометами, 1907 боевыми самолетами. В Маньчжурии и Корее японцы сосредоточили две трети своих танков, половину артиллерии, где также предусматривалось использование войск местных правителей, жандармских, полицейских и железнодорожных военизированных формирований, вооруженных отрядов резервистов из числа японских переселенцев⁵.

Дальневосточный контингент советских войск к началу Маньчжурской стратегической наступательной операции делился представлял два основных формирования: военнослужащие, воевавшие на советско-германском фронте, и «дальневосточники-сидельцы» - группа войск, находившаяся на границе с

¹ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 378.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 61. – Л. 116.

³ Бирюков А.Д. Указ. соч. – С. 164.

⁴ Мерецков К.А. Указ. соч. – С. 405.

⁵ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 44.

Маньчжурией в годы Второй мировой войны в случае вторжения островного соседа¹.

В августе для капитанов, помполитов, секретарей парторганизаций и агитаторов были прочитаны лекции по темам: «Текущий момент и наши задачи», «Государственное устройство Японии», «Идеологическая обработка японского населения и армии», «История захватнических войн Японии». Агитаторы в свою очередь проводили беседы с местным населением на темы: «Японский агрессор будет разгромлен», «Как погиб Сергей Лазо», «Будь бдителен, храни военную и государственную тайну», вспомнили подвиги команд крейсера «Варяг» и миноносца «Стерегущий»².

По словам, главы политического управления 1-го Дальневосточного фронта Калашникова К.Ф., морально-политическая подготовка военнослужащих проходила давно «проверенными» способами, агитацию развешивали возле телефонов, в клубах и землянках. Печатали массовым тиражом повести о событиях русско-японской войны, в частности, популярную тогда повесть А.Н. Степанова «Трагедия в Чемульпо», брошюры с отрывками из его романа «Порт-Артур», брошюры, посвященные боям на Волхове, «За родной Север» и др., издавали плакаты про японские танки, самолеты и артиллерию, карты Маньчжурии, Японии и Кореи, пользовались не менее известными: «Болтун — находка для шпиона» и др., выпускали памятки об особенностях природно-климатических условий Дальнего Востока для военнослужащих всех родов войск, используя опыт Великой Отечественной войны³.

В политдонесениях о настроениях советских военнослужащих сообщалось: «Мы одобряем мудрую политику Советского правительства. Японский агрессор будет полностью разгромлен объединенными усилиями Советского Союза, Англии, Америки и Китая. Народы Востока будут

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 50.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. – Л. 254-255.

³ Калашников К.Ф. Право вести за собой. – М., 1981. – С. 208-209.

спасены от ига японских империалистов, и недалек тот день, когда восторжествует мир во всем мире»¹. «Не может быть мирной и спокойной жизни и нашего народа, когда соседом является такой злобный и коварный враг, как фашистская Япония»². Но отмечалось присутствие несвоевременных «демобилизационные» настроений, что сразу же фиксировалось, проводилась разъяснительная работа³.

Прибывшие с советско-германского фронта военнослужащие перенимали у дальневосточников в опыт ориентирования в местных условиях⁴. Наблюдение приходилось проходить преимущественно по солнцу, азимуту и звездам, поскольку в Монголии отсутствовали какие-либо другие ориентиры⁵. Солдаты-дальневосточники, не имея большой боевой опыт, все же были лучше проинформированы о реальных силах Японии и нередко становились свидетелями периодических провокаций противника.

В условиях 35 – 40-градусного «пекла», у солдат Забайкальского фронта фиксировались случаи тепловых ударов и встреч с миражами⁶. Сотрудник дивизионной газеты О. Смирнов вспоминал, что стояла «адская жара», около 40 градусов. На каждый день на одного солдата приходилась только одна фляга воды. Во время остановок от земли шел такой жар, что даже не помогали гимнастерки. На пути к Большому Хингану попадалась только соленая вода⁷.

Красноармейцы боролись не только с жарой, но и с проблемой нехватки воды, однако понимали, что чем чаще берутся за флягу, тем сильнее будет жажда. Ситуацию осложняло и то обстоятельство, что японцы «предусмотрительно» отравляли все колодцы по пути продвижения

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. – Л. 252.

² Там же. – Л. 253.

³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. – Л. 256.

⁴ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 300.

⁵ Там же.

⁶ Воспоминания Рудягина П.Т. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/rudyagin-petr-timofeevich/>. Дата обращения: 24. 01.2017.

⁷ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 324.

Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987. – С. 228.

советских войск. Ко всему прочему, ключевой запас воды зачастую предназначался в первую очередь для техники, из-за того, что в машинах перегревались моторы, а в радиаторах бурлил кипяток¹. Полковник И.В. Коппалов писал, что прибывших фронтовиков, прежде всего, учили как организовывать водоснабжение, как сохранить питьевую воду в деревянных цистернах, в которых вода сохранялась пригодной к употреблению в течение длительного времени².

Мелкий дождь немного прибывал «удушливую» пыль и охлаждал «обжигающую» броню, но сменялся «изматывающей» духотой, создавая серьезные препятствия для военной техники в виде переполненных рек и непроходимых солончаковых участков³. Многие военнослужащие после войны утверждали, что их главным врагом в тот период были не столько японские войска, сколько «природа Большого Хингана»⁴. Кавалерист М. Плетнев рассказывал о т.н. противнике номер три. Так солдаты, воевавшие в Маньчжурии образно стали называть пустыню Гоби, о которой у многих красноармейцев сохранились воспоминания. Преодоление бескрайней, в прямом смысле слова, пустыни, стало главным испытанием для многих советских солдат, так и не вступивших в открытое столкновение с японцами⁵. японцами⁵.

По воспоминаниям очевидцев тех событий, японский военный показался очень серьезным противником, пусть и небольшого, т.н. «ущербного» роста, но «вертким» и «шустрым», хорошо аммунированным и упитанным⁶, позаимствовав «все лучшее» у немцев и финнов, «самураи» были хорошо

¹ Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. – М., 1969. – С. 172.

² В то время как в металлической таре быстро портилась, и солдаты получали желудочно-кишечные заболевания. Павлов, А.А., Глебов, В.П. и др. Дальневосточный финал: историко-мемуарные и документальные материалы о разгроме империалистической Японии в 1945 г. – Самара, 2002. – С. 211.

³ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 303.

⁴ Там же. – С. 339.

⁵ Там же. – С. 365-366.

⁶ Воспоминания Богодухова Н.Л. URL:

<http://iremember.ru/memoirs/voditeli/bogodukhov-nikolay-leontevich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

подготовлены к войне с Советским Союзом¹. Японские солдаты были вооружены, в основном, винтовками (по мнению советских воинов, идеальными для безупречной стрельбы), рядовые кавалеристы саблями², отмечалось отсутствие в рядах императорской армии автоматов и пулеметов³.

Советские военнослужащие замечали неплохую подготовку японских снайперов и их отличную маскировку, что не позволяло сразу распознать японцев в тяжелых условиях. Особую опасность представляли т.н. «кукушки», целью которых были «красные командиры»⁴. Каждый из них носил особенный прорезиненный с проволочными нитями пояс, за который крепилась веревка: «... И как только наши воины, заметив «кукушку», вскинут автоматы, японец камнем падет с дерева, дергает за петлю веревки и скрывается в чаще...»⁵. Среди них было много женщин, как, к примеру, на границе с Маньчжурией, где из 31 пойманного снайпера было семь японок: «... когда её схватили, то допросили, почему она именно его застрелила [командира взвода – *К.С.*], она ответила, что он первый рот открыл... когда ему [помощнику командира взвода – *К.С.*] предлагали отправить её в Советский Союз, обучать снайперскому делу, он ответил, что его сердце не выдержало бы за смерть командира и солдат. Она наверняка многих наших солдат застрелила...»⁶.

Генерал-полковник Плиев И.А., командовавший летом 1945 года Конно-механизированной группой советско-монгольских войск во время боев в Маньчжурии, еще до вступления в войну был убежден, что японцы так

¹ Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 32, 43.

² Воспоминания Михлина П.И. URL:

<http://iremember.ru/memoirs/krasnoflotts/mikhlin-petr-isaakovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

³ Воспоминания Кирдянова И.В. URL:

<http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/kirdyanov-ivan-vasilevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

⁴ Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987. – С. 231.

⁵ Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 27.

⁶ Воспоминания Филатова Г.К. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/filatov-georgiy-georgiy-kuzmich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

просто не сдадутся. По его собственному убеждению, японцы были прекрасно подготовлены для боев в любых условиях, приучены к тяготам походно-боевой жизни, совершая 30 – 40-километровые переходы при скромном режиме питания, солдаты прошли основательную идеологическую обработку, готовые к самопожертвованию ради исполнения воинского долга: «... С детства им прививали мысль об исключительности японской нации. В стране Восходящего Солнца махровым цветком расцветал культ «божественного» Микадо. Смерть за Микадо на поле боя возводилась в высшую доблесть для самурая. Все это, естественно, порождало фанатизм. Из опыта Второй мировой войны нам было известно, что японские войска дрались стойко и, как правило, в плен не сдавались... Им внушали мысль, что для военного нет более почетной и счастливой судьбы, чем умереть за императора на поле боя, что погибшему на войне обеспечена не только слава у потомков, но и «место в раю»... »¹.

В период войны с Китаем и на Тихом океане обработкой солдат японской армии занимались так называемые «комиссии по морально-политическому воспитанию»: проводили беседы о воинской нравственности и дисциплине, говорили о международной обстановке, и месте Японии в ней и др.² Но большинство японцев, попадавших в советский плен, зачастую выкладывали всю подноготную. К примеру, пехотинцу Рудягину П.Т. запомнился один японец-интеллигент (поразивший красноармейца знанием русской литературы), которого обязали знать не только границы японской империи, но и границы «японского духа», простирающегося до Урала, который рано или поздно нужно будет вернуть³. «Можно себе представить - отмечает политработник Бойко В.Р., - каким зарядом шовинистического зелья напичкивался постоянно японский солдат!.. Нельзя было недооценивать ни количества его дивизий, вооружений и укреплений, ни

¹ Плиев И.А. Через Гоби и Хинган. – М., 1965. – С. 33, 109.

² Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 44-45.

³ Воспоминания Рудягина П.Т. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/rudyagin-petr-timofeevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

проявлявшегося на протяжении многих десятилетий коварства в методах борьбы, ни внушенной злой волей ненависти его солдат к нашей стране»¹. Повседневные практики во время войны доказывали суждения В.Р. Бойко. Так на Сахалине японцы во время войны могли заминировать источники воды, овощи на огороде, брошенные предметы и даже трупы своих солдат, могли завязать гранаты в тряпки или спрятать в мешочках с рисом². Неудивительно, что советские военнослужащие боялись отравиться, и не только водой из колодцев, но и «трофейной» тушенкой, в которой также мог содержаться яд³.

Нередко японцы использовали и не совсем «традиционные» для войны средства провокации. Так журналист Рыжков А.Н. припомнил разговор с бывшим командиром 5-й роты 165-го стрелкового полка Н.Г. Кондрахиным, который рассказал ему следующий случай, произошедший во время боев за Южный Сахалин. Поднимаясь в горы с целью настичь остатки японских военных, перед полком появилась обнаженная японская женщина, которая по мнению Н.Г. Кондрахина, вела себя весьма непристойно. Через некоторое время у местных удалось выведать, что японские военные отправили японку на «передовую» с целью выяснения мотивов советских солдат. Так предполагалось, что в случае убийства японки советской стороной, модно будет в дальнейшем распространить слух о зверствах РККА⁴.

Однако в послевоенное время приходилось подтверждать все больше слухов о жестокости, фанатизме и коварных тактических приемах японских солдат⁵. Вновь описанные случаи расправ и пыток над советскими фронтовиками были известны населению СССР уже во время дальневосточной кампании 1945 года. Так писали все центральные газеты о «зверских расправах» над сержантом Д.Т. Калининым, воевавшим на 1-ом

¹ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 45.

² Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 32, 43.

³ Воспоминания Щусь И.З. URL: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/schus-ivan-zakharovich/>. Дата обращения: 22.01.2017.

⁴ Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 101.

⁵ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 248 – 249.

Дальневосточном фронте: «... По остаткам одежды и сохранившемуся компасу установили, что перед нами товарищ Калинин, который перенес нечеловеческие муки. Правое плечо товарища Калинина пробито пулей в области ключицы, правая нога отрублена в коленном суставе. На обеих ногах – следы глубоких продольных разрезов. На правом боку и нижнего угла правой лопатки вырезан треугольник. Глаза выколоты острым предметом, ноздри разодраны. На черепе по окружности кожа обрезана ножом и содрана. Нижняя часть трупа обгорела. Из всего этого видно, что японские изверги пытали советского воина после того, как он, раненый, попал в руки японского гарнизона...»¹. Также из газет читателям стал известен подвиг М.Н. Цукановой, участвовавшей в боях за корейский город Сейсин: «Раненная в ногу, она не покинула бойцов, и, преодолевая боль, оказывала им медицинскую помощь. Потеряв много крови, в бессознательном состоянии Мария Цуканова попала в плен к озверевшим японцам. Они издевались над ней, пытаясь выведать у нее наличие наших сил, но она молчала. Японцы решили заставить ее заговорить и выкололи ей глаза, но, не добившись от нее никаких сведений, зверски изрезали ножами ее тело...»².

Зенитчица Мария Суровцева вспоминала, как через неделю после начала Маньчжурской стратегической наступательной операции в ее подразделение с «большой земли» привезли одиннадцать девушек-медиков, уже на следующий день обнаруженных мертвыми. По словам Суровцевой М.А., оставляя медиков в расположении без дозорных, никто не подумал, что японцы смогут так поступить: «... оказалось, что у них ничего святого нет...»³.

¹ Спецкорр. ТАСС. Японские изверги замучили сержанта Калинина // На страже Родины. – 17 авг. – 1945. – С. 4.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. Т. 5. – М., 1963.

² Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – СПб., 2005. – С. 294.

³ Воспоминания Суровцевой М.А. URL:

<http://iremember.ru/memoirs/zenitchiki/surovtseva-maliutina-mariya-antonovna/>. Дата обращения: 24.01.2017.

В свою очередь, о «зверствах» Красной Армии, судя по всему, японцы также имели представления, очевидно благодаря агитационно-пропагандистской политике японских средств массовой информации. На Сахалине в бомбоубежищах на телефонной станции Маока [ныне Холмск – К.С.] советские солдаты обнаруживали тела целых семей, вероятно принявших яд из опасений жестокости со стороны красноармейцев¹. Но многие фронтовики утверждали, что наоборот, пытались установить дружественные отношения с мирным населением, хотели увидеть национальные особенности японцев, понять их как людей. По возможности подкармливали местных жителей, выдавали им сахар, галеты или кормили из походной кухни, тем более, за жестокое отношение к местному населению и военнопленным грозил расстрел².

Советские воины знали и о разработке японцами бактериологического оружия, поскольку красноармейцам делали прививки от чумы и прочей холеры из-за угрозы его применения³. «Отряд 731» во главе с генералом Сиро Исии, или как его называли в народе «бригада дьявола», не раз применял и химическое оружие в войне с Китаем. В послевоенные годы было подсчитано, что японцы свыше 1300 раз использовали ядовитые газы, ко всему прочему, занимаясь еще и разработкой оружия массового уничтожения. По воспоминаниям политработника В.Р. Бойко, сам генерал Исии, сумевший избежать Токийского трибунала, заявлял в годы войны, что победить Советский Союз было возможно только при помощи бактериологического оружия⁴.

Большинству же фронтовиков довелось повстречать разных японцев от «податливых» и «дружелюбных» - «вылитых русских» до «настоящих

¹ Рьжков А.Н. Указ. соч. – С. 101.

² Там же.

³ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 236.

⁴ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 248-249.

зверей»¹. После войны немногие заявляли, что на японцев у них совсем не было злобы², никакой ненависти они не испытывали, тем более к мирным жителям³. Замечали, что сами японские военные просили защиты от местного китайского населения, требовавших у красноармейцев выдать им военнопленных для справедливого возмездия. Но самосуды в данной военной кампании были исключены⁴.

На Забайкальском фронте военному корреспонденту П.И. Мельникову попался блокнот со стихами японских солдат, по всей видимости, участвовавших в боях с американцами на Филиппинах. Мельников предположил, что владельцы блокнота по-разному относились к «безальтернативным» военным кампаниям Японии: к войне с Китаем, к войне на Тихом океане. И если для стихов первого владельца была характерна агрессивная окраска: «Коль печень съешь врага, сырую, с теплой кровью, то, чуждый жалости, ты покоришь весь свет»⁵, то второму обладателю блокнота, вероятно, были ближе пацифистские взгляды японского поэта Накамура Коскэ:

«Говорят нам: «Для отчизны!»
Лжете! Вам самим в угоду!
Вот с войной навек покончить –
Благо для народа!»⁶.

В условиях массовой сдачи в плен японских военных в сознании советских военачальников крепла мысль о ненапрасном вступлении СССР в войну с Японией. Генерал Плиев И.А. в своих мемуарах привел разговор с

¹ Воспоминания Желобкова В.В. URL:

<http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/zhelobkov-valentin-vasilevich/>. Дата обращения: 22.01.2017.

Воспоминания Филатова Г.К. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/filatov-georgiy-kuzmich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

² Воспоминания Рудягина П.Т. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/rudyagin-petr-timofeevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

³ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 316-317.

⁴ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 253, 260.

Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 345.

⁵ Мельников П.И. На земле, в небесах и на море: Сб. 1-й. – М., 1979. – С. 325.

⁶ Там же.

одним японским рыбопромышленником из порта Дальний. Второй настаивал на позиции, что если бы Советский Союз не начал войну, то Англии и США пришлось бы еще долго воевать с Японией. С другой стороны, он не мог найти оправданий японской военщине, заявивших в свое время об «исключительности японской нации», «непобедимости императорской армии». Один японский литератор, вспоминал Плиев И.А., предложил переселить японских проституток в Сибирь, чтобы они рожали от местных, пока территория Сибири не станет японской колонией, и женщин легкого поведения тысячами везли в Маньчжурию: «Когда ошибается целая правящая клика, то эта ошибка перерастает в бедствие для всего народа»¹.

Особое внимание красноармейцев было приковано к феномену «камикадзе», по вине которых, по подсчетам командующего 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта Белобородова А.П., советская армия понесла наибольшие потери в танках в период дальневосточной кампании августа 1945 года². Из воспоминаний разведчика А.М. Кривеля: «... Они [смертники – *К.С.*] сидели в круглых лунках по обе стороны Хинганского шоссе, одетые в новенькие желтые мундиры, в чистое белье, обязательно с бутылкой сакэ и с миной на бамбуковой палке... Мы много слышали об этом адском изобретении японской военщины, о фанатиках, одурманенных идеей «Великой Японии», взрывающихся вместе с торпедой и миной. Смертники казались нам чем-то непонятным, бесформенным, нечеловечьим... Молодые люди, чуть старше нас. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик, черный волос и очки. И выглядят-то они не очень воинственно. Не знаешь, что смертник, ни за что не поверишь. Но мина, большая магнитная мина, которую и мертвый продолжает держать в руках, рассеивает все сомнения»³.

¹ Мельников П.И. На земле, в небесах и на море: Сб. 1-й. – М., 1979. – С. 333.

² Белобородов А.П. Указ. соч. – С. 105.

Ради жизни на земле: Сб. / Сост. Г. П. Солоницын. – М., 1986.

³ Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985. – С. 125-127.

С камикадзе, или смертниками дальневосточники уже встречались во время боев за сопку Баин-Цаган на реке Халкин-Гол в 1939 году, знали о них и из описаний боевых действий на Тихом океане¹, но были не готовы встретить их на сухопутном фронте, и тем более в больших количествах², поскольку думали, что смертники действуют только в авиации и на военно-морском флоте, где использовались в качестве живых «авиабомб» и «торпед»³. Однако советские военные быстро нашли эффективные способы борьбы со смертниками, залезая на броню танков и расстреливая их в упор⁴. Политработник Бойко В.Р. еще до войны предполагал, что камикадзе по целому ряду характеристик отличаются от остальных солдат японской армии. Однако в момент непосредственных контактов со смертниками индивидуальные представления советских солдат о них ограничивались стереотипным восприятием⁵.

Поднаторев в подобной практике, японские смертники имели в запасе несколько способов подложить мину под советский танк: или подтягивали на веревке какой-нибудь предмет, в котором находилась мина, или подталкивали мину под танки длинным бамбуковым шестом, или сами бросались под танк, обвязавшись взрывчаткой⁶. Подобные действия подталкивали некоторых красноармейцев, прибывших с советско-германского фронта проводить невольные сравнения с действиями гитлеровцев. К примеру, командир танковой роты А. Фадин обратил внимание, что у некоторых камикадзе бамбуковые шесты могли достигать 4 метров, где на концах каждого крепилось «что-то вроде немецкого фаустпатрона»⁷. Но японец был обязан не выстрелить им, а подбежать к цели

¹ Белобородов А.П. Прорыв на Харбин. – М., 1982. – С. 104-105.

² Там же.

³ Калашников К.Ф. Указ. соч. – С. 224.

Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 329, 360-361.

⁴ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 52.

⁵ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 94-95.

⁶ Белобородов А.П. Указ. соч. – С. 104 – 105.

⁷ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 306.

цели и ткнуть в борт танка¹. Тогда же немалую часть смертников составляли «Драконы счастья», которые оказавшись у судно врага, прикрепляли мину (около десяти грамм тротила) в днище или борт корабля². В большинстве случаев красноармейцы находили простые способы борьбы со смертниками, расстреливая в упор с танков, поднимающихся с миной «камикадзе».

Многие советские военнослужащие в начале войны посчитали «пустыми слухами» и «фронтowymi легендами» рассказы о смертниках, прикованных к пулеметам. Но, в частности, разведчик В. Иванов, подтвердил, как собственными глазами видел такого, уже мертвого, камикадзе в Цзямусах, в то же время отметивший, что «прикованным» японцам не доверяли «свои» же³. Были и другие подобные случаи: «...Огнем прямой наводки вышка была сбита, а под ее обломками оказался японский смертник, прикованный цепью к пулемету и к деревянной крестовине вышки...»⁴. Напрашивался очевидный вывод, укоренившийся в массовом сознании большинства военнослужащих, что смертникам был присущ религиозный фанатизм, слепая вера в превосходство японской нации, многолетняя психологическая подготовка⁵. Споры возникали лишь по поводу мотивов целенаправленного самопожертвования японских солдат. Одни были склонны полагать, что основой их поступков были отчаяние и корысть, желание хоть на время «урвать» от жизни какие-то блага. Камикадзе еще до Второй мировой войны имели более высокое положение в японском обществе. Их семьи, как и они сами получали большие деньги и всевозможные льготы. Но в отличие от остальных рисковали собственной жизнью⁶. Другие объясняли такое

Иванов Ю.Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. – Смоленск, 2003. – С. 3.

¹ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 306.

Иванов Ю.Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. – Смоленск, 2003. – С. 3.

² Широкоград А.Б. Дальневосточный финал. – М., 2005. – С. 205.

³ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 314, 328-329.

⁴ Бирюков А.Д. Указ. соч. – С. 175.

⁵ Калашников К.Ф. Указ. соч. – С. 223.

Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 111.

⁶ Калашников К.Ф. Указ. соч. – С. 223.

поведение многолетней психологической обработкой японского населения и, следовательно, «верой смертников в награду «на том свете»»¹. В любом случае, с учетом понесенных потерь советские солдаты считали «смертников» - сильным оружием в руках японского государства², ставшим «обычным явлением»³ в период Маньчжурской стратегической наступательной операции.

В донесениях участника боев в Хутоуском районе Ярошенко В.Д. сообщалось, что во время прочесывания территории и ликвидации снайперских точек часто видел, как смертники, оценив бесполезность сопротивления, ложились головами вокруг противотанковой гранаты и подрывались⁴⁵: «... Действительно, многие японцы предпочитали смерть плену – вспоминал сотрудник дивизионной газеты О. Смирнов, – кто стрелялся, кто норовил с миной в руках броситься под наши танки, были случаи убийства парламентаров, отдельные группы смертников у нас в тылу продолжали драться до самой осени...»⁶.

Убедиться в том, что самоубийство в бою было возведено в Японии в ранг социальной ценности, советские солдаты могли и на примере «яростного и обреченного сопротивления» гарнизона Хутоузского узла, когда отвергнув предложение о капитуляции, японский офицер зарубил своего же парламентаря, согласившегося провести переговоры с советской стороной⁷. Также показателен пример на муклендском аэродроме в августе 1945 года, когда на месте дислокации советской авиации внезапно

Действительно, во время войны смертники получали повышенное армейское довольствие, а после их гибели предприятия, где они раньше работали, обязаны были выплатить их семьям 33-месячное жалованье. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 53.

¹ Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 111.

² Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. – М., 2005. – С. 266.

³ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 306.

⁴ ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 46. – Л. 3.

⁵ Воспоминания Колосова П.Г. URL: <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/kolosov-ravel-gordeevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

⁶ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 332, 379-380.

⁷ Бирюков А.Д. Указ. соч. – С. 175.

появившиеся четыре японских истребителя сначала зашли на посадку, а затем круто спикировали и врезались в землю, не вызвав, со слов очевидцев, изумления у других японцев¹.

Сахалинский военный журналист Рыжков А.Н., со ссылкой на сотрудника советского посольства в Китае Г.Г. Пермякова, после войны описал интересный случай, произошедший в Токио с одним японским «фанатиком». «Камикадзе» вошел в один из роскошных магазинов Токио, где ему предоставили все самое лучшее. Учинив погром, «смертник» удалился под низкие поклоны владельца, которые, чуть позже, вывесил большое объявление следующего содержания: «Наш ничтожный магазин удостоил своим посещением «камикадзе»»².

Несмотря на то, что сам факт смерти в бою оказывался почетным, и, по мнению самих японцев, ненапрасным, уже в послевоенное время советские военнослужащие так и не смогли понять внутренних мотивов «камикадзе». Разъяснялось, что во время Великой Отечественной войны решение совершить «воздушный таран» принималось советскими летчиками в момент безвыходной ситуации, не соизмеряемый заранее обдуманному поступку японца-смертника. В историко-мемуарном очерке «Финал» Р.Я. Малиновский и М.В. Захаров связывали появление добровольцев-смертников в Японии с желанием японской военщины оправдать недостатки военной техники в период войны на Тихом океане: «Многие советские воины совершали свой подвиг по вдохновению боя, сознательно, учтя все и бросив свою жизнь на чашу весов боя. Нет сомнений, что каждый из них сохранил бы жизнь во имя будущих боев. Если же учесть, что японский смертник до совершения своего назначения получает повышенное содержание, то окажется, что его смерть – оплата расхода, произведенного на него при жизни. Таким образом, «тухнет ореол», который пыталась создавать вокруг

¹ Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945 г. – М., 1971. – С. 168.

² Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 113.

этого явления японская пропаганда. Иными словами, смертник – это пуля, которая срабатывает лишь один раз»¹.

Таким образом, к 1945 году для некоторых советских военнослужащих добровольцы-смертники не стали неожиданным феноменом, многие, кто не знал о нем ранее, посчитали «камикадзе» - «бредовой попыткой спасти проигранную войну»². На уровне же слухов или непосредственных контактов о нем поочередно узнавали все больше, но в советской печати информация о «камикадзе» отсутствовала, официально о них в советском обществе никто не распространялся³.

Примечательно, но стереотипные представления о японцах искажались по мере увиденного на оккупированных территориях Маньчжурии. Еще за год до начала войны с Японией корреспонденту ТАСС в Китае Владимирову П.П. попались на руки снимки с изображениями результатов японской оккупационной политики, комментарии к которым он изложил в своих дневниковых записях: «раздетые донага и распятые на стенах домов трупы крестьян», «трупы со вскрытым животом», «японские солдаты не только вспарывают животы, но извлекают печень и съедают», «детей, женщин, стариков сгоняют в толпу и, как на учениях, закалывают штыками», «горы мяса», «несколько десятков женщин с поднятыми юбками и опущенными до колен трусами, а перед ними на корточках позируют японские солдаты», «традиционное отсечение головы у жертв, к этому относятся как к спорту, состязанию в искусстве», «лица солдат спокойные, равнодушные, даже сонные»⁴. Ему самому еще в 1942 году довелось увидеть, как японцы обращаются с китайским населением: используют их в качестве «рабочего скота», насилюют женщин, убивают за малейшее ослушание⁵.

¹ Яковлев Н.Н. Указ. соч. – С. 172.

² Иванов М.И. Указ. соч. – С. 141.

³ Воспоминания Намоконова И.П. URL: <http://iremember.ru/memoirs/saperi/namokonov-ivan-prokofevich/>. Дата обращения: 23.01.2017.

⁴ Владимиров П.П. Указ. соч. – С. 297.

⁵ Там же.

К августу 1945 года «уродливую суть» подобных колониальных порядков фронтовики могли наблюдать практически по всей Маньчжурии¹. Восприятие оккупированных территорий сначала находило отображение в «путевых заметках» красноармейцев и военкоров, а затем попадало в печать, как гражданскую, так и военную. Следовательно, степень понимания того, что представлял собой противник во время войны с Японией, охватила большинство населения СССР. Из воспоминаний современников тех дней: «... под страхом наказания местному населению запрещалось продавать рис. В пищу шли только чумиза, гаолян и соевые бобы»²; «... постройки не отапливаемые, угля нет, одежда плохая. Ужасное состояние босых солдат»³; «... Бедность непроглядная, едят бурьян. В прошлом году была засуха, рис стоит огромных денег»⁴.

Подобная информация оперативно оказывалась на страницах центральной и региональной печати. Описание обстановки в Маньчжурии со слов корреспондента ТАСС А. Гая в газете «На страже Родины»: «Деревня Энтунь типична для сотен маньчжурских деревень, испытывавших многолетнее иго японцев. Японцы забирали у маньчжур и китайцев все их доходы. Они облагали налогом движимое и недвижимое имущество крестьян, присваивали почти весь урожай, собранный на клочках земли. Тяжкие следы японского хозяйничания наглядно видны в жалких жилищах эртуньских крестьян. Наши солдаты вошли в одно из таких жилищ. Печать нищеты и запустения лежала на всем, что находилось под его крышей. Мебели не было вовсе. Вместо – постели охалка камыша и грязное тряпье. Хозяин жилища – старик – был бос, в рваной одежде. Грабя маньчжурских крестьян, японцы в

¹ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 182.

ГАПК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 18. – Л. 1-21.

² Павлов А.А., Глебов В.П. и др. Указ. соч. – С. 213.

³ На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945. – М., 1974. – С. 372.

⁴ Там же. С. 374.

то же время всячески запугивали их, рассказывали небылицы о Красной Армии...»¹.

Спецкор газеты «Тихоокеанская Звезда» С. Кузьменко также дал описание китайскому жилищу: «... в фанзе нет ни пола, ни потолка... едят китайцы прямо на полу... кровать заменяет кан – ровная насыпь земли, тянущаяся от стены до стены.... из постели имеется лишь циновка из камыша»². В советских газетах писали, что «долгожданное появление» советской армии на оккупированных территориях Маньчжурии местное население восприняло с большой радостью. По словам генерала армии А.П. Белобородова не только китайское население, но и японские беженцы толпами кинулись навстречу советским солдатам в поисках защиты³. Результаты оккупационной политики японских властей прочно укоренились в массовом сознании фронтовиков, поскольку в послевоенной мемуаристике нельзя не найти сюжеты, посвященные обстановке в оккупированной Маньчжурии⁴.

Стереотипные представления о Маньчжурии в период войны у многих советских солдат вылились в лозунг, бытовавший среди японских дельцов во время оккупации: «Китайский опиум и японские гейши помогут вам завоевать мир»⁵. Командующий 1-й Краснознаменной армией 1-го

¹ Гай А. В Маньчжурской деревне // На страже Родины. – 1945. – 21 авг. – С. 4.

² Кузьменко С. В гостях у Чжоу Чжао-лу // Тихоокеанская Звезда. – 1945. – 21 авг. – С. 3.

³ Мерецков К.А. Указ. соч. – С. 201.

⁴ Владимиров П.П. Указ. соч. – С. 297.

Воспоминания Богодухова Н.Л. – URL:

<http://iremember.ru/memoirs/voditeli/bogodukhov-nikolay-leontevich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

Воспоминания Намоконова И.П. – URL:

<http://iremember.ru/memoirs/saperi/namokonov-ivan-prokofevich/>. Дата обращения: 22.01.2017.

Воспоминания Гаевого В.П. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/gaevoy-valentin-petrovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

Воспоминания Богодухова Н.Л. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/bogodukhov-nikolay-leontevich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

⁵ Владимиров П.П. Указ. соч. – С. 297.

Воспоминания Богодухова Н.Л. – URL:

<http://iremember.ru/memoirs/voditeli/bogodukhov-nikolay-leontevich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

Дальневосточного фронта А.П. Белобородов, вспоминал освобождение одного из маньчжурских городов. Если в центральных частях городов было все более или менее благополучно, то уже в подворотнях осуществлялась торговля женщинами, детьми и опиумом¹. В свою очередь, японское правительство всячески поощряло такое положение вещей в Маньчжурии.

Оценив обстановку в городе Ванемяо, О. Смирнов заметил, что прививки от чумы и холеры им делали не зря: «... Китайцы зазывали к себе, норовили угостить — хотя сами нищие, многие в бумажных куртках и штанах, расплзающихся под дождем. Масса бездомных, в том числе и детей. Кругом грязь, вонь, мусор, стоки нечистот... Публичных домов под красными фонарями больше, чем харчевен. Солдат сразу предупредили – в бардаки ни ногой: от срамной болезни никакие прививки не спасут, да и вообще, это порочит советского воина...»². Даже впечатления от бережливого отношения к памятникам русским войнам, воздвигнутым после Русско-японской войны, омрачались «коварностью» и «расчетливостью» японцев и их планами дальнейшего применения этого культурного наследия Порт-Артура ознакомить японских школьников со славными страницами своей страны³.

Другой была обстановка на территориях самой Японии (Южном Сахалине), где возникла проблема восприятия советскими солдатами привычного уклада жизни рядовых японцев, преимущественно у крестьян. Некоторые источники советских воинов о реалиях жизни сахалинских японцев совпадали по содержанию с описаниями жизни жителей

Воспоминания Намоконова И.П. – URL:

<http://iremember.ru/memoirs/saperi/namokonov-ivan-prokofevich/>. Дата обращения: 22.01.2017.

Воспоминания Гаевого В.П. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/gaevoy-valentin-petrovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

Воспоминания Богодухова Н.Л. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/bogodukhov-nikolay-leontevich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

¹ Белобородов А.П. Указ. соч. – С. 150.

² Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 331-332.

Воспоминания Филатова Г.К. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/filatov-georgiy-kuzmich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

Владимиров П.П. Указ. соч. – С. 94.

³ Бойко В.Р. Указ. соч. – С. 155.

Маньчжурии: «проехали немало селений, но везде одна и та же картина: дома брошены, жители угнаны. Бедность в домах ужасающая, даже мебели нет. Оказывается, японцы спят и едят на полу. Всюду остатки пожарищ»¹. Аргументировать сложившуюся ситуацию, по мнению журналиста А.Н. Рыжкова, можно было политикой японских промышленников, которые в погоне за прибылью строили дома только легкого типа, из тонких дощечек, совершенно непригодных к местным климатическим условиям². Непонятной для фронтовиков показались и бытовые условия мирных жителей: «... здесь действительно очень пахнет рыбой и морскими водорослями. Рыба, нанизанная на шпагат гирляндами, висит буквально на каждом домишке. Такой аромат по-русски называется зловоние»³.

Безусловно, в условиях, когда война сменилась мирной жизнью, «образ врага» претерпел существенные изменения, особенно «капитулировавшие» японцы, которые врагами для советских солдат, судя по всему, и не были: «... Население доброжелательно относится ко всем проводимым нами мероприятиям. Очень охотно выходят на работу по очистке города, восстановлению дорог и средств связи... Стрелочниками у японцев работают подростки, которым вряд ли есть 16 лет. Одному из них мы бросили мешочек с галетами, но он продолжал стоять по стойке смирно, пока не миновала последняя платформа, и только тогда наклонился за подарком. На станциях при подходе поезда все служащие выстраивались в линейку, кланялись три раза перед пассажирскими вагонами и расходились по местам. Такая дисциплинированность вызывала наше восхищение. Оно сменялось негодованием, когда перед окнами пассажирских вагонов мужчины и женщины, не стесняясь, отправляли свои физиологические надобности.

¹ Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 50.

² Там же. С. 92.

Воспоминания Гурова В.А. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/gurov-viktor-aleksandrovich/>. Дата обращения: 26.01.2017.

³ Рыжков А.Н. Указ соч. – С. 53.

Поистине японцам свойственны удивительные контрасты [выделено – К.С.]»¹.

Реалии первых дней после капитуляции городов Сахалина быстро искажали укоренившиеся представления японцев о советских солдатах. Руденко Р.А., в те годы работавшая на Сахалине врачом гарнизона, вспоминала, что японцы стали возвращаться в города только когда поняли, что советские войска не занимаются грабежами и насилием². В городе Маока, где работала Руденко, стали вновь открываться магазины и рестораны, в которых красноармейцы всегда были «высокопоставленными гостями» и любили наблюдать, как танцевали гейши³.

«В качестве жилья мне выделили отдельный домик, а дома у японцев были очень интересные – небольшие деревянные строения, в которых мебели нет, а есть только раздвижные стены и шкафы, бумажные перегородки и циновки... Я была в гостях не только у простых японцев, но даже у владельца шахт – и у него в доме было то же самое. Все японцы, независимо от их положения в обществе, жили очень скромно... Мне дали девушку-японку в услужение, ее звали Пасио. У нас с ней было полное взаимопонимание, единственной проблемой была еда. Она не могла воспринимать моей пищи – у нее болел живот от жареной картошки, а я не любила японскую еду... Могу отметить просто фанатическую дисциплинированность японцев, их техническую образованность... А о таких вещах как убийства и грабежи я даже не слышала» - приводила свои послевоенные впечатления о японцах Руденко Р.А.⁴

В целом необходимо подчеркнуть, что капитуляция в Маньчжурии и Корее проходила при различных обстоятельствах. Так Корею в большинстве случаев обходилось без происшествий, японцы «с ужасом» смотрели на

¹ Рыжков А.Н. Указ соч. – С. 55-56.

² Воспоминания Руденко Р.А. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/mediki/rudenko-bindikova-raisa-aleksandrovna/>. Дата обращения: 23.01.2017.

³ Там же.

⁴ Воспоминания Руденко Р.А. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/mediki/rudenko-bindikova-raisa-aleksandrovna/>. Дата обращения: 23.01.2017.

происходящее, «наступая, друг другу на пятки, безропотно выполняли все приказания»¹. «... Еще недавно такое не могло привидеться мне даже во сне – вспоминал командир танковой роты А. Фадин, - грозные офицеры-самураи, облаченные в парадную форму, при саблях, встречали нас на вокзалах на всем пути следования и, отдавая честь, раскланиваясь, оказывали любое содействие...»².

В другой ситуации, как вспоминал журналист из Приморья В. Ковалев, японская сторона могла всячески затягивать момент капитуляции, задавая нелепыми для красноармейцев вопросами³. Так, в частности, сдавая оружие, могли спросить, каким образом сдавать, куда будут доставлять, необходимо ли оформлять документацию⁴. По воспоминаниям свидетелей, при подписании капитуляции контрадмирал Хори устроил целый спектакль, а именно, разрезал кожу перочинным ножом и размазал кровь на своей руке, затем приложив руку как подпись взамен печати⁵.

На море во время капитуляции японцы порой понимали только «язык пулеметной очереди»⁶, прибегали к «излюбленным» приемам ведения боевых действий: подняв белый флаг и заявив о готовности к капитуляции, неожиданно переходили в наступление⁷. Несмотря на то, что японский император объявил о капитуляции еще 15 августа, отдельные японские формирования отказывались сложить оружие⁸.

Без внимания красноармейцев не осталась и «одиозная» фигура императора Маньчжоу-Го Пу И. По воспоминаниям офицера политотдела 6-й Гв. ТА Александра Желвакова перед ним предстал высокий и худой японец средних лет, одетый в темный костюм, в очках с роговой оправой. К нему

¹ ГАПК. Ф. Р-84. Оп. 4. Д. 111. – Л. 19.

² Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 308.

³ ГАПК. Ф. Р-84. Оп. 4. Д. 111. – Л. 17-29.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – Л. 20.

⁷ Рыжков А.Н. Указ. соч. – С. 100.

⁸ Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987. – С. 229-230.

никто не испытал злобы, поскольку внешне он ни сколько не напоминал злодея¹.

Как в условиях официального, так и в условиях индивидуального сознания, общественная позиция в СССР по поводу капитуляции Японии была единой: признание ею своего поражения было ускорено вступлением в войну СССР, и, по мнению многих современников, стало для японцев вынужденной мерой, и далеко не добровольной². Летчик Виноградов А.И. после войны припомнил разговор с одним из военнопленных, неплохо говорившим на русском, по ходу беседы с которым выяснил, что японцы очень обижены на русских, так как во время боев под Сталинградом Япония не напала на Дальний Восток, а Советский Союз своего обещания не сдержал³.

К слову о «коварных планах японских самураев» напасть на советский Дальний Восток иногда подтверждались фактами, никак не связанными с работой органов пропаганды. Так, во время боев с японцами М.И. Суган нашел на одном японском укрепленном складе с большим количеством зимних вещей: с шубами, ватными брюками, утепленными ботинками. Данный пример, по версии красноармейца, свидетельствовал о том, что Япония заранее готовилась напасть на СССР⁴.

Имевшие доступ к секретной информации тогда же узнали об бомбардировке Хиросима и Нагасаки, однако большинство красноармейцев не знали об этом⁵: «... О новом оружии – атомной бомбе – мы узнали еще во время войны с Японией. Взрывы американских атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки офицеры бригады восприняли однозначно:

¹ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 336-337.

Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987. – С. 229-230.

² Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 341.

³ Воспоминания Виноградова А.И. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/letchiki-bombardirov/vinogradov-aleksandr-ivanovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

⁴ ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 187. – Л. 4.

⁵ Воспоминания Иванова А.Н. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/ivanov-aleksandr-nikolaevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

- Американцы грохнули атомом в Японии, надеясь, что стекла из окон посыплются в Москве, - говорили тогда наши политработники»¹.

Итак, война с Японией не стала «легким испытанием» для советских воинов. За 25 дней в боях Маньчжурской наступательной операции приняло участие 1 669 500 красноармейцев и краснофлотцев, людские потери составили 36 456 человек² (на Забайкальском фронте – 8 383 чел., на 1-ом Дальневосточном – 21 069 чел., на 2-ом Дальневосточном – 5 583 чел., на Тихоокеанском флоте – 1 298 чел., в составе Амурской военной флотилии – 123 чел.)³. За тот же период Квантунская армия Японии потеряла убитыми 83,7 тыс. чел. и пленными 640,1 тыс. чел.⁴

Настрой, с которым советские солдаты шли в бой, выражался во фронтовых письмах. Одно из них принадлежало краснофлотцу В.Ф. Кабакову, погибшему в боях за корейский город Сейсин: «С краснофлотским приветом! Здравствуй горячо любимая мама! Мама, послал тебе письмо с фотокарточкой, не знаю, дойдет или нет... Ты знаешь, началась война с Японией – будь она проклята! И я, как сын Родины, иду ее защищать. Мама, я иду в бой комсомольцем-тихоокеанцем и будь за меня спокойна - не посрамлю свою честь моряка-тихоокеанца. А если погибну в бою за Родину, то я знаю, за что погибну. Я иду защищать от самураев тебя, моя горячо любимая мамочка. Ну, до свидания. Крепко тебя целую. Твой, горячо любящий тебя сын Володя, краснофлотец. 11.08.1945»⁵.

Еще в одном, написанном за несколько часов до начала боев за высоту 171 на острове Шумшу, принадлежало матросу П.И. Ильичеву, который, как и старшина 1-й статьи Н.А. Вилков, последовав подвигу многих советских солдат, заслониł вражеские амбразуры во время штурма высоты: «Дорогие

¹ Гулякин М.Ф. «Будет жить!..». Фомин А.И. На семи фронтах. – М., 1989. – С. 366.

² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993. – С. 223.

³ Там же. – С. 281-283, 303, 305.

⁴ Там же. – С. 391-392.

⁵ Последние письма с фронта. 1945 год: Сб. Т. 5. М., 1995. – С. 573.

мама, сестра Поля и брат Василий! Сегодня мы идем в бой. Не беспокойтесь, родные. За меня краснеть не придется. Я честно выполняю свой долг перед любимой Родиной и клятву, которую давал перед боем, сдержу до конца»¹.

Таким образом, в условиях относительно короткой военной кампании и «бесперебойной» работы агитпропа, доминанта общественных настроений, как в начале, так и в конце войны оставалась неизменной, но в то же время стоит признать, что «война была для каждого своя». Большая часть населения СССР формировала официальные стереотипы о Стране восходящего солнца, не имея возможности углубить представления на уровне обыденного сознания, причем подобная практика затронула не только отдаленные регионы, но и пограничные с Японией, Маньчжурией и Кореей: Приморье, Северный Сахалин и Камчатку.

С другой стороны, обыденное восприятие противника было велико на фронте. Несмотря даже на то обстоятельство, что языковой барьер мешал полноценному общению красноармейцев с японцами, частные практики позволили сформировать собирательный, многопластовый образ дальневосточного соседа, наполненный всевозможными стереотипами, начиная от «ненавистнических» и заканчивая «восторженными». Не менее важно и то обстоятельство, что военная кампания в разной степени затрагивала ее участников. Кому-то довелось повоевать с японцами совсем немного², другим, чтобы японцы «разбежались», достаточно было два-три раза крикнуть: «Ура!»³. Кому-то показалось, что война носила «ярко выраженный пассивный» характер, так как приходилось иметь дело не с регулярной армией, а с партизанскими отрядами⁴. Для некоторых война была делом принципа, поскольку с японцами были личные счеты⁵. Большинству

¹ Последние письма с фронта. 1945 год: Сб. Т. 5. М., 1995. – С. 576-577.

² Воспоминания Виноградова А.И. URL: <http://iremember.ru/memoirs/letchiki-bombardirov/vinogradov-aleksandr-ivanovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

³ Воспоминания Филатова Г.К. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/filatov-georgiy-kuzmich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

⁴ Владимиров П.П. Указ. соч. – С. 94.

⁵ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. С. – 341-342.

же пришлось испытать упорное сопротивление японских солдат¹. К слову, были и такие японцы, которые в плен не сдавались².

Свидетельства очевидцев позволили воссоздать портрет японского «самурая» глазами советских военнослужащих в период войны с Японией: противник, не ждал внезапного нападения³, находился в очень подавленном состоянии⁴, отказывался признавать, что попал в плен⁵, сотрудничал с русскими старообрядцами⁶, мог прикинуться мертвым и выстрелить в спину⁷, спину⁷, по сравнению с немцами воевал слабее⁸. Но, в то же время, противник, был дисциплинирован⁹, стоек до самопожертвования, предан своему императору, слепо верил, что превосходил «другую нацию»¹⁰, сопротивлялся отчаянно, и был очень хорошо обучен для ведения войны¹¹. Некоторые признавались, что с трудом могли различать японцев от китайцев¹², а для кого-то японцы вообще были лучшими солдатами в мире¹³.

¹ ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 35. – Л. 7.

² Воспоминания Кондакова Н.Н. – URL:

<http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/kondakov-nikolay-nikonovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

³ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 358.

Воспоминания Кирдянова И.В. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/kirdyanov-ivan-vasilevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

⁴ Воспоминания Чеснокова И.Н. – URL:

<http://iremember.ru/memoirs/tankisti/chesnokov-ilya-nikiforovich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

⁵ Владимирова П.П. Указ. соч. – С. 68.

⁶ ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 3. Д. 35. – Л. 6-60б.

⁷ Воспоминания Филатова Г.К. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/filatov-georgiy-kuzmich/>. Дата обращения: 18.01.2017.

⁸ Воспоминания Мамутова А.А. – URL:

<http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/mamutov-amza-amzaevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

⁹ Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009. – С. 353.

¹⁰ Гулякин М.Ф. «Будет жить!...». Фомин А.И. На семи фронтах. – М., 1989. – С. 364.

¹¹ Воспоминания Иванова А.Н. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/ivanov-aleksandr-nikolaevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

¹² Воспоминания Осинцева Н.Н. URL: <http://iremember.ru/memoirs/zenitchiki/osintsev-nikolay-nikolaevich/>. Дата обращения: 22.01.2017.

¹³ Воспоминания Иванова А.Н. – URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/ivanov-aleksandr-nikolaevich/>. Дата обращения: 24.01.2017.

2.3. Восприятие Японии тружениками тыла

Сформированные после русско-японской войны устойчивые представления о дальневосточном соседе на несколько десятилетий укоренились в советском массовом сознании. Накануне Второй мировой войны советские средства пропаганды и агитации, памятуя о событиях «маленькой победоносной войны», нередко использовали уже известные «штампы» о Японии и японцах. В конце 1930-х гг. в советских газетах уже нельзя было обнаружить статьи с положительным отзывом, так или иначе, связанные с Японией. Антикоминтерновский пакт, начавшаяся в 1937 году война с Китаем, провокационные действия японцев на советско-китайской границе в 1938 – 1939 гг. заставили привести в состояние мобилизационной готовности на Дальнем Востоке не только военных, но и гражданское население. Таким образом, страна «чайных домиков и девушек-мусумэ»¹ - стереотип о Японии, известный еще в дореволюционной России до войны 1904 – 1905 гг. претерпел существенные изменения к концу 1930-х гг. и прекратил доминировать в массовом сознании. Все же среди тех же дальневосточников можно было услышать иные умозаключения, идеи и предложения относительно геополитической ситуации в регионе. Мнения, нередко высказанные публично, на агитационных собраниях, противоречили официальной позиции государства, вызывали негодования и нарекания со стороны общественности и редко получали одобрения и поддержку среди единомышленников².

Несмотря на относительно краткосрочный период событий на озере Хасан, инцидент на границе был повсеместно осужден советским населением, поскольку стал первым открытым вооруженным столкновением с островным соседом после интервенции, в период которой у многих от рук

¹ Михайлова Ю.Д. Война длиною в целый век: лубок, литография, карикатура // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 38-67.

² Насонова Л.И. Обыденное сознание как социокультурный феномен. – М., 1997. – С. 184.

японцев погибли родные и близкие¹. Смутные представления о том, насколько затяжным будет данный конфликт и не перерастет ли он во что-то большее, в конце июля – начале августа 1938 года, подтолкнули власти Приморья принять решение о проведении массово-политической работы: населению был предложен план мобилизации, составлены маршруты оповещения в случае вторжения неприятеля, установлено круглосуточное дежурство на предприятиях и в организациях². Любые проблемы, связанные со светомаскировкой или с содержанием в ненадлежащем виде газоубежищ и обмывочных пунктов, на месте фиксировались, проводилась «работа над ошибками»³.

Исправлениям подвергались любые нюансы, на первый взгляд, самые несущественные. К примеру, на митинге работников АКО города Владивостока беспартийный товарищ Митрофанов, сказав, что японо-китайский народ провоцирует на войну Советский Союз, был тут же подправлен⁴. Создавались группы агитаторов, в среднем по 15 человек, закрепленных за определенными участками, с целью проведения разъяснительных работ в связи с нависшей угрозой⁵, которую, впрочем, представляли не одни японцы. Нерешенной проблемой, согласно протоколам заседаний бюро Уссурийского областного комитета ВКП (б), оставалось «кулачество», «белое движение» и «сектанты», которые позволяли себе высказывать следующее: «бросьте вы беспокоиться об уборке, все равно придет японец и все заберет», «началась война с японцами, скорее бы к нам пришли японцы, тогда бы стало жить лучше», «хотя бы скорее пришли японцы и освободили от нищеты»⁶.

¹ Сергей Лазо. Воспоминания и документы. – М., 1938. – С. 199-201.

² ГАПК. Ф. П-89. Оп. 2. Д. 64. – Л. 22.

³ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 210. – Л. 76.

ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 749а. – Л. 25-26.

⁴ ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 749а. – Л. 6.

⁵ ГАПК. Ф. П-89. Оп. 2. Д. 64. – Л. 22.

⁶ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 279. – Л. 87, 160, 173, 188, 256.

Таким образом, собирательный «образ врага» в советском массовом сознании на момент инцидента у озера Хасан был представлен не только «внешними врагами», но и «внутренними». Но официальные средства пропаганды и агитации делали акцент именно на Японии.

После победы на озере Хасан решением Исполкома Приморского Краевого Совета депутатов трудящихся было принято решение установить на 1939 год для жителей Приморского края два дополнительных дня отдыха: 6 августа было объявлено днем освобождения высоты Заозерной от японских захватчиков, а 25 октября праздновался день освобождения Дальневосточного края от интервентов¹. К первой годовщине победы был объявлен конкурс на лучшее литературное произведение, посвященное отпорным боям у озера Хасан², в клубах Владивостока проводили торжественные мероприятия и лекции, посвященные хасанским событиям³.

Именно тогда в официальной пропаганде был переосмыслен «образ врага», а также проведена «черта», которая разграничивала представления о японской политической и военной элите и основной массой японского населения. Если официальный агитпроп подвергал действия японских правительственных кругов жесточайшей критике, то по отношению к простым японцам во многом был доброжелательным и снисходительным⁴.

После халкингольских событий внимание средств пропаганды и агитации СССР полностью сосредоточилось на фашистской Германии и ее европейских союзниках, за тем лишь исключением, что в день подписания Пакта о нейтралитете между Японией и Советским Союзом, данному событию уделялось первостепенное значение. В период т.н. «дальневосточного затишья», в условиях отсутствия открытых боевых конфликтов с Японией «образ врага» эволюционировал в массовом сознании жителей Советского Союза. Так, на начальном этапе войны с Германией

¹ ГАПК. Ф. Р-813. Оп. 6. Д. 77. – Л. 1, 2.

² ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 270. – Л. 48-49.

³ ГАПК. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 52. – Л. 176.

⁴ Япония на рубеже 1937 – 1938 гг. // Красное знамя. – 1 янв. – 1938. – С. 2.

советское правительство поменяло целевую установку советских средств массовой информации в отношении Японии, которые с данного момента уже полностью фокусировали свое внимание на действиях фашистской Германии. Обыденное восприятие дальневосточного соседа во многом уже зависело от географического соседства с ней. В частности, оно заметно усиливалось на границе СССР и Китая в условиях постоянных провокаций со стороны островного соседа, на советских таможенных пунктах в условиях продолжавшейся торговли с Японией, в Японском море, и, наконец, на территории самой Японии.

Во время войны Япония поставляла на советский Дальний Восток горючие материалы, лекарства, химическую продукцию, прозодежду, продовольственные товары и посуду, канцелярские товары, лесоматериалы и т.п.¹ Отчеты приморских таможенных постов свидетельствуют об отсутствии каких-то конфликтов с островными соседями в период досмотра судов из Японии, постоянном наличии карантинных сертификатов и отсутствии каких-то зараженных товаров и грузов². Советские таможенники подтверждали, что вся необходимая документация предъявлялась японцами сразу, по первому требованию, товары регистрировали не выше положенных норм, предусмотренных советской стороной³.

Редко, но советская таможня фиксировала случаи нарушения таможенного законодательства со стороны японцев в годы войны. Так, зимой 1940 – 1941 гг. в районе Колпаковского таможенного поста обнаружили контрабанду, досмотр которой японская сторона пыталась затруднить. Было найдено 2,5 кг цианистого калия, который не значился в грузовых списках за 1940 год. Таможня изъяла контрабандный груз и наложила штраф на ответственное лицо в размере 150 рублей⁴. Год спустя уже на Кировском таможенном посту в Приморье изъяли партию неучтенных медицинских

¹ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 17. – Л. 40.

² Там же. Д. 19. – Л. 3-4, 6-6об, 9, 14-15, 17, 19-21, 29-29об, 33об.

³ Там же. – Л. 3-4, 6-6об, 9, 14-15, 17, 19-21, 29-29об, 33об.

⁴ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 17. – Л. 41.

препаратов и медикаментов сверх положенной нормы, в связи, с чем было принято решение вывезти контрабандный груз обратно в Японию месяцем позже¹.

Похожие случаи встречались и на севере Дальнего Востока. Так на Камчатке, где долгое время после начала Второй мировой войны можно было наблюдать сравнительное спокойствие на приграничных таможенных пунктах, летом 1944 года на участке Кошегочинского поста также зафиксировали контрабандный груз медикаментов, наименования которых отличались от предъявленных в грузовых списках. Советская таможня оштрафовала арендатора на 500 рублей с последующей конфискацией груза².

Однако, в условиях заключенного Пакта о нейтралитете между Японией и СССР, серьезные опасения вызывала эскалация конфликта в дальневосточном регионе с японской стороны. Об этом, в частности, свидетельствовали несанкционированные аресты двух советских гражданских судов в 1942 году, совершавших переход в нейтральных водах Японского моря. Если в зонах таможенного контроля индивидуальное восприятие Японии в условиях торговли с ней приобретало нейтральную окраску и отчасти искажало официальные стереотипы об островном соседе, то случаи с советскими торговыми судами «Ангарстрой» и «Ванцетти» лишь укрепляли у членов этих экипажей уже известные представления о дальневосточном соседе.

По информации помполита парохода «Ванцетти» Кравчука 20 апреля 1942 года в 70 милях от пролива Осуми, осуществляя рейс из Владивостока в Петропавловск на Камчатке, судно обстреляли два японских разведывательных корабля по носу двумя пулеметными очередями. Некоторое время спустя, патрулируя небо, два японских самолета сбросили вымпел с требованием остановки советского судна. Подошедший через определенное время, японский сторожевой корабль заявил последовать за ним

¹ ГАПК. Ф. Р-149. Оп. 8. Д. 18. – Л. 36.

² Там же. Д. 19. – Л. 19-21.

в ближайший порт, с угрозой открыть огонь по кораблю в случае отказа. По словам Кравчука, бросив якорь на рейде в порту Кусимото-ко 21 апреля 1942 года, после продолжительных переговоров командование «Ванцетти» убедило «ехидно-веселых» и «приторно-вежливых» японцев в том, что в будущем изменило стиль общения с японцами в благоприятную сторону. Согласно политдонесению, во время вхождения в бухту, японцы даже предприняли попытку посадить советское судно на камни. В дальнейшем, неоднократно отмечалось, что желание посадить пароход на мель не было непреднамеренной случайностью. В порту Кусимото-ко члены экипажа «Ванцетти» ознакомились с меморандумом, предоставленным японской стороной. Согласно тексту документа японцы беспрепятственно могли досматривать грузы парохода и обследовать судно в течение целой календарной недели. Спустя восемь дней судно «Ванцетти» двинулось из Японии на Петропавловск. Что заставило японцев арестовать советский пароход в нейтральных водах, так и осталось загадкой¹.

Пример с советским судном «Ангарстрой», потопленным японской стороной в апреле 1942 года – второй случай, свидетельствовавший уже о действительной эскалации конфликта. 19 апреля 1942 года на борт «Ангарстроя» с японского эсминца высадились двенадцать вооруженных моряков. Угрожая оружием, членам экипажа советского судна был дан приказ окончить работу с рацией и последовать в порт Кусимото-ко. Где в последующем советскую сторону обвинили в передаче данных о военной компании на Тихом океане во Владивосток. Неделью спустя, 28 апреля был предъявлен меморандум, в котором давались гарантии скорейшего освобождения советского судна после просмотра еще какой-то «сомнительной документации», разъяснялась ответственность Японии за сложившуюся ситуацию, и в целом, обращалось внимание, что японская сторона сожалеет о появлении «Ангарстроя» в «запретных водах». Уже 1 мая советский пароход, без оповещения звуковыми и световыми сигналами с

¹ ГАПК. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 47. – Л. 32-35.

моря, был трижды торпедирован. Спустя время к спасшемуся экипажу затонувшего парохода подошло японское торговое судно «Койо-Мару». Проявив любопытство, не являются ли советские моряки американцами, японцы оказали необходимую помощь и передали радиограмму о гибели «Ангарстроля» во Владивосток. При этом японская сторона порекомендовала указать, что пароход был затоплен американцами, но не ими. Подобную информацию советские моряки отразить в телеграмме отказались, и, только 8 мая были переправлены в советское диппредставительство в Шанхае¹.

В советских средствах массовой информации в период с конца апреля – начало мая 1942 года о происшествиях с «Ванцетти» и «Ангарстроем» не упоминалось. Ни в центральной газете «Правда»², где обычно публиковалась сводка о войне на Тихом океане, ни в любом другом региональном издании информация о приграничных инцидентах отсутствовала. Тем не менее, в те дни, в крупных региональных изданиях, таких как приморское «Красное знамя»³ или хабаровская «Тихоокеанская звезда»⁴, можно было ознакомиться, к примеру, с информацией о бомбежке американской авиацией территории островного соседа, или, о парламентских выборах в Японии. Отсутствие материалов о «Ванцетти» и «Ангарстрое» объясняется следующими причинами. Пункты Пакта о нейтралитете между Японией и СССР предписывали обеим сторонам поддерживать дружественные отношения и уважать территориальную целостность друг друга, и Советский Союз со своей стороны старался этому следовать. Не менее важно и то, что в период коренного перелома советские средства массовой информации во многом старались пропагандировать патриотические лозунги и вести агитационную войну с немецкими фашистами. А информация о подтоплении советских судов японской стороной могла в столь важный для страны период

¹ ГАПК. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 47. – Л. 37-50.

² Правда. – Апр. – май. – 1942.

³ Красное знамя. – Апр. – май. – 1942.

⁴ Тихоокеанская звезда. – Апр. – май. – 1942.

вызвать целый ряд вопросов, прежде всего, самих дальневосточников о реальной ситуации на советско-японской границе.

После окончания Великой Отечественной войны, по результатам договоренностей, достигнутых союзниками на Потсдамской конференции в начале августа 1945 года советское руководство приняло решение вступить в войну с Японией. Средства массовой информации вновь начали интенсивную разъяснительную работу с населением СССР. В советских газетах стали освящаться проблемы японской традиционной культуры, состояние японской экономики в условиях военного времени и мн. др. Жителей Советского Союза знакомили с историей захватнической политики японских властей, знакомя с результатами Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. и с дальневосточной интервенцией¹. На агитсобраниях обсуждалась текущая обстановка в Тихоокеанском регионе, а также проблемы нынешних непростых отношений Японии и СССР².

В политдонесениях о моральном состоянии советских граждан к началу Маньчжурской стратегической наступательной операции в пограничных районах с Маньчжоу-Го пропагандистский курс советского правительства повсеместно одобрялся. Представления о Японии в массовом сознании местного населения существенным образом не менялись с конца 1930-х гг. В условиях имеющихся соглашений с Англией и США агитационная политика СССР вновь сводилась к усилению антияпонской пропаганды. На страницах газет стали появляться уже известные «штампы»: «империалисты», «фашисты», «последний сателлит Германии» и др. В условиях начавшейся войны обыденное сознание дальневосточников совпадало с официальным по основному идейному содержанию, однако порой, не совпадая по способу формирования и применения³. В протоколе заседания одного из районных комитетов ВКП(б) Приморского края сообщалось: «... 1. необходимо широко разъяснять трудящимся решение

¹ Глотов И. Международный обзор // Ленинградская правда. – 1945. – 28 июля. – С. 3.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 451. – Л. 52, 165, 205.

³ Насонова Л.И. Указ. соч. – С. 188.

правительства об объявлении войны Японии, о также ежедневно информировать население о положении на фронте из сводок Совинформбюро. 2. повысить революционную бдительность, перестроить всю свою работу на военный лад, организовать беспощадную борьбу с паникерами, распространителями ложных слухов, немедленно сообщая о них органам НКГБ и НКВД. 3. мобилизовать колхозников, рабочих и служащих на быстрейшее завершение уборки урожая, выполнение хлебозаготовок и производственных планов. 4. оказывать необходимую помощь воинским частям и эвакуированному населению. 5. установить круглосуточное дежурство во всех предприятиях, учреждениях, МТС, колхозах и сельхозсоветах. Усилить охрану колхозного, государственного имущества, ценностей и документов. Привести в боевую готовность группы самозащиты и обеспечить строжайшую светомаскировку. 6. немедленно проверить и привести в боевую готовность весь имеющийся противопожарный инвентарь. 7. установить круглосуточное дежурство во всех радиотелефонных точках и принять все необходимые меры, обеспечивающие четкую и бесперебойную связь в районе. 8. установить в ночное время в райцентре и населенных пунктах патрулирующую службу»¹.

Агитаторов Приморья вновь ознакомили с информацией о политической обстановке в Японии, о недавних военных кампаниях островного соседа, а также об агитационно-пропагандистской политике японского правительства. Тематика лекций, прочитанных, в свою очередь, агитаторами местному населению, была на историческую тематику. Вспоминали о подвигах команд миноносца «Стерегущий» и крейсера «Варяг», жизненный путь Сергея Лазо и др.² По результатам проведенной работы, как и в годы Великой Отечественной войны, подавляющая масса советского населения использовала весь имеющийся у Советского Союза потенциал для разгрома старого врага. Из письма к вдове красноармейца в связи с гибелью ее мужа:

¹ ГАПК. Ф. П-436. Оп. 1. Д. 116. – Л. 63, 63об.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. – Л. 252-254.

«Летние месяцы 1945 года мы все особенно остро чувствовали приближение военной развязки на Дальнем Востоке. Казалось вот, вот начнется война. Много раз мы об этом говорили, и мечтали, после войны, увидиться со своими близкими и родными. Нам хотелось скорее начать войну, чтобы скорее встретиться с вами, домашними»¹. Индивидуальные восприятия жителей Дальнего Востока в своем большинстве были негативными в отношении островного соседа вплоть до завершения войны с Японией.

Однако, вопреки доминанте общественных настроений, в период наступательной операции на границе с Маньчжоу-Го среди советских граждан иногда можно было наблюдать то «преждевременную радость», то «самоуспокоенность» или «беспечность». Заведующий культотделом Ворошиловского Горисполкома Приморского края еще 10 августа провел митинг в честь победы над Японией, а утром 11 августа уже на некоторых предприятиях и в учреждениях поздравляли друг друга с победой². Имели место и провокационные заявления следующего содержания: «вечером обязательно будут бомбить Ворошилов и Владивосток», «война обязательно затянется, и теперь уже нас с голоду заморят», «наши войска будут в сутки проходить по полкилометра, не больше, т.к. Япония подготовилась к войне»³, «к вечеру 9 августа японцы разбомбили Спасск, Гродеково»⁴.

Нейтральные представления о дальневосточном соседе в массовом сознании жителей СССР, прежде всего, в связи новостями о возможной капитуляции Японии, также имели место быть. Уже 8 сентября 1945 года в период переброски 450 военнопленных японцев с Курильских островов в японский город Отомари капитан плавзавода «Всеволод Симбирцев» Н.П. Манжолин вступил в беседу с бывшим японским майором. Языковой барьер препятствовал полноценному разговору, однако пробелы компенсировались при помощи английского языка, которым владели они оба. Японец

¹ ГАПК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 19. – Л. 6.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. – Л. 13.

³ Там же. – Л. 13.

⁴ Там же. – Л. 10.

поинтересовался, куда держит курс советское судно. В свою очередь, Н.П. Манжолин припугнул майора, сказав, что 450 японских военнопленных встретятся с советским адмиралом, который и будет решать их судьбу, пусть и на самом деле подобной встречи не предполагалось. Спустя сутки советское судно прибыло в городок Отомари. В порту Н.П. Манжолин и японский военнопленный обменялись улыбками, вспоминая «встречу с советским адмиралом»¹.

Итак, в преддверии и в период Второй мировой войны в массовом восприятии жителей СССР утвердились официальные представления о Японии как о противнике советского государства. Открытые военные столкновения во второй половине XX века, разногласия на высшем политическом уровне о перестройке существующего миропорядка, привели к однородному восприятию Японии на официальном уровне, что стало мировой закономерностью в период военных кампаний.

Однако историк Н.Д. Козлов считает, что в период Второй мировой войны в Советском Союзе морально-политическое состояние, настроения и мнения его жителей, их реакция на происходящую действительность были далеко не однородными на уровне индивидуального восприятия: «Исследования массового сознания показывают, что одномерности индивидуального и массового сознания, примитивной линейности и упрощенного восприятия предшествующего опыта и действительности в те годы [в годы Великой Отечественной войны – К.С.] у людей не было»².

К примеру, ленинградская аудитория, принимавшая участие в семинарах, была весьма внушительной. Даже после тяжелых блокадных дней с февраля по октябрь 1945 года в Василеостровском районе семинары были

¹ ГАПК. Ф. Р-1027. Оп. 5. Д. 27. – Л. 9-12.

² Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Указ. соч. – С. 306.

Коршенко С.В. Япония в обыденном сознании дальневосточников в 1938 – 1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Научный журнал. – 2017. – № 1 (39). – С. 22-29.

проведены для 270 агитаторов. На лекциях в Смольнинском районе города в 1945 году побывало около 14 тысяч человек¹.

Приведенные материалы партийного архива ленинградского областного и городского комитетов ВКП (б) в большинстве случаев свидетельствуют о патриотических настроениях среди ленинградцев, выступавших на агитационных собраниях. Из выступления заместителя директора института истории ВКП (б): «Но пока существует фашистский агрессор. Мир не может быть спокоен. Сейчас мы можем выразить уверенность, что неминуем скорый разгром фашистской Японии»². Один из них, рабочий Ленвинзавода Агафонов заявлял: «Я на себе испытал лютое зверство японских захватчиков, я видел огромные жертвы, которые японцы причинили в Порт-Артуре. Надо проучить этих хищников и положить конец их захватническим планам»³. Работники ночной смены 5-ой электростанции: «Наша Красная Армия уничтожила фашистского зверя в Европе, но еще жив зверь – союзник Гитлеровской Германии – фашистская Япония, участь которой предрешена»⁴.

Передовицу «Правды» 9 августа 1945 года обсуждали жители СССР «всех профессий и званий». В центральной печати военнослужащих поддержали со всех уголков Советского Союза: из Минска, Сталинграда, Ленинграда, Ярославля, Омска, Ташкента, Воронежа, Уфы, Александровска-Сахалинского, Кишинева, Сталинабада и мн. др.⁵ Президент АН СССР С.И. Вавилов выступил со следующим заявлением: «Захватив разбойничьим образом значительную часть Китая. Япония продолжает упорствовать в продолжение войны. Наш народ помнит Халкин-Гол. Старшее поколение не забыло коварного нападения на наш тихоокеанский флот в Порт-Артуре и

¹ ГАПК. Ф. Р-1027. Оп. 5. Д. 27. – Л. 8, 335.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 16.

³ Там же. – Л. 24.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 27.

⁵ Покончить с японским агрессором // Известия советов депутатов трудящихся СССР. – 1945. – 9 авг. – С. 2.

Чемульпо»¹. Войну с Японией поддержал и знаменитый композитор Тихон Хренников: «Единственная из стран оси, продолжающая бессильное сопротивление, отвергнувшая предложение Америки, Англии и Китая о прекращении войны, единственная страна в мире, поддерживавшая огонь войны, получит по заслугам»².

Некоторые слушатели получили возможность услышать непосредственных участников войны с Японией 1904 – 1905 гг. Работник Балтийского завода им. Г.К. Орджоникидзе М.А. Барсуков ознакомил с информацией об участии русской эскадры в войне с японцами и обороне Порт-Артура³. На таких собраниях присутствовали и профессиональные историки, чьи доводы в пользу войны с Японией также могли способствовать мобилизации жителей СССР. Из выступления заместителя директора института истории ВКП(б) И.М. Кошелева: «Их налеты на нашу территорию, обстрелы и т.п. [в период «дальневосточного затишья» - *К.С.*] – все говорило о том, что фашистский зверь готов напасть на Советский Союз...»⁴. Академик В.М. Алексеев, который еще в 1907 году побывал в Китае, напомнил о захватнической политике Японии в отношении Поднебесной: «У меня – востоковеда, специалиста по Китаю, - решение Советского правительства вызвало особое удивление. Тысячу лет японцы занимались пиратством у берегов Китая. Неслыханную агрессию ведет она и в течение последних четырнадцати лет...»⁵.

В результате проведенных мероприятий советские люди давали обещания встать на многодневную стахановскую вахту, отдать все свои знания и опыт для достижения поставленной цели, дать напутствие детям, отправившимся воевать на Дальний Восток⁶. В итоге, общественные

¹ Покончить с японским агрессором // Известия советов депутатов трудящихся СССР. – 1945. – 9 авг. – С. 2.

² Решимость народа // Там же. – 1945. – 12 авг. – С. 2.

³ Одобряем решение Правительства // Ленинградская правда. – 1945. – 9 авг. – С. 2.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 17.

⁵ Уничтожим осиное гнездо! // Смена. – 1945. – 12 авг. – С. 2.

⁶ Уничтожить японский разбойничий империализм // Сталинец. – 1945. – 11 авг. – С. 2.

настроения сводилось к тому, что судьба островного соседа уже решена в связи с решимостью «четырех великих держав» – СССР, Великобритании, США и Китая¹.

Таким образом, большинство общественных настроений жителей СССР свидетельствовали о новом витке патриотического подъема. Работники колхоза «Приятное» оставили следующую заметку на страницах «Свердловской правды» 12 августа 1945 года: «Немцы хотели, чтобы русские на них работали, но ошиблись: Красная Армия всыпала им как следует, долго не опомнятся. Тоже будет и с Японией. Мы всегда готовы помочь Красной Армии в борьбе с захватчиками»². А население Белоруссии обещало перевыполнить любые нормы для достижения победы: «Говорить о мире, когда Япония продолжает войну – невозможно. Только тогда, когда будет разбито последнее агрессивное государство, народы, населяющие земной шар, смогут жить в полной безопасности»³.

Оградив себя от излишнего оптимизма, немногие ленинградцы задавались вопросом, почему советская армия продолжает воевать с японцами после объявления о капитуляции. Другие после войны даже поставили под сомнение решающую роль Советского Союза в победе над Японией, говоря о применении атомной бомбы, которая, по их мнению, явилась причиной перелома в войне на Тихом океане. Но такие настроения встречались крайне редко и не получили достаточного распространения.

В условиях послевоенного времени война с Японией вызвала не малый диссонанс в массовом сознании. Хотя враг позиционировался слабым, представления о нем, в частности среди ленинградцев, имели далеко не все. Многие на агитсобраниях задавались вопросами о территориальном устройстве Японии, о ее морском флоте, о численности населения и армии Страны восходящего солнца. И попросту беспокоились за развязывание хотя бы даже и не масштабной войны.

¹ Уничтожить японский разбойничий империализм // Сталинец. – 1945. – 11 авг. – С. 2.

² Во имя мира // Свердловская правда. – 1945. – 12 авг. – С. 1.

³ Обуздать японских агрессоров // Гродненская правда. – 1945. – 10 авг. – С. 2.

Для населения Владивостока война с японцами стала особенно актуальной. Теперь Приморский край становился прифронтовой зоной в грядущем конфликте. Так, на заводе 202 бригада судосборщиков в составе 6 человек не выходила из цеха на протяжении пяти дней и перевыполнила задание раньше положенного срока. Бригада котельщиков на приморской судовой верфи к 13 августа 1945 года перевыполнила норму на 420 %. Работники паровозного депо «Первая речка» выполняли все задания в срок, даже, несмотря на то, что на фронт ушло 65 человек. На пароходе «Михаил Ломоносов» все члены экипажа работали по разгрузке боевой техники и десанта по 20 часов в сутки без единого случая отказа от работы, выполняя все распоряжения быстро, четко и безоговорочно¹. Те же рабочие в составе 290 человек внесли 4000 рублей в помощь семьям фронтовиков, а подобных случаев во Владивостоке было достаточно много².

Из протоколов закрытого партийного собрания от 9 августа 1945 года: «война была на Западе – мы находились в глубоком тылу. Сейчас война у наших «ворот». Поэтому мы должны быть в боевой готовности, должны быть бдительными», «задача – спокойствие, мы достаточно сильны»³. Главный инженер моторемонтного завода Рудаков, выступая на митинге, заявил: «Наступила и для нас пора фронтовой жизни. Раньше фронт был от нас далеко, за тысячу километров, а сейчас он рядом. Япония не хотела понять уроков, полученных гитлеровской Германией. Пора положить конец японской агрессии! Мы хотим, чтобы мир был везде – и на Западе, и на Востоке! Мы должны ответить на это событие повышением производительности труда и улучшением трудовой дисциплины»⁴. Из выступления строгальщика Ефимова: «Мы ничего не забыли, помним все каверзные проделки японцев, у нас, на Дальнем Востоке. Настал час

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 20. – Л. 255.

² Там же. Д. 12. – Л. 41.

³ ГАПК. Ф. П-92. Оп. 3. Д. 183. – Л. 53.

⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. – Л. 11.

расплаты! Не буду уходить из цеха, до тех пор, пока не будут выполнены боевые задания и не прикажет мое командование»¹.

Таким образом, в период Маньчжурской стратегической наступательной операции шла масштабная пропагандистская работа среди жителей СССР². Однако были известны случаи, когда некоторые с беспокойством отнеслись к вести о начале войны с японцами, или, имели искаженные представления об островном соседе, не представляли масштабов и возможного ущерба проводимой войны.

Результатом умозаключений населения СССР стали вопросы, которые задавали по завершению собраний и митингов³. Наиболее часто обсуждаемые вопросы фиксировали, прежде всего, интерес аудитории к проблеме социально-экономического положения в послевоенное время. Так, к примеру, жители Ленинграда задавали вопросы о возможном переводе предприятий на военный режим работы, а армии и флота на казарменное положение. Другая группа вопросов была посвящена срочному прерыванию отпусков, а также проблеме сохранения 8-часового рабочего дня. Таким образом, преимущественно задавали вопросы о влиянии Маньчжурской стратегической наступательной операции на только недавно начавшийся мирный ритм жизни⁴. Очевидное беспокойство некоторых жителей СССР за тех, кто воевал в Маньчжурии можно определить как норму поведенческих настроений в условиях окончания войны. Незнанием происходящего на фронте являлись всевозможные сомнения и боязнь потери того, что уже есть.

Следующий круг вопросов затрагивал интерес к международному положению СССР, и в частности, к проблеме готовности союзников выполнить условия договора Потсдамской конференции. В частности, у

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. – Л. 11.

² Коршенко С.В. Настроения жителей Ленинграда в связи с объявлением советско-японской войны (август – сентябрь 1945 г.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Научный рецензируемый журнал. – 2016. – № 22 (243). – Вып. 40. – С. 167-172.

³ См. Прил. – С. 205-207.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 14, 22.

жителей Ленинграда возникли вопросы и сомнения в отношении дальневосточной кампании. К примеру, на очередном агитационном собрании работница завода Котлякова Жутенкова задала следующий вопрос: «...Не получится так, что союзники будут ожидать, а мы будем бить японцев и нести потери, как получилось с Германией; три года мы воевали одни, а они ждали удобного момента». Другие вопросы затрагивали проблемы непосредственного участия союзников в войне с Японией, к примеру, Англии. Некоторые предприняли попытку опровергнуть информацию о «волеизъявлении советского народа» вступить в войну с Японией и убедить других слушателей, что данное решение связано с просьбами Англии и США. Совсем немногие полагали, что предстоящая война обернется «неминуемыми тяготами» для советского государства¹.

Часть вопросов задавали по поводу деталей проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции, а также общие вопросы, к примеру, о площади островной Японии, о количестве жителей или о военном потенциале дальневосточного соседа. На агитационных собраниях хотели знать, как командование РККА будет планировать наступление на новой для нее местности. Задавались вопросы о притязаниях СССР на Маньчжурию после ее освобождения, а также о будущем статусе китайско-восточной железной дороги и Порт-Артура².

Тематическое содержание задаваемых вопросов на предприятиях СССР и Дальнего Востока была приблизительно одинаковой. В частности, приморских на предприятиях, как локомотивовагоноремонтный завод, Моторзавод, Сахзавод, или депо, рабочих интересовали проблемы увеличения часов рабочего дня, введение новых налогов, увеличение хлебных норм и приблизительных сроков новой мобилизации. Некоторые до

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 19, 43.

² ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 34. Д. 56. – Л. 25, 35.

последнего не соглашались с текущим положением вещей, считая ложными слухи об очередной военной кампании¹.

В городах Дальнего Востока распространение ложной информации зачастую способствовало формированию упаднических настроений. Так, после победы над Германией, учитель ворошиловской школы [ныне Уссурийск – *К.С.*] Мышко объявила, что подслушала разговор о приезде японской делегации в столицу к И.В. Сталину с предложением о передаче СССР южного Сахалина, а также демилитаризации территории Маньчжурии с целью предотвращения войны между Японией и Советским Союзом. К примеру, врач ворошиловской больницы Ильин сообщил о том, что прибывшие с советско-германского фронта красноармейцы, сами провоцируют противника, обстреливая японские батареи². Распространялись слухи о демобилизации военнослужащих армии до 1910 года рождения и мн. др.³

Распространение всевозможных слухов заставило уполномоченные органы проверять деятельность провинившихся. Так, к примеру, в Приморье политико-моральное состояние служащих и рабочих некоторых учреждений и предприятий было признано «неудовлетворительным». В вину вменялись следующие недоработки. В частности, директора 202 завода обвинили в отсутствии карт Японии и Маньчжурии, а также в позднем поступлении многотиражек «Ворошиловец» и «Красное знамя», из-за чего рабочие несвоевременно знакомились с актуальными проблемами Приморья⁴.

Угроза принятия всей тяжести войны с Японией на себя, перестройка работы предприятий на военный режим преобладали в массовом сознании недолго. Спустя неделю после вступления в войну СССР, Япония объявила о безоговорочной капитуляции, но на начальном этапе Маньчжурской стратегической наступательной операции паника среди советских граждан

¹ ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 34. Д. 56. – Л. 140об.

² Там же. – Л. 140.

³ Там же. – Л. 140об.

⁴ ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 35. Д. 12. – Л. 40.

имела место. Так, на фабрике им. В.К. Слуцкой работницы Моторина и Полякова, чьи родственники отправились воевать с Японией, объявили следующее: «Не успели отдохнуть – опять война, того и жди, что теперь их убьют, а поэтому и руки опускаются работать»¹.

При всей эффективности идеологической работы с населением, вступление СССР в войну с Японией вызвало неоднозначную реакцию. При анализе мнений фиксируется откровенная бесцеремонность некоторых дальневосточников, к примеру «Родина там, где хорошо кормят», или «дураков нет, чтобы идти и за кого-то свою голову класть – толстопузых защищать»². Примеры подобных настроений жителей Приморья только в первые дни Великой Отечественной войны приводит профессор Г.А. Ткачева: «...распространились слухи, что 27 июня Япония объявила войну Советскому Союзу, и что в районе села Барабаша японцы наступают силами до 160 тыс. человек. Распространились слухи о нарушении воздушного пространства японской авиацией и сбитых самолетах противника; о поимке 50 диверсантов-парашютистов; об обстреле с сопредельной стороны хасанской железнодорожной ветки»³. Подобные настроения в СССР имели место быть, но не носили тенденциозный характер.

На тот момент главное преимущество советского агитпропа заключалось еще и в возможности продвигать представления об островном соседе посредством его сравнения с фашистской Германией. Кроме уже имевшихся стереотипов о «дальневосточном агрессоре» в массовом сознании советских граждан в советской печати публиковали фронтовые заметки красноармейцев. В газете «Смена» была опубликована одна из них, а именно очерк о молодом парне, награжденного «ленинградской медалью», в сапогах,

¹ ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 34. Д. 56. – Л. 11, 41.

² Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, ДВО РАН. – Владивосток, 2010. – С. 207.

³ Ткачева Г.А. Особенности общественного сознания дальневосточников (1941—1945 гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятое Крушановские чт. 2006 г.: в 2 т. – Владивосток, 2008. Т. 1. – С. 383.

стоптанных на многих дорогах. В газете отмечалось: «Остановившись у Бранденбургских ворот, рассматривая помятых коней германской колесницы, солдат думает лишь об одном, что японцы – те же фашисты, только обличье другое»¹. Отсутствие каких-либо персональных данных о красноармейце, во многом свидетельствует о попытке советского агитпропа в тот период создать собирательный образ советского солдата, мыслящего официальными категориями, поскольку на начальном этапе Маньчжурской стратегической наступательной операции важно было подчеркнуть общность мыслей всех жителей СССР.

Согласно отчетам отдела пропаганды и агитации о политико-массовой работе на предприятиях Москвы, подобные результаты умозаключений рабочих и служащих можно было наблюдать и в столице. Накануне Потсдамской конференции, в конце июля 1945 года, многих москвичей интересовала среди прочих вопросов и политика Советского Союза в отношении Японии². Агитатор и мастер Сысоев вспоминал: «Меня спрашивают - будет ли Черчилль на тройке. Недавно один рабочий говорит мне: «Много войска гонят на восток, и уже раненые с востока поступают. Откуда только народ берет. Думают, что на Берлинской конференции будут решать – воевать нам с Японией или нет»³.

По результатам агитационных собраний доминанта общественных настроений в Москве была подобной как, к примеру, в Ленинграде или Владивостоке. Большинство москвичей становилось на стахановскую вахту с обещанием перевыполнить взятые на себя обязательства. Немногие, будучи уверенными в победе СССР, поддавались «шапкозакидательским» настроениям, высказывались предположения, что война не будет длительной, что японцы уже в кольце, и, и что союзникам в грядущей войне необходимо «действовать более интенсивно»⁴. Из выступления рабочего завода «МАРЗ»

¹ Вместе со своей страной // Смена. – 1945. – 9 авг. – С. 2.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 39. Д. 82. – Л. 51-52.

³ Там же. – Л. 52.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 39. Д. 88. – Л. 89.

Кравцова: «Я участвовал в боях на озере Хасан и хорошо знаю японскую звериную повадку. Согласившись на капитуляцию и сложив оружие, часть японцев может исподтишка вести резню. К этому мы должны быть готовы»¹. Промежуточным итогом агитационных собраний стала оценка «сомнительным» действиям союзников СССР по антигитлеровской коалиции в грядущей войне. Жители Москвы связывали свои опасения с событиями Второй мировой войны, когда некоторые страны «старались в стороне стоять, и не придется ли воевать с Японией, только вместе с Америкой?»². Из выступления рабочего завода № 6 Редькина: «... Мы должны помочь союзникам, ведь они вояки неважные. С Японией справиться можем только мы, а сила у нас еще есть. Придется подтянуться, поработать на славу. Мы дадим стране столько металла, сколько потребуется на головы японцев»³.

Соизмеряя сроки прошедшей войны и потери, которые понес советский народ, москвичи предлагали «испытать» союзников в будущей войне с Японией⁴. Так, к примеру, женщины магазина ОРСа завода «Искра» заявили о нецелесообразном участии СССР в войне на Дальнем Востоке: «... Пусть бы союзники испытали и понесли те потери, которые мы понесли в войне с Германией. Японцы народ смелый и будет защищаться ожесточенно. Война затянется надолго. Ждали прибавки хлеба, а теперь опять наверно оставят старую норму, и военный налог будут удерживать по-старому»⁵. В момент начавшейся войны, некоторые работники московских предприятий вновь и вновь задавались вопросами, напрямую не связанными с происходившими в тот момент, событиями на Дальнем Востоке. Как и жителей Ленинграда и Приморья, москвичей интересовал перечень «первостепенных» вопросов, а именно: переход на 8-часовой рабочий день, отмена карточной системы, увеличение норм хлеба, возвращение военнопленных домой или проблема отпусков. Жители столицы интересовались и самой войной: сроками ее

¹ Там же. – Л. 114.

² Там же. – Л. 89.

³ Там же. – Л. 90.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

завершения, военным потенциалом Японии и мн. др.¹, расспрашивали об успехах в поисках Гитлера или о возможностях американцев сбросить атомную бомбу на Советский Союз².

У немногих работников столичных предприятий возникали и панические настроения, связанные, прежде всего с переброской контингента советских войск, воевавшего на советско-германском фронте, на Дальний Восток: «... Четыре года я не видела мужа. Теперь было появилась надежда на его приезд домой, и вот снова, нет уверенности, останется он жив или нет?» - выступала лаборантка НИИ-1 Нижегородова. Подобное угнетенное состояние духа соседствовало с попытками смоделировать геополитические последствия войны и их значение для Советского Союза в будущем. В частности, будут ли после войны нейтральные страны скалить зубы³, не заберут ли наш Сахалин и Порт-Артур, и не будут ли грозить оттуда войной⁴, не начнет ли Советский Союз после окончания войны с Японией воевать с Турцией или Аргентиной⁵.

В целом, даже после объявления капитуляции Японии 15 августа, на предприятиях СССР, в т.ч. и Ленинграда стали звучать призывы к перевыполнению планов, сплочению и самоорганизации, чему содействовали настроения оптимизма и гордости за советскую армию. Рубщик завода им. И.В. Сталина Демченко заключил: «Ликвидирован последний очаг войны. Япония вынуждена капитулировать перед соединенными силами Советского Союза и наших союзников...». Работница Шарманова: «Трудно подыскать слова гордости за нашу Красную Армию, она прекратила муки многомиллионного китайского народа и помогла сбросить иго японского империализма»⁶.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 39. Д. 88. – С. 90.

² Там же. – Л. 87об., 88.

³ Там же. – Л. 90.

⁴ Там же. – Л. 92.

⁵ Там же. – Л. 93.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. – Л. 53.

Таким образом, с 1938 – 1945 гг. «образ врага» создавался на ярком противопоставлении «мы» и «они» за счет периодического повторения уже известных стереотипов об островном соседе в советских средствах пропаганды и агитации. В рамках геополитической обстановки в дальневосточном регионе с 1938 – 1945 гг. можно также наблюдать попеременное ослабление и усиление антияпонской пропаганды, вследствие чего, и изменение официальных представлений о Японии. В преддверии локальных конфликтов в конце 1930-гг. – это обдуманная и поэтапная массово-агитационная работа среди жителей СССР. После начала войны с Германией, советская пропаганда «отсрочила» формирование образа дальневосточного соседа, как врага СССР, в то же время, полностью соблюдая положения апрельского Пакта о нейтралитете 1941 года. С началом Маньчжурской стратегической наступательной операции советские средства массовой информации снова сосредоточились на усилении антияпонских настроений среди жителей СССР.

Заключение

Формирование представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании накануне и в годы Второй мировой войны зачастую носило сложный, «многослойный», собирательный характер и зависело от многих определяющих факторов. Во-первых, в годы войны образ Страны восходящего солнца воспринимался не только посредством прямых контактов, но и при помощи дифференцированного наблюдения, на которые накладывался отпечаток менталитета советского народа. Во-вторых, в условиях военного времени в формировании представлений о дальневосточном соседе ведущую роль сыграла государственная информационная политика, влиявшая на восприятие внешнего противника посредством пропаганды и агитации. В итоге, очевидная трансформация представлений о Японии и японцах стала зависимой от степени сопричастности советского народа в ключевых событиях советско-японских отношений: в период локальных конфликтов второй половины 1930-х гг. и войны с Японией в августе – сентябре 1945 года.

В преддверии Второй мировой войны для Советского Союза стало немаловажным наблюдать за участием Японии в геополитической «разбалансировке» в Азии, следить за положением на собственных морских и сухопутных границах на Дальнем Востоке и сфокусироваться на изучении недавней истории взаимоотношений с островным соседом. Вследствие этого, другими факторами становления «образа врага» в советском массовом сознании также стали: продолжительность ведения войн с Японией в указанный период, воспоминания старших поколений о событиях Русско-японской войны и дальневосточной интервенции, и, наконец, сравнительное восприятие противников СССР в годы «военного лихолетья». Влияние государственной идеологии и изменение системы ценностей внутри советского общества позволили интерпретировать «образ врага» с позиций двух точек зрения: официальной и индивидуальной (обыденной), что в свою

очередь, позволило адекватно подойти к восприятию дальневосточного соседа.

Несмотря на то, что в годы войны советские средства пропаганды и агитации разработали определенную систему стереотипов и языковых форм, индивидуальное восприятие на фронте и в тылу немногим, но все же, отличалось от официальных представлений. Непосредственные боевые столкновения с японцами позволили сформировать более объективные стереотипы о них без участия идеологических «ярлыков» на основе прямых контактов с противником на Хасане и Халкин-Голе, в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах. На всем остальном пространстве Советского Союза подобные процессы были более искаженными, порой основанные на слухах и различных точках зрения. Однако законы военного времени подталкивали жителей СССР к осмыслению и очевидному соглашательству с той информацией, которая публиковалась в газетах и журналах, транслировалась на радио и в кино.

Наличие как минимум трех крупных военных столкновений с Японией с 1938 – 1945 гг. в разное время повлияли на изменение в восприятии дальневосточного соседа у подавляющей массы населения. Потребовалось за короткий промежуток времени (как, к примеру, во время боев на Хасане и Халкин-Голе) или накануне (как, к примеру, в преддверии Маньчжурской стратегической наступательной операции) осуществлять корректировку довоенных представлений о Японии в максимально сжатые сроки. Постоянная угроза с Востока диктовала потребность актуализировать «образ врага», прежде всего, среди дальневосточников, а советскому руководству превратить его в постоянную компоненту массового сознания.

Впервые образ Японии, как «врага» СССР, стал формироваться после пограничных столкновений на озере Хасан в 1938 году на основе уже имеющихся представлений Русско-японской войны и дальневосточной интервенции. Тогда же впервые произошло совпадение стереотипов о японских военных в официальной печати и на фронте. «Агрессивный» и

«коварный» противник, с одной стороны, бытовал в советском сознании как «сильный» и «опытный» враг с другой. Таким «образ врага» воспринимался в период халкин-гольских событий, но, после «дальневосточного затишья», в конце Второй мировой войны претерпел существенные изменения. «Последний сателлит Германии» уже не ассоциировался с «сильным» и «опасным» противником.

Морально-психологическая работа в этот период предполагала, прежде всего, сплотить советское население против общего врага, что удалось сделать в период локальных конфликтов второй половины 1930-х гг., сохранить в условиях «дальневосточного затишья», и, воссоздать с новой силой в августе – сентябре 1945 года. Первоочередная задача военного времени позволила не только оценить ситуацию в другой стране через призму представлений о своей – сравнить социально-экономическое положение, обычаи и традиции и др., но и дать переоценку историческому взаимодействию между двумя государствами в прошлом. Так, случилось с переосмыслением событий Русско-японской войны, когда материалы о несостоятельности царской армии перед японской сменились статьями и репортажами о героической обороне Порт-Артура, о подвиге офицеров и матросов миноносца «Стерегущий». Стало важным проводить причинно-следственные связи в истории взаимоотношений двух стран, подчеркивая факторы и источники появления таких явлений, которые для советского воина или труженика тыла казались необъяснимыми, а, следовательно, пугающими, к примеру, феномен «камикадзе». В результате, прямое или косвенное участие миллионов жителей СССР в советско-японском противостоянии в 1938 – 1945 гг. обернулось сильнейшим патриотическим подъемом, несмотря на наличие упаднических и панических настроений.

Поддержанию доминанты общественных настроений во многом способствовало массовое издание советских газет, выходивших регулярно в годы Великой Отечественной войны даже на оккупационных территориях. Не менее востребованным было использование и других средств

сопровождения аудиальной и визуальной информации: литературы, радио, кино и плаката. В «нужное» время материалы о военных столкновениях с Японией публиковали на передовых страницах «Правды», а в условиях «дальневосточного затишья», связав себя условиями Пакта о нейтралитете, визуально «скрывали» среди остальной информации. В итоге, восприятие островного соседа в указанный период стало динамичным процессом и менялось, когда военные столкновения приходили на смену периоду частичного прекращения контактов. Вследствие этого, сформированные этнические представления о Японии наполнялись другими смысловыми характеристиками, что позволяло жителям СССР проводить сравнительно-сопоставительный анализ посредством восприятия «мы» и «они».

Различные этнокультурные различия Японии и СССР в условиях военных конфликтов приводили порой к элементарному непониманию, черт национального характера, образа жизни, традиций, обычаев, поведения и психологии островного соседа. Немногие участники боевых действий зачастую формировали даже не этнические стереотипы о японцах, а полиэтнические представления о «человеке Востока». Но в условиях войны основными субъектами восприятия в Советском Союзе нередко становилась военная и политическая элита Японии – японская «военщина» и «правлящая клика» в лице министров императорского правительства, командующих Квантунской армией и дипломаты. Процессы формирования остальных стереотипов о Стране восходящего солнца – мирного населения, рядовых военнослужащих, «камикадзе» традиционно активизировались только в период непосредственных военных столкновений. Однако, несмотря на координальные различия ментальных характеристик двух народов советские средства пропаганды и агитации никогда не пытались включить в формируемый «образ врага» негативную компоненту «образа японского народа».

Таким образом, процесс возникновения позитивных и негативных стереотипов о Японии и японцах накануне и в период Второй мировой войны

в сознании большей части советского населения оказался в прямой зависимости от «инструментов» советской информационной политики. Другая часть населения (преимущественно военнослужащие) формировала иные стереотипы об островном соседе, опираясь на уже готовую «модель» восприятия, дополняя или искажая ее новой информацией, опираясь, при этом, на систему ценностей Советского государства и целый комплекс ассоциаций, проповедуемых центральной властью.

Список источников и литературы

I Источники

Архивные материалы

Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦВМА МО РФ)

1. Ф. 2450 – Штаб Тихоокеанского флота.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

2. Ф. 558 – Фонд И.В. Сталина.

Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы)

3. Ф. 4 – Московский городской комитет ВКП (б).

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)

4. Ф. 24 – Ленинградский областной комитет ВКП (б).
5. Ф. 25 – Ленинградский городской комитет ВКП (б).

Государственный архив Приморского края (ГАПК)

6. Ф. П-3 – Владивостокский городской комитет КПСС.
7. Ф. П-68 – Приморский краевой комитет КПСС.
8. Ф. П-89 – Хасанский районный комитет КПСС.
9. Ф. П-92 – Дальнегорский городской комитет КПСС.
10. Ф. П-436 – Красноармейский районный комитет КПСС.
11. Ф. П-3135 – Партийный архив Приморского крайкома КПСС, г. Владивосток.
12. Ф. Р-84 – Приморский краевой комитет по радиовещанию и телевидению.
13. Ф. Р-25 – Исполнительный комитет Приморского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Примоблисполком).
14. Ф. Р-84 – Комитет по телевидению и радиовещанию исполнительного комитета Приморского краевого Совета депутатов трудящихся.
15. Ф. Р-85 – Исполнительный комитет Владивостокского городского Совета народных депутатов.
16. Ф. Р-86 – Исполнительный комитет Владивостокского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Владокрисполком).
17. Ф. Р-149 – Владивостокская таможня Главного таможенного управления Министерства внешней торговли СССР.
18. Ф. Р-261 – Коллекция документов, выявленных к сборнику «Партийная организация Приморья в годы Великой Отечественной войны».

19. Ф. Р-470 – Приморский краевой отдел культурно-просветительской работы исполнительного комитета Приморского краевого Совета депутатов трудящихся.
20. Ф. Р-813 – Лесозаводский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
21. Ф. Р-1027 – Уссурийское областное управление по делам литературы и издательств (Обллит), (г. Ворошилов).
22. Ф. Р-1370 – Коллекция документов-воспоминаний «Революционное движение в Приморье».
23. Ф. Р-1544 – Кобыща Феодосий Гаврилович, участник революционного движения и гражданской войны на Дальнем Востоке.

Периодические издания

24. Большевик. Теоретический и политический журнал ЦК ВКП (б). Издательство ЦК ВКП (б) «Правда». – М., 1939 – 1945.
25. Военно-исторический журнал. Государственное военное издательство наркомата обороны СССР. – М., 1940.
26. Гродненская правда. Орган гродненского областного и городского комитетов КП(б)Б, областного и городского советов депутатов трудящихся. – Гродно, 1945.
27. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – М., 1945.
28. Искусство кино. Орган комитета по делам кинематографии при СНК СССР. – М., 1936 – 1939.
29. Красная звезда. Центральный орган народного комиссариата обороны СССР. – М., 1945.
30. Красноармейская иллюстрированная газета. Издание главного политического управления Красной Армии. – М., 1945.
31. Красное знамя. Орган Приморского краевого и Владивостокского городского комитетов ВКП(б) и Приморского краевого Совета депутатов трудящихся. – Владивосток, 1938 – 1939.
32. Крокодил. Издание газеты «Правда». – М., 1938 – 1945.
33. Курская правда. Орган Курского Обкома ВКП(б), Горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. – Курск, 1945.
34. Ленинградская правда. Ленинградского областного и городского комитетов ВКП (б) и областного и городского совета трудящихся. Л., 1938 – 1945.
35. На страже Родины. Орган Ленинградского военного округа. – Л., 1945.
36. Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). – М., 1938 – 1945.
37. Пропагандист-агитатор. Орган Хабаровского крайкома ВКП (б). – Хабаровск, 1939 - 1940.
38. Свердловская правда. Орган Свердловского райкома ВКП(б) и Исполкома райсовета депутатов трудящихся. – Свердловск, 1945.

39. Тихоокеанская звезда. Орган Хабаровского краевого и городского комитетов ВКП (б) и краевого совета депутатов трудящихся. – Хабаровск, 1938 – 1945.
40. Смена. Орган Ленинградского Областного и Городского Комитетов ВЛКСМ. – Л., 1945.
41. Сталинец. Орган управления и дорпрофсожа Октябрьской железной дороги. – Л., 1945.

Источники личного происхождения

42. Белобородов А.П. Прорыв на Харбин. – М.: Воениздат, 1982. – 208 с.
43. Бирюков А.Д. Воспоминания о далеком прошлом, еще не забытом. Кубань. Красные и белые. На войне с Германией. В Маньчжурском походе. – М.: ООО «СТЕЛС», 2006 – 248 с.
44. Бойко В.Р. Большой Хинган - Порт-Артур. – М.: Воениздат, 1990. – 270 с.
45. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002 – 591 с.
46. Вишняков И.А. На крутых виражах. – М.: Воениздат, 1973. – 223 с.
47. Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942-1945. – М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1973. – 544 с.
48. Волынкин И.Т. Над пятью морями. – М.: Воениздат, 1964. – 68 с.
49. Волошин М.А. Разведчики всегда впереди. – М.: Воениздат, 1977. – 272 с.
50. Ворожейкин А.В. Истребители. – М.: Воениздат, 1961. – 299 с.
51. Воротников М.Ф. Г.К. Жуков на Халхин-Голе. – Омск: Кн. изд-во, 1989. – 222 с.
52. Голицын П.А. Записки начальника военной разведки. – М.: Церера, 2002. – 191 с.
53. Гулякин М.Ф. «Будет жить!...». Фомин А.И. На семи фронтах. – М.: Воениздат, 1989. – 365 с.
54. Драбкин А.В. Я дрался на бомбардировщике: «Все объекты разбомбили мы дотла». – М.: Яуза Эксмо, 2010. – 252 с.
55. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 415 с.
56. Иванов М.И. Япония в годы войны (записки очевидца). – М.: Наука, 1978 – 253 с.
57. Кабанов С.И. Поле боя - берег. – М.: Воениздат, 1977. – 364 с.
58. Калашников К.Ф. Право вести за собой. – М.: Воениздат, 1981. – 239 с.
59. Кривель А.М. Слышишь, Халкин-Гол! – М.: Политиздат, 1998 – 191 с.
60. Кривель А.М. Это было на Хингане. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.
61. Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М.: Воениздат, 1987. – 463 с.
62. Леонов В.Н. Лицом к лицу. – М.: Воениздат, 1957. – 152 с.
63. Лоза Д. Ф. Танкист на «иномарке». – М.: Яуза ЭКСМО, 2007. – 317 с.
64. Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. – М.: Воениздат, 1969. – 180 с.
65. Мерецков К.А. На службе народу. – М.: Политиздат, 1988. – 447 с.

66. Мошляк И.Н. Вспомним мы пехоту... – М.: Воениздат, 1978. – 268 с.
67. На земле, в небесах и на море: Сб. – М.: Воениздат, 1979. – 327 с.
68. На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945 / Сост. Ю. Чудодеев. – М.: Наука, 1974. – 372 с.
69. Павлов А.А., Глебов В.П. и др. Дальневосточный финал: историко-мемуарные и документальные материалы о разгроме империалистической Японии в 1945 г. – Самара: «Самарский Дом печати», 2002. – 336 с.
70. Плиев И.А. Через Гоби и Хинган. – М.: Воениздат, 1965. – 160 с.
71. Полынин Ф.П. Боевые маршруты. – М.: Воениздат, 1972. – 391 с.
72. Прачик И.А. Фронтное небо. – М.: Воениздат, 1984. – 125 с.
73. Рыжков А.Н. Бои за родные острова. Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. – Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во. Сахалин. отделение 1980. – 144 с.
74. Симонов К.М. Далеко на Востоке: Халхин-гольские записи. – М.: Сов. писатель, 1969. – 111 с.
75. Смирнов Б.А. Небо моей молодости. – М.: Воениздат, 1990. – 318 с.
76. Советско-японские войны. 1937-1945 / Сб. – М.: Эксмо Яуза, 2009. – 412 с.
77. Творцы победы: от рядового до маршала. / Сб. – М.: Сов. Россия, 1987. – 319 с.
78. Успенский В.Д. Глазами матроса. – М.: Воениздат, 1964. – 166 с.
79. Федюнинский И.И. На Востоке. – М.: Воениздат, 1985. – 224 с.
80. Хейфиц И.Е. Пойдем в кино! Жизнь. Труд. Опыт. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 335 с.
81. Хетагуров Г.И. Исполнение долга. – М.: Воениздат, 1977. – 216 с.
82. Хренов А.Ф. Мосты к Победе. – М.: Воениздат, 1982. – 352 с.
83. Чистяков И.М. Служим Отчизне. – Минск: Беларусь, 1982. – 224 с.
84. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1985 – 447 с.

Опубликованные материалы

85. Бои у Хасана: Партийно-политическая работа в боевой обстановке. – М.: Воениздат, 1939. – 387 с.
86. Довженко А.П. Думы у карты Родины: киноповести, рассказы, очерки, статьи. – Л.: Лениздат, 1983. – 463 с.
87. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 416 с.
88. Зиланов В.К., Кошкин А.А., Плотников А.Ю., Пономарев С.А. Русские Курилы: история и современность. Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. – М.: Алгоритм, 2015 – 399 с.

89. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917-1941 гг.): Документы и материалы. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1982. – 495 с.
90. На границе тучи ходят хмуро... (к 65-летию событий у озера Хасан). – М., Жуковский: Кучково поле КЖИ «Граница», 2005. – 398 с.
91. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – 635 с.
92. По военной дороге: Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском Флоте. – М.: Воениздат, 1988 – 422 с.
93. Последние письма с фронта. 1945 год: Сб. Т. 5. – М., 1995. 604 с.
94. Приказы Народного комиссара обороны СССР: 22 июня 1941 – 1942 гг. / Сост. Барсуков А.И. и др. – М., 1997. – 445 с.
95. Приказы народного комиссара обороны СССР: 1943 – 1945 гг. / Сост. Барсуков А.И. и др. – М., 1997. – 456 с.
96. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 805 с.
97. Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин и др. – М.: РОССПЭН, 1999. – 519 с.
98. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 – 1945 гг. – М., 1995. – 335 с.
99. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Сб. док. Т. 4. – М.: Политиздат, 1984. – 302 с.
100. Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М.: РОССПЭН, 2001 – 797 с.
101. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – СПб.: Питер, 2010. – 192 с.
102. Сталин. Политбюро в 30-е годы. Сб. док. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 1995. – 339 с.

II Литература:

103. Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. – 467 с.
104. Алехин Р.В. Воздушно-десантные войска: история российского десанта. – М.: Эксмо, 2009. – 411 с.
105. Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – СПб.: Судостроение, 2005. – 440 с.
106. Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (дек. 1934 – нояб. 1938 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2010. – 21 с.
107. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930 – 1940-х гг. // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 31-46.

108. Белоконова А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946 - 1953 гг.) : Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004. – 24 с.
109. Большаков И. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. – М.: Госкиноиздат, 1950. – 214 с.
110. Вербицкий С.И. Формирование представлений о Японии в России и СССР // Япония: Ежегодник. – 1989. – С. 129-149.
111. Вербицкий С.И. Что думают японцы об СССР ? // Япония: Ежегодник. – 1992. – С. 152-162.
112. Вергасов Ф. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. – М., 1998.
113. Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке: Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. – М.: Воениздат, 1971. – 392 с.
114. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М.: Прогресс, 1981. – 287 с.
115. Володина Н.А., Алехин Э.В. Советский плакат в системе большевистской пропаганды // Теория и практика общественного развития. – № 21. – 2015. – С. 179-181.
116. Всеволодов В.А. «Образ врага» (к вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плена. – Красногорск, 1996. – С. 144-147.
117. Гельфонд Г.М. Советский флот в войне с Японией. – М.: Воениздат, 1958. – 190 с.
118. Глейзер М.С. Радио и телевидение в СССР: Даты и факты (1917-1986) – М.: б. и., 1989. – 230 с.
119. Горбунов Е.А. Крах планов «Оцу», 10 августа 1938, 20 августа 1939. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1988. – 223 с.
120. Горяева Т. Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. – 2002. – № 10. – С. 41-44.
121. Гудков Л.Д. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. – С. 7-79.
122. Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание: страницы истории. – М.: Искусство, 1976. – 382 с.
123. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. – М.: Искусство, 1962. – 443 с.
124. Деревянко А.П. Пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. Материалы к 60-летию Хасанских событий. – Владивосток: Уссури, 1998. – 82 с.
125. Дроздов Ф.Б. «Образ врага» в сознании рядового красноармейца в годы Великой Отечественной войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. – М., 2005. – С. 302-315.

126. Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 341-356.
127. Жуков Е.М. История Японии. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 220 с.
128. Зимонин В.П. Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. – М.: ИДВ РАН, 2010. – 215 с.
129. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне. 1941 – 1945 гг. – М.: ИРИ, 2000. – 277 с.
130. Иванов Ю.Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. – Смоленск: Русич, 2003. – 528 с.
131. Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941 – 1944 гг. – М., 1988.
132. Исаев А.А. Оборонно-массовая работа на Дальнем Востоке СССР в конце 1920-х – начале 1940-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – № 1 (27). – 2014. – С. 59-68.
133. Исаев А.А. Общество Дальнего Востока в условиях японской опасности (1930-е – середина 1940-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2006. – 28 с.
134. Исаев А.А. Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917 – 1960-е гг. XX века: сб. науч. ст. – Владивосток, 2005. Кн. 3. – С. 117-118.
135. Исаев А.А., Федирко О.П. Деятельность общественно-политических организаций по подготовке населения Дальнего Востока к обороне в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. – № 7. – 2015. – С. 30-36.
136. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. Т. 5. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963. – 652 с.
137. История Второй мировой войны. 1939 – 1945. В 12-ти тт. Т. 11. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1980. – 495 с.
138. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 736 с.
139. Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия. (1945 – 1956 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 2007. – 38 с.
140. Карасев С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945-1956 годы). – Иркутск: Издательство Иркутского государственного технического университета, 2006. – 353 с.
141. Кирпичникова М.В. Антигитлеровская коалиция в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны (на материалах северо-запада СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008. – 22 с.

142. Козлов Н.Д. Великая Отечественная война: свидетельства и оценки участников. – СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2015. – 554 с.
143. Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Альтер-Эго, 2008. – 336 с.
144. Козлов Н.Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 1996. – 41 с.
145. Козлов Н.Д. Образ врага в сознании народа и отношение к нему в годы Великой Отечественной войны // IX Царскосельские чтения. Т.1. Материалы всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2005. – С.169-178.
146. Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – СПб.: ЛОИУУ, 1995. – 138 с.
147. Козлов Н.Д. Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 5. – С. 57-68.
148. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – С. 30-45.
149. Козлов Н.Д. Союзники и противник о патриотизме советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 4. – С. 7-17.
150. Колдомасов И.О. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества (1941 – 1945): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010. – 23 с.
151. Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной ... (1941-1945). – М.: Наука, 1983. – 279 с.
152. Кондакова Н. И. Война, государство, общество. 1941-1945. – М.: Издательство МГФ «Ветеран Москвы», 2002. – 477 с.
153. Кондратьев В.И. Битва над степью: авиация в советско-японском вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол. – М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. – 132 с.
154. Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М.: Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. – 102 с.
155. Королева В.А. Музыканты Приморья в 1941-1945 гг. // Россия и АТР. – 2010. – №4. – С. 27-37.
156. Костылев Ю.С. Образ японца в советской массовой печати // Политическая лингвистика. – 2007. – № 1(21). – С. 39-46.
157. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931 – 1945. – М.: Мысль, 1989. – 271 с.
158. Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. – М.: Вече, 2010. – 480 с.

159. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М.: Издательство ИМО, 1962. – 560 с.
160. Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – №3. – 2013. – С. 122-124.
161. Ложкина А.С. Источники формирования образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2008. – №4. – С. 85-100.
162. Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931-1939): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 28 с.
163. Ложкина А.С. Роль периодической печати СССР в формировании Образа Японии (исторический опыт 1930-х гг.) // Уральский исторический вестник. – 2009. – №1 (22). – С. 23-30.
164. Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. Ежегодник. – № 37. – 2008. – С. 259-284.
165. Мельникова И.В. Музыка как символ русско-японского партнерства // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 116-142.
166. Михайлова Ю.Д. Война длиною в целый век: лубок, литография, карикатура // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 38-67.
167. Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. – М.: Вече, 2004. – 478 с.
168. Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929 – 1948): историческое исследование. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2005. – 379 с.
169. Молодяков В.Э. Япония в русском сознании и в русской культуре конца XIX – начала XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 325-340.
170. Мощанский И.Б. Информационная война: органы спецпропаганды Красной армии. – М.: Вече, 2010. – 377 с.
171. Назаров А. Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофотодокументах июня – декабря 1941 года // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М., 2005. – С. 175-190.
172. Небезин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 – 1941 гг. – М., 1997.
173. Николаева М.Ф. Советский плакат (1917-1941): между искусством и медийной технологией // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – №3. – 2012. – С. 129-132.
174. Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. – М.: Политиздат, 1971. – 111 с.
175. Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. – М., 1985.
176. Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. – М.: Мысль, 1972.

177. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
178. Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939 – 1945 гг. – М.: Наука, 1979. – 239 с.
179. Сенявская Е.С. 1941-1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. – М.: ИРИ, 1995. – 218 с.
180. Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО Университета. – №4 (31). – 2013. – С. 165-176.
181. Сенявская Е.С. Духовный облик фронтового поколения: (Методологические и источниковедческие проблемы изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 23 с.
182. Сенявская Е.С. Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1999. – 50 с.
183. Сенявская Е.С. Психология советского солдата в годы Великой Отечественной войны // Социология власти. – № 6. – 2004. – С. 5-22.
184. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с.
185. Сенявская Е.С. Русские и финны глазами друг друга: «образ врага» в кинематографе о Второй мировой войне // Вестник РУДН. Серия «История России». – № 4. – 2005. – С. 14-19.
186. Сенявская Е.С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. – М., 2006. – № 1. – С. 92 – 103.
187. Сенявская Е.С. Япония как противник России в войнах XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 357 – 386.
188. Сенявский А.С. Проблема «свой» - «чужой» в историческом сознании: теоретико-методологический аспект // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Матер. Междунар. науч. конф. / Под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2001. – С. 13 – 15.
189. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941-1945. – М., 1995. – 335 с.
190. Советское кино в годы Великой Отечественной войны (1941- 1945). – М.: ВГИК, 1999. – 52 с.
191. Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. – 250 с.
192. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2010 – 375 с.

193. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Владивосток, 2012. – 26 с.
194. Ткачева Г.А. Особенности общественного сознания дальневосточников (1941—1945 гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятые Крушановские чт. 2006 г.: в 2 т. – Владивосток, 2008. Т. 1. – С. 382-390.
195. Ткачева Г.А. Обороноспособность Дальневосточного региона в 1941 – 1945 гг. // Россия и АТР. – № 2. – 2004. – С. 43-52.
196. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954. – М.: ИРИ, 1999. – 261 с.
197. Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Русин. №2 (40). 2015. – С. 189-208.
198. Червякова А. О роли органов советской и германской пропаганды в формировании массового сознания населения СССР и советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – Ростов-на-Дону, 2001. – № 1 (57) – С. 13-17.
199. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – М.: Вече, 2003. – 377 с.
200. Чхартишвили Г.Ш. Образ японца в русской литературе // Знамя. – № 1. – 1996. – С. 189-195.
201. Широкопад И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – М.: МГУП, 2001. – 330 с.
202. Широкопад А.Б. Дальневосточный финал. – М.: АСТ Транзиткнига, 2005. – 424 с.
203. Шишов А.В. Россия и Япония: история военных конфликтов. – М.: Вече, 2000 – 572 с.
204. Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945 г. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 192 с.
205. Янгузов З.Ш. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР. (1929-1938 гг.). – Благовещенск: Хабаровское книжное издательство, 1970. – 239 с.

III Электронные ресурсы

206. Режим доступа: <http://iremember.ru/>. Дата обращения: 01.2017.
207. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/>. Дата обращения: 2016 – 2017.
208. Режим доступа: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/books/vov.htm>. Дата обращения: 2017.

Приложение А

Сравнительный контент-анализ газет «Ленинградская правда» и «Тихоокеанская звезда». 1938 г.

	Июль ¹		Авг.		Сент.		Окт.		Нояб.		Дек.		Итого	
	ТЗ ² ₂	ЛП ³ ₃	ТЗ	ЛП	ТЗ	ЛП								
Нейт. коннотации	26	57	44	77	16	51	28	44	20	39	17	23	151	291
Япония / японцы	17	25	23	33	12	20	17	22	9	28	13	17	91	145
Японские войска / отряды	1	10	9	21	1	15	1	11	4		2	1	18	58
Военно-воздушные силы Японии	1	12	3	1		7	5	4		1	2	1	11	26
Солдаты / командование	1	1	4	5	3	4	1	1	7	8		3	16	21
Военно-морские силы Японии	6	4	5	1		5	4	4		1		1	15	16
Японские дипломаты / послы		1		11										12
Японское Правительство		1		5				2						8
Японский народ		3								1				4
Отриц. коннотации	6	10	48	48	21	-	-	12	20	2	-	3	97	76
Хищники / звери / изверги		1	1						1	1		2	2	4
Фашисты				5										5
Захватчики	1	2		4				1	2				5	7
Провокаторы		3	5	7									5	10
Мразь / мерзавцы			1		3								4	
Враг / противник			8	5	8			6	7				23	11
Разбойники / бандиты		2	1	2									1	4
Агрессоры		1	2	6									2	7
Империалисты / милитаристы			2	4	2				2			1	6	5
Военщина		2	11	7				1	2	1	1		13	11
Самураи		1	13	5	8			3	6				27	9
Бандиты / разбойники	2		3					1					5	1
Оккупанты / интервенты	3			1									3	

¹ Хронологические рамки контент-анализа очерчены датами непосредственных военных столкновений между Японией и СССР: начальные рамки – провокациями на озере Хасан Хасан с 29 июня – 11 августа 1938 года, конечные рамки – советско-японской войной с 9 августа – 2 сентября 1945 г.

² ТЗ – «Тихоокеанская звезда». За основу брался каждый восьмой номер выпуска в течение года.

³ ЛП – «Ленинградская правда». За основу брались пять номеров газеты в месяц за 1, 7, 14, 21, 28 числа (в случае отсутствия номера за любое из приведенных чисел брался ближайший выпуск).

Гады / псы / шакалы			1	2													1	2
---------------------	--	--	---	---	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	---	---

Сравнительный контент-анализ газет «Ленинградская правда» и «Тихоокеанская звезда». 1939 г.

	Янв.		Февр.		Март		Апр.		Май		Июнь		Июль		Авг.		Сент.		Окт.		Нояб.		Дек.		Итого	
	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П	Т 3	Л П
Нейтрал. коннотации	32		31		16		19	38	13	69	34	74	26	11 4	19	76	15	62	35	27	19	41	13	31	27 2	53 2
Япония / японцы	28		25		13		13	19	12	30	27	35	15	64	17	40	10	21	25	15	17	17	6	13		
Японские войска / подразделения			4		3			7		18	2	20	3	19		14	2	14	9	5		10	6	12		
Военно-воздушные силы Японии ¹	2						3	3		10	3	5	4	12		7	1	1	1	4	2	7				
Солдаты / командование							3	3		8	2	6	3	6		2	2	1		1		4	1	2		
Военно-морские силы Японии ²	2		2					4	1	3			1	7	2	3		3		2				1		
Японские дипломаты / послы												3				2		1								
Японское Правительство / Парламент								2				5		6		8		11						3		
Отриц. коннотации	6		11				2	1	3		7			5	30	10					30	2			89	18
Хищники / звери / мразь / мерзавцы								1			1			1												
Захватчики			1											1	2	1						3				
Провокаторы / авантюристы																5	3					5				
Враг / противник																6						6	1			
Агрессоры / разбойники / бандиты	2		3								1					1										
Империалисты / милитаристы																	3									
Военщина	2		7				2		1		4			1	2	2						2	1			
Самурай ³	2								2					2	13							13				

¹ Постоянного упоминания коннотации «военно-воздушные силы Японии» (далее ВВС) в газетах нет. В смысловое значение в такую «конструкцию» входят различные лексемы, перечисленные ниже: «самолеты», «авиация», «бомбардировщики», «истребители», «аэродромы».

² Постоянного упоминания коннотации «военно-морские силы Японии» (далее ВМС) в газетах нет. В смысловое значение в такую «конструкцию» входят различные лексемы, перечисленные ниже: «японский флот», «военные корабли», «авианосцы», «суда», «морской десант», «катеры», «эсминцы».

³ Постоянного упоминания коннотации «самурай» в газетах нет. В смысловое значение в такую «конструкцию» входят различные лексемы, перечисленные ниже: «коварные, подлые, зарвавшиеся самурай», «самурайские орды», «самурайское зверье».

Контент-анализ газеты «Тихоокеанская звезда». Маньчжурская стратегическая наступательная операция (9 авг. – 2 сент. 1945 г.).

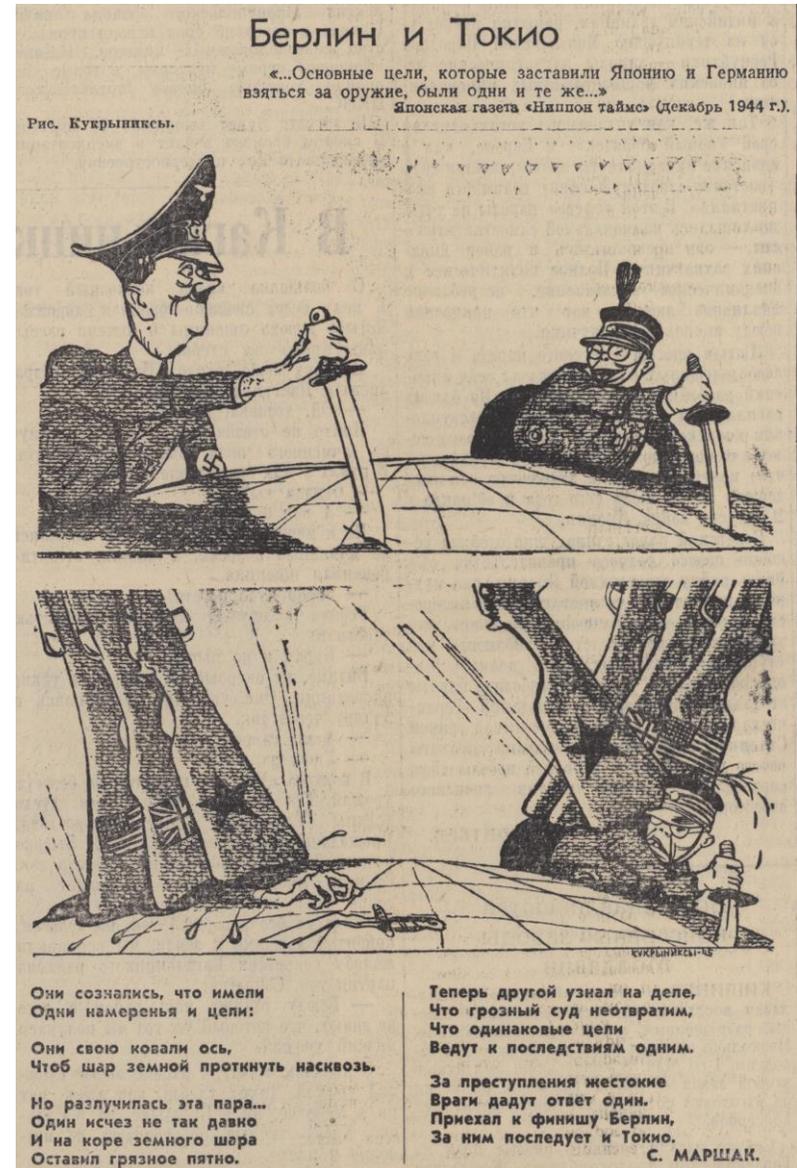
	Авг.																		Сент.			Итого
	9	10	11	12	14	15	16	17	19	21	22	23	24	25	26	28	29	31	1	2	4	
Отр. коннотации	74	96	82	92	70	51	42	41	46	22	35	22	17	35	25	20	109	31	26	20	96	1052
Япония фашистская / империалистическая	34	36	36	46	31	7	12	10	19	7	13	7	5	4	5	6	54	1	13	4	54	404
Агрессор / очаг агрессии	13	7	14	8	4	6	3				2			6	2	9	17		2	1	8	102
Империалисты / милитаристы	13	6	7	14	12	10	6	8		1	1	2		1	5		19	3	5	1	10	124
Японская военщина	2	10	5	3	5	13	5	7	8	9	13	11	11	8	8	3	8	4	2	3	8	146
Хищники	1	1	1	1										1			2		1		2	10
Захватчики / оккупанты	2	2	1	1	5	1	3	2	4	2				6			4		3	1	5	42
Самураи	2	9	4	6	3	1	5	3	4	1				6	1	1	1	11		6	1	65
Интервенты / оккупанты		6	1	3	3	6	4	2	1			2	1					1			2	32
Разбойники	1	2	2	1	1		4	1										1			3	16
Японский фашист	2	2															1					5
Зверства / звери	1	3	1		2													1			1	9
Бандиты		2				1																3
Враг / противник	3	10	10	9	4	6		8	10	2	6			3	4	1	3	9		4	2	94
Нейт. коннотации	14	21	9	24	12	21	9	3	18	18	19	34	37	24	12	12	4	17	11	14	7	340
Правящие круги Японии	5	2	2	11			1	1			1						1		1			25
Император /			2	1								1		1	1	1			2	2		11
Япония / японцы	6	19	5	11	12	21	8	2	17	16	16	27	37	23	11	11	3	17	8	12	5	287
Японский посол	3			1					1	2	2	6									2	17
																						1392

Приложение Б

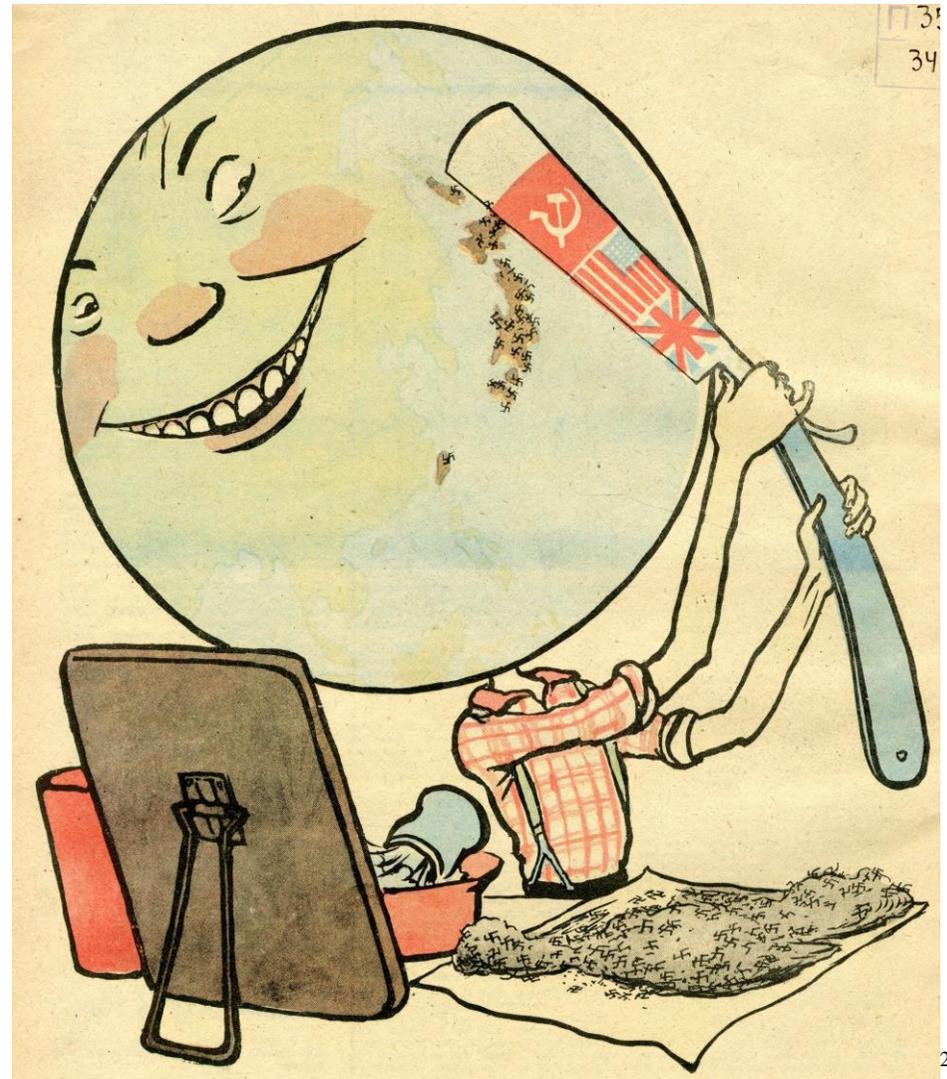

¹ Павчинский В. Срубить голову японскому гаду! //Тихоокеанская звезда. 1945. 10 авг. С. 4.

² Кукрыниксы, Маршак С. Берлин и Токио // Правда. 1945. 11 авг. С. 4.

Приложение В

Приложение Г

¹ Белоусов Г., Лебедев Ю. Мы японских самураев / Били, били и добьем // Курская правда. 1945. 12 авг. С. 4.

² Волгин И., Семенов И. За туалетом // Крокодил. 1945. № 28. Вторая обложка.

**База данных вопросов, задаваемых на митингах и собраниях Ленинграда
в период Маньчжурской стратегической наступательной операции
(9 августа – 2 сентября 1945 года)¹**

Вопросы, связанные с изменением социально-экономического устройства в городе в послевоенное время	Круг вопросов, затрагивающий интерес к международному положению СССР, в частности, к проблеме готовности союзников выполнять условия договора Потсдамской конференции.	Вопросы о деталях проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции, а также общие вопросы
<p><i>Вопросы о репарациях и военнопленных, находящихся в Ленинграде:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Объем общих репараций и что будет отходить СССР? • Как разрешены трудовые репарации? Долго ли у нас будут работать военнопленные? <p><i>Вопросы о переходе на режим военного времени:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Как будет отражаться та война на нашей экономике и повлияет ли на наш начавшийся мирный труд? • Будет ли наша страна и город Ленинград на военном положении? • Будет ли введена светомаскировка? (2)² • Будем ли мы изготавливать заказы для фронта? • Как война отразится на продовольственном снабжении трудящихся? • Какие могут быть изменения в производственной жизни? • Как будет работать наша промышленность? • Станут ли сейчас на повестку дня лозунги военного времени? (2) • Военный налог, очевидно, опять будет введен? • Будет ли отменен военный налог? 	<p><i>Вопросы, связанные с ролью союзников в войне с Японией:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Вступили бы мы в войну, если бы нас не попросили союзники? • В чем должно выражаться посредничество Советского Союза, о котором говорил Молотов в своем заявлении? • Будет ли Англия и Америка воевать активно, или вся тяжесть войны ляжет на нас? • Пойдут ли наши войска в наступление сейчас, или будут выжидать удобного момента, как ждали наши союзники в войне с Германией? (2) • Вдруг союзники подведут? • Будем ли мы помогать союзникам в разгроме Японии? • О Берлинской конференции руководителей союзных держав? • Будет ли Англия давать войска для военных действий с Японией? <p><i>Иные вопросы, связанные союзниками:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • О выборах в Англии и отставке Черчилля? • Не отразится ли смена кабинета в Англии на разрешении общеевропейских вопросов? • Не отразится ли смена президента [США – К.С.] на наше состояние с союзниками в сторону ухудшения? • Будет ли Трумэн проводить политику Рузвельта в европейских вопросах? • Почему СССР отказался от немецкого золота в пользу союзников? • Почему мы согласились на ввод союзных войск в 	<p><i>Вопросы о причинах и характере грядущей войны с Японией:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Не придется ли нам воевать с Японией? • Причины вступления СССР в войну с Японией? • Нарушала ли Япония государственные границы Советского Союза в ходе войны с Гитлеровской Германией? (2) • Что за военные вопросы, которые обсуждали начальники штабов? Не входил ли сюда вопрос о войне с Японией? • Не будут ли японцы, как немцы, после объявления о безоговорочной капитуляции отходить от наших частей на свои острова не сдавая оружия? (2) • Можно ли считать нарушением договора с Японией о нейтралитете факт объявления СССР войны с Японией? • Как мы будем проводить военные действия? • Будут ли посылаться войска на Дальний Восток? • Будем ли мы наступать? • Как велик фронт военных действий? • Есть ли сообщения о первом наступлении Красной Армии? • Кто командует Дальневосточным фронтом? • Все ли части авиации на Дальнем Востоке? • В чем выражаются действия нашей авиации в войне с Японией? • Какой характер войны носит война с Японией? • Как может смотреть заграничная пресса на то, что объявили войну Японии лишь после разгрома Германии? • Война закончена была с Германией, как считать эту

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. Л. 1 – 127.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 6322. Л. 11 – 12, 23, 70 – 72.

² (2) – количество повторных вопросов на митингах и собраниях Ленинграда.

<p><i>Вопросы о мобилизации и демобилизации:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Как война с Японией отразится на демобилизации из Красной Армии? • Будет ли в силе указ Правительства о демобилизации? • Будет ли мобилизация? • Вызовет ли эта война дополнительную мобилизацию людских резервов? • Будет ли демобилизация? • Будет ли приостановлена демобилизация? (4) • Скоро ли будет демобилизация командного состава и младших возрастов рядового состава из Армии? • Будет ли до конца проведена демобилизация старших возрастов? (6) • Не будут ли возвращать обратно в армию демобилизованных? <p><i>Вопросы об отпусках и сроках рабочих дней:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Будут ли даваться отпуска трудящимся? • Будут ли отменены отпуска? (4) • Будут ли даваться отпуска? • Будут ли изменения в части отпусков? • Останется ли в силе закон об отпусках? • Сохранится ли 8-часовой рабочий день? (3) • Не будет ли вновь объявлен увеличенный рабочий день? (2) <p><i>Вопросы о снабжении продовольствием и карточной системе:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Об отмене карточной системы? (2) • Будет ли в 1945 году госзакуп хлеба? • Почему нет коммерческого хлеба? • Как будет проходить ликвидация картелей? • Когда кончится отоваривание мяса яичным порошком? • Как вы думаете, может ли рабочий прожить на одну карточку? 	<p>Вену?</p> <ul style="list-style-type: none"> • С чем связано, что мы отказались от золотого запаса, захваченного Америкой? • Почему США недовольны выборами в Болгарии? <p><i>Вопросы об атомной бомбе:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Есть ли на нашем вооружении атомная бомба? • Что такое атомная бомба? 2 • Не является ли изобретение и применение атомной бомбы причиной перелома в войне с Японией? <p><i>Вопросы о противниках СССР во Второй мировой войне и о странах сохранивших нейтралитет:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Как поступит СССР с Мексикой и Аргентиной? • Как поведут себя Турция, Швеция и Испания? • Не будут ли нарушены наши отношения с Турцией? • Как будет обстоять дело с Турцией, она ведь вела двойственную политику во время войны? (2) • Как будут развиваться отношения союзников и Советского Союза с Испанией? (2) • Будем ли мы воевать с Испанией? • Положение в Испании? • Почему США вмешивается в дела Болгарии? • Есть ли еще хотя бы малые агрессивные страны? <p><i>Вопросы о Кенигсберге:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Зона Кенигсберга будет ли присоединена к Литве? • Чем объяснить, что «тройка» санкционировала передачу Кенигсберга с портом России? <p><i>Вопросы о послевоенном положении на Дальнем Востоке:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Предполагается ли разделение Японии на зоны оккупации и будет ли в этом участвовать Советский Союз? (2) • На какие зоны будет поделена Япония? • Будет ли вывозиться оборудование из Японии? • Какое будет правительство в Японии? (2) • Кому будет отдано вооружение Японии? • Каковы территориальные претензии Советского Союза на Дальнем Востоке? • Кому принадлежит Сахалин? (2) 	<p>войну – как новую войну или как продолжение Великой Отечественной войны?</p> <p><i>Вопросы о Японии:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Насколько сильна Япония? • Велика ли территория Японии? • Численность населения? • Численность армии Японии? • Силен ли у Японии флот? • Каковы ресурсы Японии? • Что такое самолеты-снаряды? • Какова мощь японской авиации? • Радиус действия японской авиации? • Есть ли отклики в японской печати о выступлении Советского Союза против Японии? <p><i>Вопросы об оккупированном Китае:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Какая территория Китая занята Японией? (2) • Сколько на территории Китая имеется населения? • Какая часть Китая будет поддерживать Красную Армию? • Чьи войска будут оккупировать Китай? • Предстоит ли Красной Армии освободить китайскую территорию? • Политика правительства Маньчжоу-Го по отношению к Советскому Союзу? • Положение в Китае? • Прекратятся ли военные действия в Китае? • Будет ли Красная Армия освобождать китайскую территорию, захваченную японцами? • Каковы пути действия наших войск на Востоке? <p><i>Вопросы о сроках советско-японской войны:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Продолжительна ли будет война? (2) • О длительности войны? (3) • Будет ли война затяжной или короткой? <p><i>Вопросы о капитуляции Японии:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Ответило ли наше правительство и правительство союзных держав на заявление Японии о безоговорочной капитуляции?
---	--	--

<ul style="list-style-type: none">• Почему в столовой нельзя взять кашу без масла, ведь масло мы должны отдавать детям, а кашу пустую не дают?• Будет ли проведен газ на Большую Охту, в деревню Яблоновка в деревянные дома, в пригородные районы?• Будет ли в связи с новой войной выполняться решение Правительства о газификации Ленинграда?	<ul style="list-style-type: none">• Потребуется ли Советское правительство возвращения КВЖД?• Что получит Советский Союз в результате войны с Японией?• Будет ли Порт-Артур возвращен нам?• Отойдут ли нам территории, захваченные Японией в 1904 году?• Так ли поступят с Японией великие державы как поступили с Германией?• Условия, предъявленные Японии?	<ul style="list-style-type: none">• Скоро ли Япония окончательно капитулирует?• Япония капитулирует, в военные действия продолжают. Неясно – кончилась война или еще продолжается? (2)• Почему до сих пор продолжают военные действия? (2)• Война кончилась или еще продолжается?• Почему Япония передала условия безоговорочной капитуляции через Швейцарию?• Не получится ли так, что японцы, как и немцы, после объявления капитуляции будут отходить от наших частей на острова, не сдавая оружие?
--	--	---